
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 1 (19)

2015

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГУ)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Л.А. Ризванова Перевод А.Ю. Филькова, А.В. Буланова
©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 17.03.2015 г. Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Комлев Ю.Ю. Адаптация и закрепление молодых специалистов в ОВД в контексте полицейской реформы: результаты социологических исследований	6
Шипунова Т.В. Прогностический потенциал исследования конструкторов девиантности и социального контроля	19
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Кудашова И.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере подготовки спортсменов	28
Шмелева О.Г., Лебедева А.В. Оплата труда педагогических работников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования	34
Шамсутдинова Д.В. Конституционное право на образование и его защита в современном российском судопроизводстве	39
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е. Социологическое исследование как составляющая мониторинга наркоситуации	47
Ефремова М.А. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений	55
Вайле С.П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы	59
Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Приоритетные направления предупреждения коррупционной преступности на современном этапе	63
Грачев С.И., Морозова А.С. Коррупция как фактор существования терроризма	68
Демидова-Петрова Е.В. Основные факторы проявления экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации	72
Буткевич С.А., Коноплева А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения	76
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Иванов П.И., Булдин А.Е. Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем	84
Хайдаров А.А. Предъявление доказательств как отдельное процессуальное действие	92

Гатауллин А.Г., Жуковская И.В. Особенности досудебного урегулирования споров с участием посредника	97
--	----

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Хадиуллина Г.Н.

Исламский банкинг и возможности реализации его потенциала в современной российской экономике	102
--	-----

Шевко Н.Р.

Эволюция представлений о сущности информации	107
--	-----

Трибуна Молодым

Диденко Н.С., Истратов А.А.

Особенности участия граждан в уголовном судопроизводстве	111
--	-----

Гарипов Т.И.

Ложно понятые интересы службы как мотив преступлений против правосудия	117
--	-----

Мельник Э.П.

Историческое развитие процессуальных форм судопроизводства по законодательству царской России и России советского периода	122
---	-----

Габдурахманов Л.Р.

Особенности уголовной ответственности за нарушения требований в области транспортной безопасности	129
---	-----

<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	132
--------------------------------------	-----

<u>ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ</u>	136
------------------------------------	-----

<u>ДОГОВОР С АВТОРОМ</u>	138
--------------------------------	-----

<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	140
---------------------------------	-----

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT BELIAVIOR</u>	
Komlev Y.Y. Adaptation and consolidation of young professionals of BI in the context of police reform: results of sociological research	6
Shipunova T.V. Prognostic potential research constructs of deviance and social control	19
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Kudashova I.V. Administrative responsibility for offenses in the field of training of athletes	28
Shmeleva O.G., Lebedeva A.V. Remuneration of teaching staff in organizations engaged in educational activities for the implementation of higher education programs	34
Shamsutdinova D.V. Constitutional right to education and protection in modern Russian legal proceedings	39
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Nevirko D.D., Shinkevich V.E. Sociological research as a part of monitoring the drug situation	47
Ephraim M.A. Criminal liability for violation of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, Telegraph and other messages	55
Vejle S.P. Extremism in modern Russia: Trends and Prospects	59
Shalagin A.E., Kabirov D.E. The priority areas of prevention of corruption crime at the present stage	63
Grachev S.I., Morozova A.S. Corruption as a factor in the existence of terrorism	68
Demidova-Petrova E.V. Major factors of manifestation of extremism in the youth environment in the Russian Federation	72
Butkevich S.A., Konoplyova A.A. Extremism Extension in the Republic of Crimea: Problems of Counteraction and Ways of Solutions	76
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Ivanov P.I., Buldin A.E. Some features of the operative detective support of the preliminary investigation and trial of cases of legalization of proceeds incomes got by crime way	84
Khaidarov A.A. The submission of evidence as a separate procedural action	92
Gataullin A.G., Zhukovskaja I.V. Features of pre-judicial settlement of disputes with participation of the intermediary	97

HUMANITIES

Hadiullina G.N.

Islamic banking and the possibility of realization of its potential in the modern Russian economic 102

Shevko N.R.

The evolution of ideas about the nature of the information 107

TRIBUNE for the YOUNG

Didenko N.S., Istratov A.A.

Special features of the participation of citizens in the criminal legal procedure 111

Garipov T.I.

False notion of the service as a motive for the crime against justice 117

Melnik E.P.

Historical development of the procedural forms of legal proceedings under the laws of tsarist Russia and Soviet Russia 122

Gabdurahmanov L.R.

Peculiarities of criminal liability for violations of the requirements in the field of transport security 129

ABSTRACTS AND KEY WORDS 132

INFORMATION FOR AUTHORS 136

CONTRACT WITH THE AUTHOR 138

NOTICE TO AUTHORS 140

Ю.Ю. Комлев

АДАПТАЦИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОВД В КОНТЕКСТЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются подходы к изучению профессиональной адаптации выпускников юридических вузов МВД России в территориальных ОВД. Дается обзор результатов эмпирических исследований профессиональной подготовки, адаптации и закрепления молодых специалистов в подразделениях полиции. Предлагаются меры по совершенствованию адаптации выпускников ведомственных вузов и совершенствованию учебного процесса.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, закрепление выпускников, профессиональное ядро, факторы дезадаптации, профессиональная подготовка.

Реформа ОВД проводится на правовой основе ФЗ «О полиции» (2011), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011) и других нормативных правовых актов. Траекторию перемен уточняет «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» (2013). Этот документ направлен на то, чтобы сделать российскую полицию государственным институтом, способным дать адекватный ответ угрозам и вызовам XXI века и пользующимся высоким доверием граждан.

Необходимость преобразований обусловлена развитием новых политических реалий, внешних и внутренних угроз, экономических санкций, глобализацией. Глобальные и локальные перемены в мировой экономике и обществе постмодерна влекут за собой, с одной стороны, гентрификацию и рассеивание преступности, с другой – ее геттоизацию (концентрацию и интенсификацию). Эти тренды заявляют о себе не только в экономически развитых, но и в развивающихся странах с преимущественно сырьевой экономикой и высоким уровнем расслоения населения, таких, как Россия и

другие страны постсоветского пространства. Вместе с тем заметное снижение масштабов фиксируемой полицией ОВД статистики преступлений как в России, так и других странах, свидетельствует не об успешном противодействии криминальным угрозам, а скорее о трансформации преступности из преимущественно насильственной в латентную форму «беловоротничковой» (коррупция и другие преступления) и кибер-преступности. Дистрибутивное уголовное право и правоохранительная система в силу инерции не обеспечивают эффективный социальный контроль над преступностью в ее современных проявлениях, что позволяет криминологам (Н. Кристи, Я. Гишинский и др.) заявлять о продолжении «кризиса наказания» или «полицейского контроля» по модели «закон и порядок».

Опыт реформ в МВД показывает, что без профессионалов в среде сотрудников органов внутренних дел полиция не сможет выполнить стоящие перед ней задачи по противодействию преступности в новых условиях. Наряду с современным оснащением ОВД, внедрением передовых технологий совершенно необходимо реформировать работу с полицейскими кадрами. «Дорожная карта» справедливо концентрирует внимание на необходимости повышения кадрового профессионализма ОВД. Для достижения этой цели требуется *сформировать и закрепить профессиональное кадровое ядро поли-*

ции по всем направлениям оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности на всех уровнях управления; повысить эффективность системы подбора, расстановки и перемещения кадров; создать необходимые условия для «профессиональных лифтов», стимулирующих служебный рост и личную инициативу кадров; переработать нормы кадрового обеспечения органов внутренних дел с учетом фактической нагрузки; скорректировать работу образовательных организаций, системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров, увязанной с порядком прохождения службы в органах внутренних дел; качественно преобразовать воспитательную работу с личным составом, в основу которой поставить идеи соблюдения и защиты прав человека, служения народу, гражданской ответственности и патриотизма, верности служебному долгу, уважения к закону, общепринятым нормам морали и нравственности, толерантности и самодисциплины. Необходимо восстановить и упрочить в этих целях институты наставничества, поручительства и взаимной ответственности сотрудников и руководителей; сформировать в системе МВД России условия, обеспечивающие высокую личную заинтересованность каждого сотрудника в добросовестном исполнении служебных обязанностей как гарантии сохранения высокооплачиваемой и престижной работы; а также получения во время прохождения службы и после выхода в отставку достойного пакета социальных льгот.

«Дорожная карта», как видим, определяет вектор на развитие кадрового ресурса МВД. Это совершенно оправданно, поскольку позволит в перспективе изменить и управленческую парадигму, ориентированную на тотальный ведомственный контроль, при котором неизбежны постоянные проверки, отчеты, работа на статистику, а не конечный результат; снижение профессионализма («работа по среднему»), текучесть кадров, падение инициативы и творчества.

Исследования специалистов свидетельствуют, что издержки «контроля сверху» за работой сотрудников полиции в России сегодня столь велики, что на охрану правопорядка нередко не хватает людских и вре-

менных ресурсов. Так, участковый уполномоченный за свой рабочий день выполняет два вида работ: с одной стороны, он ходит по вызовам, ведет прием граждан, участвует в разрешении конфликтов, в охране общественного порядка. С другой – он детально заполняет рапорты, отчеты, протоколы, на что тратит половину своего рабочего времени [1]. В полиции, да и не только, принято считать, что без заполнения бумаг сотрудники ничего не делают. На этот факт указали и результаты неформализованного опроса, проведенного в рамках данного исследования в учебной группе ФПО и ДПО КЮИ МВД России, где обучение проходили в 2014 году 25 руководителей подразделений полиции из Татарстана, Москвы, Нижегородской области, Пермского края и других регионов, включенных в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне. Типичные высказывания опрошенных следующим образом характеризуют современную ситуацию на местах: *«бюрократия, поэтому нехватка личного состава», «бумажный оборот, поэтому нет времени для работы с населением», «несвойственные функции», «нет ротации руководителей», «палочная система», «неграмотное сокращение личного состава», «двойной документооборот», «тотальный контроль», «заседаем больше, чем работаем», «бумажная работа».*

Между тем ориентация «Дорожной карты» на создание и закрепление *«профессионального кадрового ядра»* предполагает переход к системе управления, в которой вложение в качественный отбор, подготовку, переподготовку и закрепление персонала полиции будет способствовать росту образованности, самоконтроля, самодисциплины и ответственности сотрудников, повышению роли в ОВД профессиональной этики, репутационных механизмов «контроля снизу». По этому пути успешно продвигаются полицейские организации западных стран, особенно Германии.

В настоящее время на службу в полицию поступают различные категории специалистов. Однако ведущая роль в комплектовании территориальных подразделений принадлежит выпускникам ведомственных

высших учебных заведений юридического профиля. Это достаточно подготовленная и стабильная часть в пополнении кадрового потенциала полиции. Работа с кадрами затрагивает широкий спектр социально-профессиональных вопросов, связанных с совершенствованием системы отбора, направления на учебу, распределения, адаптации и закрепления молодых специалистов в территориальных ОВД.

Выпускники вузов МВД получают в целом добротную теоретическую подготовку, овладевают профессиональными знаниями, навыками и умениями. Учебные планы, образовательные программы и технологии в ведомственных образовательных организациях ориентированы на реализацию компетентного подхода. Они постоянно совершенствуются в контексте усиления практической направленности обучения. Вместе с тем практика и режим работы в ОВД отличаются от учебы в вузе. Эти различия весьма существенны в условиях, когда продолжается реформа ОВД, пресс нагрузки на плечи рядовых сотрудников полиции не снижается, а в некоторых случаях усиливается в силу издержек, вызванных ошибками оптимизации штатной численности персонала, ее перераспределения, а также бюрократизации управления, доминирования «контроля сверху», тотального и повсеместного бумаготворчества.

Полицейская реформа, увы, мало что изменила в работе ОВД на уровне территориальных подразделений. Тем не менее, статистика свидетельствует, что после принятия закона «О полиции» текучесть выпускников Казанского юридического института МВД России в ОВД Республики Татарстан определенно снизилась. Так, в 2010 и 2011 годах из 180 выпускников очного факультета, откомандированных для дальнейшего прохождения службы в МВД по РТ, по разным основаниям был уволен каждый шестой молодой специалист. По итогам 2012 и 2013 годов из 172 выпускников уволены всего 5 молодых специалистов. Однако установки на увольнение, как показывают неформализованные опросы, разделяет все еще значительная часть выпускников вуза. И если бы не контрактная система, то уволенных по

собственной инициативе среди выпускников КЮИ МВД России в территориальных подразделениях МВД по РТ было бы значительно больше, особенно в крупных городах.

Отсюда адаптация и закрепление выпускников КЮИ МВД России в территориальных ОВД имеют особую актуальность и практическую значимость.

В рамках заказа со стороны УРЛС МВД по РТ на разработку адаптационной проблематики кафедрой философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России в 2014 году выполнена НИР «Адаптация и закрепление выпускников КЮИ МВД России в ОВД РТ: результаты эмпирического исследования».

Основная цель этой работы состояла в проведении и обобщении результатов эмпирических исследований качества подготовки, специфики адаптации и закрепления в территориальных ОВД Татарстана выпускников КЮИ МВД России.

Эмпирическую базу исследования составили результаты исследований в области профессиональной адаптации выпускников вузов, в том числе ведомственных, а также данные неформализованных и формализованных опросов выпускников КЮИ МВД России и экспертов-руководителей, ведущих сотрудников территориальных ОВД, в том числе наставников молодых специалистов.

Автором были разработаны 2 методики полуформализованных опросов и одна методика неформализованного интервью. В качестве основного объекта исследования были определены выпускники очной формы обучения КЮИ МВД России, распределившиеся в территориальные ОВД Республики Татарстан, со стажем практической работы не более 5 лет. При формировании выборочной совокупности акцент сделан на отбор респондентов из УМВД России по г. Казани, поскольку в Казанский гарнизон за последние 5 лет было распределено около 200 выпускников КЮИ МВД очной формы обучения (43 из них были уволены). В итоге опрошен практически каждый третий выпускник, отобранный по вероятностной выборке, что позволяет считать итоговые данные вполне репрезентативными. Выборка объемом из 61 единицы обеспечивает

качественную репрезентативность конечных данных и включает в себя в основном, выпускников КЮИ МВД России 2012, 2013 годов. Среди них в полиции общественной безопасности служат 23% респондентов, в криминальной полиции – 47%, следствии и дознании – 23%.

В качестве другого объекта были определены руководители служб, ведущие специалисты, наставники как носители экспертного знания. Основу экспертной выборки составили руководители служб УВД и подразделений Казанского гарнизона (26 человек). Экспертами выступили наставники, непосредственные начальники и руководители подразделений криминальной полиции (47%), следствия и дознания (27%), полиции общественной безопасности и других служб (36%), в которые распределились молодые специалисты. Дополнительно опрошены 53 эксперта из территориальных ОВД Кировской и Ульяновской областей, Удмуртии, Марий Эл, Чувашии, Башкирии, где работают выпускники КЮИ МВД России. Кроме того, были опрошены по методике неформализованного интервью слушатели учебной группы ФПО и ДПО КЮИ МВД России – руководители, включенные в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне. Сбор опросных данных выполнен в ноябре-декабре 2013 года и январе-феврале и октябре 2014 г.

Теоретические основы исследования: основные подходы и понятия. Ультрасовременный капитализм, сотрясаемый конфликтами и периодическими кризисами, обостряет конкуренцию на рынке труда. Отсюда будущему специалисту чрезвычайно трудно и важно найти свое место по избранной профессии, приобрести навыки быстрого и, по возможности, безболезненного вхождения в профессиональную деятельность. Выпускники вузов МВД России не исключение в ряду молодых специалистов и также должны приспособиться к специфике службы в территориальных ОВД, где периодически происходит «оптимизация численности личного состава». Им необходимо проникнуться миссией, целями и задачами, стоящими перед полицией; найти общий язык с коллегами по службе,

наставниками и начальниками; научиться взаимодействовать с правонарушителями, потерпевшими, гражданами, нуждающимися в полицейской защите; освоить корпоративные полицейские нормы. Этот сложный процесс в широком смысле слова определяется понятием «адаптация», происходящим от латинского *adaptio* – приспособляю.

В социологии и психологии чаще всего рассматривают социальную, социально-психологическую, а в контексте профессиональной деятельности профессиональную адаптацию. В определенной мере эти специфические виды адаптации пересекаются друг с другом: социальная деятельность сопряжена с внутренним миром человека, при этом они тесно связаны с профессиональным статусом и поведением специалиста в организации. С позиций полицейского менеджмента, кадровой работы наибольший интерес представляет социально-психологическая и профессиональная стороны адаптации молодых специалистов – выпускников ведомственных вузов в территориальных ОВД.

Социальный аспект адаптации предполагает определенную степень как общей, так и профессиональной социализированности личности, характеризующуюся профессиональными компетенциями и знаниями, навыками, умениями, ценностными ориентациями, направленностью личности, статусно-ролевыми характеристиками. Он проявляется в процессе деятельности и неразрывно связан с профессиональной активностью. Психологическая сторона адаптации выступает как сбалансированность внутренней структуры личности. В социальном и психологическом ключе адаптацию изучают и как потенциальное саморазвитие личности.

Профессиональная адаптация рассматривается специалистами в значении совокупности приспособительных реакций человека к окружающей его социальной, психологической, организационной среде; как приспособление личности к новым социальным условиям, связанным с изменением вида его деятельности, как вхождение индивида в различные социально-профессиональные роли [2]. Профессиональная

адаптация имеет как предметную, так и социально-психологическую сторону. Предметная сторона профессиональной адаптации отражает отношения в подсистеме «человек-профессия», социально-психологическая — в подсистемах «человек-человек» и «человек-коллектив». Эти взаимосвязанные стороны профессиональной адаптации происходят одновременно, дополняют и интенсифицируют друг друга. В профессионально-психологическом контексте адаптацию интерпретирует М.А. Дмитриева как процесс становления и сохранения динамического равновесия в системе «человек — профессиональная среда» [3]. Профессиональная адаптация как процесс приспособления человека к новым для него условиям труда включает в себя овладение профессиональными ценностями и нормами, осознание профессиональных мотивов и целей, усвоение компонентов профессиональной деятельности (миссии, целей, задач, стоящих перед организацией, предмета и результатов труда, приемов работы и служебных условий) [4].

Сопоставление различных подходов позволяет синтезировать понятие «профессиональная адаптация выпускника вуза системы МВД к условиям деятельности в ОВД», под которой будем понимать *процесс активного взаимодействия личности молодого специалиста-выпускника ведомственного вуза в ходе предметной служебной деятельности и профессиональной среды (коллектив ОВД), который включает ее в систему ценностей, норм, мотивов, социально-профессиональных ролей и связей, позволяет закрепить усвоенные в вузе профессиональные знания, умения и навыки, освоить базовые практики полицейской службы, добиться служебного роста и самореализации.*

Исследователи выделяют несколько основных стадий профессиональной адаптации, соответствующих процессу вхождения молодого специалиста в социальную среду организации: установление равновесия между коллективом и индивидом, которое проявляется во взаимной терпимости к системе ценностей и стереотипам поведения; псевдоадаптация как сочетание внешней приспособленности к обстановке с вну-

тренными отрицательным отношением к ее нормам и требованиям; приноравливание как признание и принятие системы ценностей новой ситуации, взаимные уступки; осуществление психологической переориентации индивида, трансформации прежних взглядов, ориентаций, установок в соответствии с новой ситуацией.

Результатом адаптационных процессов может быть адаптированность или дезадаптированность личности, поскольку адаптация отнюдь не всегда бывает успешной. Отсюда специалисты используют понятие «дезадаптация», суть которого состоит во внутриличностных и межличностных конфликтах в коллективе, сопряженных с невозможностью найти пути их разрешения. Дезадаптированность может быть ситуативной или устойчивой. Первый вариант устраним с помощью адаптивных действий как субъекта адаптации, так и агентов его профессиональной социализации. Вторая версия сохраняется продолжительное время и носит деструктивный характер, поскольку личность не может найти выход — путь к адаптации в определенных социальных или организационных условиях. В итоге дезадаптивный субъект переживает острую перманентную фрустрацию, стресс, депрессию или даже психоз или невроз. Дезадаптация может заявить о себе в различных поведенческих нарушениях: в негативной девиантности и нарушениях служебной дисциплины, в снижении производительности труда, в аварийности и травматизме.

Для успешности профессиональной адаптации необходимо формировать адаптационный потенциал личности молодого специалиста. Он определяется паттерном следующих характеристик: нервно-психическая устойчивость; самооценка личности; уровень социальной поддержки (ощущение значимости для окружающих); способность разрешать конфликты; опыт общения; ориентация на общепринятые нормы поведения и требования коллектива. Чем более выражены перечисленные характеристики, тем выше вероятность успешной адаптации в профессии в коллективе, тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым индивид может приспособиться.

Адаптированность личности как способность молодого специалиста к профессиональной адаптации отражает уровень и содержание его фактических достижений во взаимодействии с окружающей организационной средой. Специалисты дифференцируют адаптированность на высокую, среднюю и низкую. Общим показателем адаптированности личности молодого специалиста в организации является отсутствие признаков дезадаптации.

Профессиональная адаптация рассматривается исследователями и как процесс, и как результат. При рассмотрении адаптации в процессном измерении выделяют ее временные характеристики, стадии адаптации и их протяженность. Процесс адаптации человека к профессиональной деятельности дифференцируется на ряд этапов: первичная адаптация, период стабилизации, возможная дезадаптация, вторичная адаптация, возрастное снижение адаптационных возможностей. Изучение адаптации в результативном контексте позволяет сосредоточиться на оценке успешности адаптационных процессов в целом. Та или иная степень адаптированности молодого специалиста характеризует определенное качественное состояние его личности как результат процесса адаптации.

В теории выделяют три наиболее общих критерия оценки профессиональной адаптированности: успешность деятельности (выполнение служебных заданий, поддержка отношений с коллегами, наставниками и руководителями); способность избегать ситуаций, создающих угрозу для дезорганизации служебных отношений и конфликтов и эффективно устранять подобные риски (предотвращение нарушений дисциплины, распорядка дня, чрезвычайных происшествий); осуществление деятельности без значимых нарушений физического здоровья.

Применительно к профессиональной адаптации выпускников ведомственных вузов в территориальных ОВД следует уточнить критерии адаптированности следующим образом: отношение к содержанию служебной деятельности; самооценка степени освоения специфики выполняемых

заданий; установка на продолжение службе в полиции; оценка руководителем качества работы молодого специалиста (соблюдения сроков выполнения заданий при расследовании уголовных дел, проведении криминалистических экспертиз и т.п.), уровня сложности работы, меры самостоятельности молодого специалиста; оценка структуры его деловых качеств; оценка руководителем перспективности молодого специалиста; фиксация наличия и количества поощрений или взысканий.

Для выпускников ведомственных вузов процесс вхождения в служебную деятельность территориальных ОВД, несмотря на полицейскую практику, является новым и нетривиальным. Молодые специалисты, только «окунувшись в воду» реальной полицейской службы, выясняют для себя, что их априорные, во многом идеализированные представления о характере службы, а также ожидания относительно своего места и роли в полиции не совпадают с суровой действительностью. Один из лучших исследователей адаптационной проблематики в поствузовском контексте М.С. Яницкий отмечает, что процесс профессиональной адаптации молодых специалистов развивается нормально, если устанавливается соответствие между подсистемами следующих характеристик: комплекс требований, предъявляемых современным производством к личности специалиста и связанных с его готовностью к профессиональной деятельности (высокий уровень профессиональных знаний, любовь к своей специальности, инициативность, самостоятельность, организованность и другие профессионально значимые качества), и комплекс ожиданий и требований со стороны специалистов к будущему месту работы [5].

Очевидно, что и у молодых офицеров полиции не всегда сбалансированы ожидания относительно содержательной стороны полицейской службы (актуальность, разнообразие, сложность решаемых задач, возможности профессионального роста по службе, актуализация творческих способностей), перспектив общения с коллегами и улучшения социально-бытовых и жилищных условий. Д.А. Александров, исследуя соци-

ально-психологические аспекты адаптации молодых сотрудников ОВД, показывает, что профессиональная адаптированность уменьшает внутренний диссонанс, который может произойти из-за несоответствия или неудовлетворенности собственными реальным и идеальным Я-образами [6, с. 20–23].

Ряд исследователей профессиональной адаптации в ОВД обращает внимание на недостаточность практических знаний, умений и навыков собственно по «полицейским дисциплинам» в контексте выявления факторов дезадаптации. Так, в исследовании А.Ф. Караваева, Е.А. Скиданова в рамках проекта «Профессиональное становление молодых сотрудников ОВД» отмечается, что более всего способствовали получению и усвоению знаний, закреплению умений практические занятия в ОВД, ситуационно-ролевые игры, упражнения, учения по дисциплинам специализации. Наибольшее значение для успешной адаптации выпускники придают практике в любом виде (практические занятия – 76,79%, занятия в подразделениях – 53,89%; ситуационно-ролевые игры – 42,99%) [7].

Таким образом, успешная профессиональная адаптация способствует преодолению психологических проблем, закреплению выпускника ведомственного вуза в полиции. Сам процесс закрепления выступает как реализация комплекса специальных управленческих мер, способствующих выполнению сотрудником своих обязанностей и условий контракта, формирующих прочную установку на продолжение службы вплоть до полной выслуги лет. Словом, закрепляемость выпускников ведомственных вузов в ОВД – это, прежде всего, результат качественного полицейского менеджмента.

Адаптация и закрепление молодых специалистов после учебы в ведомственном вузе в территориальных ОВД во многом осложняется тем, что органы правопорядка, согласно Д.Д. Невирко, являются авторитарными социальными институтами и организациями [8]. И если в учебном процессе субординационные отношения в системе «преподаватель-курсант» развиваются по модели «учитель-ученик», то на практике в полиции – по модели «начальник-подчи-

ненный». Территориальные ОВД, несмотря на социальную, сервисную ориентацию полицейской службы в духе ФЗ «О полиции», особенно на местах, по-прежнему остаются авторитарной структурой. Для полиции характерна бюрократическая модель управления на основе тотального «контроля сверху» с использованием формализованных оценок деятельности подчиненных со стороны непосредственных начальников и вышестоящих уровней управления. Сохранению авторитарных традиций и норм в ОВД, чрезмерной бюрократизации управления способствуют гипертрофированное единоначалие, жесткая регламентация службы, отсутствие демократических начал в управлении, неразвитость «контроля снизу», в том числе со стороны общественного мнения.

Отсюда весьма показательно, что многие выпускники ведомственных вузов свидетельствуют, что в ОВД нередко доминирует формальный, если не жесткий, подход руководителей подразделений к оценке их труда, указывают на факты несправедливого, необъективного отношения к ним руководства в вопросах материального и морального стимулирования труда, продвижения по службе. Выпускники вуза, начинающие свою профессиональную деятельность, некоторыми руководителями априори воспринимаются как «ничего не знающие и ничего не умеющие» по определению. Отношение в коллективах на местах к молодым специалистам часто определяется примитивной формулой, задаваемой некоторыми ортодоксальными полицейскими руководителями: «Забудь все то, чему тебя учили в вузе, и учись здесь и сейчас заново». Однако на практике учат и так, что потом общество сталкивается либо с «синдромом Евсюкова», либо «синдромом ОМ «Дальний»».

Дезадаптация в форме нарушений дисциплины, текучести кадров, низких показателей служебной деятельности есть некий итог спонтанного процесса, в ходе которого полицейским менеджментом не учитывается или недооценивается важность управления профессиональной адаптацией и закреплением в ОВД молодых специалистов. Между тем управление профессиональной адаптацией заключается в том, чтобы сокра-

тить длительность «взаимоприспособления» личности и профессиональной среды, добиться эффективной профессиональной деятельности, иначе говоря, научить молодых специалистов эффективно выполнять свои профессиональные обязанности. Адаптация в территориальных ОВД, по оценкам специалистов, длится от 7–9 месяцев до 1,5 лет. Ключевая роль в управлении адаптацией принадлежит агентам профессиональной социализации в ОВД (*руководителям, непосредственным начальникам, наставникам, работникам кадрового аппарата, коллективу в целом*).

Представляется, что со стороны полицейского менеджмента необходимо систематически выявлять и анализировать дезадаптационные факторы и условия, добиваться их элиминации. Это касается профессиональной подготовленности молодых специалистов, работы наставников, режима работы, объема и распределения нагрузки, воспитательной работы и морально-психологического климата в полицейском коллективе в целом.

Опыт показывает, что даже молодые специалисты, имеющие добротную теоретическую подготовку, овладевшие основами профессиональных знаний и умений, достаточно сложно адаптируются к профессиональной деятельности. Такой вывод напрашивается по данным, структурированным кадровой службой КЮИ МВД России относительно тех выпускников, которые оказались без попечения и реальной помощи со стороны руководства, кадрового аппарата, наставников в территориальных подразделениях в первые месяцы службы. Например, не встретили понимания и поддержки выпускники института 2012 года дознаватели Е.О. Махмутова (ОП «Япеева») и Р.И. Нугуманова (ОП «Вишневский»). Примечательно, что Нугумановой практически сразу после назначения на должность было поручено расследование более пятидесяти уголовных дел. В результате обе выпускницы уволились в 2013 году.

Вместе с тем дезадаптивность молодых специалистов – отчасти проблема и ведомственного образовательной организации. Совершенно очевидно, что адаптационный

потенциал выпускника закладывается еще на этапе вузовского обучения. На теоретических и практических занятиях по психологии, социологии, психологии конфликта, психологии общения и другим социогуманитарным дисциплинам следует более целенаправленно развивать навыки социального взаимодействия, коммуникабельности, умения управлять развитием конфликтов. Адаптивность молодых специалистов растет, если учебный процесс учитывает алгоритмы действий в психологически насыщенных и профессионально значимых ситуациях (выполнение процессуальных действий, подготовка документов, служба по охране общественного порядка, осуществление оперативно-розыскных или следственных действий и т.п.). Адаптивности молодых специалистов способствуют занятия, моделирующие экстремальные ситуации риска, опасности, высокой ответственности, в ходе которых формируется психологическая устойчивость, умение владеть собой. Подобная подготовка реализуется и на полосе препятствий, площадках для эмоционально-волевых упражнений, в процессе психорегуляционных тренингов. Немалую роль в освоении профессиональных знаний занимают учебные занятия на специальных полигонах и прохождение практики в ОВД.

Между тем этих мер уже недостаточно в современных условиях, отсюда, наряду с психологическими программами и тренингами, целесообразно максимально приблизить процесс обучения к практике полицейской работы, широко привлекая на взаимовыгодной основе к учебным занятиям лучших специалистов из МВД по РТ и других правоохранительных структур. Заслуживает внимания и такая форма укрепления практической стороны обучения, как общественная практика, более широкое участие курсантов в работе юридической клиники и выездные практические занятия.

Как правило, социологические исследования профессиональной адаптации и закрепления молодых специалистов в ОВД опираются на положения и принципы социологического и психологического позитивизма, на количественные методы. Впрочем, хорошим дополнением для позитивистской

методологии являются принципы «понимающей социологии» и качественные методы, прежде всего, неформализованные интервью и кейс-стади.

По методике опроса перед респондентами были поставлены как закрытые (формализованные), так и открытые (неформализованные) вопросы, раскрывающие качество профессиональной подготовки выпускников и специфику их профессиональной адаптации, закрепления на службе в полицейских коллективах.

Профессиональная подготовка, адаптация и закрепление молодых специалистов в оценках выпускников и экспертов. Обработка и анализ данных опроса молодых специалистов позволяет сделать ряд следующих констатаций и выводов.

В целом подготовленность к службе в ОВД после учебы в вузе положительно («подготовлен вполне») оценивает каждый второй респондент, 45% расценивают ее как недостаточную, 5% считают себя неподготовленными. Следует признать, что выпускники достаточно самокритично оценивают качество подготовки в вузе, что свидетельствует о наличии резервов для совершенствования учебного процесса.

Выпускникам было предложено оценить по пятибалльной системе уровень своих профессиональных знаний, полученных в стенах КЮИ МВД России, по базовым дисциплинам: психология, уголовное право, уголовный процесс и основы судопроизводства, криминалистика, ОРД, административное право и административная деятельность полиции.

Опрос показал, что по психологии на «хорошо» и «отлично» свои знания оценивают 57% респондентов, «удовлетворительно» – 26%, неудовлетворительно – 17%.

По предмету «Уголовное право» 77% выпускников считают, что имеют «хорошие» и «отличные» знания, 15% подготовлены «удовлетворительно», 7% – «неудовлетворительно».

Уголовный процесс и основы судопроизводства 70% респондентов освоили на «хорошо» и «отлично», 15% – «удовлетворительно», 15% – «неудовлетворительно».

Криминалистику 57% опрошенных осво-

или на «хорошо» и «отлично», 34% – «удовлетворительно», 10% – «неудовлетворительно».

Оперативно-розыскную деятельность (ОРД) 59% респондентов освоили на «хорошо» и «отлично», 23% – «удовлетворительно», 18% – «неудовлетворительно».

Знания по административному праву и административной деятельности полиции 47% опрошенных расценивают как «отличные» и «хорошие», 38% как «удовлетворительные», 15% – «неудовлетворительные».

Таким образом, субъективные оценки полученных в вузе знаний по ряду ключевых практически ориентированных дисциплин, таких как ОРД, административное право и административная деятельность полиции, свидетельствуют о недостаточной подготовленности выпускников к служебной деятельности в ОВД, поскольку доля респондентов с весьма посредственными (удовлетворительными и неудовлетворительными) знаниями составляет от 40 до 53 процентов. Полученный результат свидетельствует о необходимости существенно усилить практический дискурс в обучении, особенно по дисциплинам полицейского профиля. Применение этих знаний и умений требуется с первых дней профессиональной служебной деятельности. Следовательно, недостаточность подготовки, прежде всего, по дисциплинам специализации выступает существенным фактором дезадаптации молодых специалистов в первые годы службы.

Анализ ответов на открытые вопросы показывает, что в ряду наиболее сложных проблем, с которыми столкнулись выпускники в ОВД, в первую очередь (в порядке убывания значимости), выступают: сложности, непосредственно связанные с самой работой (занятость, загруженность, ненормированный рабочий день, отсутствие компенсаций за переработку и т.п.), а также недостаток практических занятий и умений по дисциплинам специализации.

К факторам дезадаптации непосредственно в территориальных ОВД следует отнести ряд средовых характеристик. Среди них: неудовлетворительное материально-техническое обеспечение; необустроенность рабочих кабинетов, дефицит компьютеров,

оргтехники и канцелярских принадлежностей. Существенно детерминирует низкую адаптированность и дезадаптивность молодых специалистов чрезмерно большой объем работы (большое количество уголовных дел у следователей) на старте, ненормированный график работы, бесконечные дежурства и отвлечения от работы и, как результат, дефицит времени для восстановления и отдыха. К факторам дезадаптации респондентами были отнесены: бюрократизация управления, бумаготворчество, формализм, недоступность начальников и формальный характер наставничества. При этом не делается различий между молодым специалистом и опытным сотрудником, а требования предъявляются самые высокие – «нужны показатели в работе». Выпускники фактически предоставлены сами себе, а процесс адаптации носит во многом стихийный характер. События на местах развиваются по принципу: «кто выплывает – будет работать, кто нет – и ладно, новых пришлют».

С другой стороны, преимущественно теоретический характер обучения в вузе не позволяет выпускнику самостоятельно и в короткие сроки без помощи наставника сформировать навыки оформления процессуальных документов и проведения следственных действий. Кроме того, ряд респондентов обратили внимание на тот факт, что часть теоретических знаний, полученных в вузе по уголовному процессу, не соответствует практике, сложившейся в ОВД. Отсюда участники опроса предлагают включить в учебный процесс разбор уголовных дел, решение практических задач, аккумулированных современной процессуальной практикой в дознании и следствии.

Обработка открытых вопросов позволяет сделать вывод, что в первые месяцы службы практически все молодые специалисты испытывают стрессы, нервные расстройства. У многих резко меняется отношение к службе в полиции, к выбранной профессии, формируется установка на переход в другие правоохранительные органы или на гражданскую службу.

Обобщение данных экспертного опроса позволяет структурировать следующие положения и выводы.

Большинство экспертов (67% от общего числа опрошенных) считает, что в целом выпускники КЮИ вполне профессионально подготовлены для службы в ОВД. Это весьма высокая экспертная оценка относительно качества теоретической подготовки, осуществляемой в Казанском юридическом институте МВД России, на аудиторных занятиях с реализацией соответствующих форм контроля остаточных знаний. Однако обращает на себя внимание существенное различие в общей оценке профессиональной подготовки выпускников, которую дают казанские эксперты по сравнению с респондентами из других регионов. В Казани вполне подготовленными выпускников находит только 31% опрошенных, за пределами Татарстана – 85%. Вероятнее всего, это различие вызвано тем, что в таком мегаполисе, как Казань, факторов дезадаптации больше, нагрузка на молодых специалистов существенно выше и адаптация к службе в напряженных условиях происходит намного сложнее, с более существенными сбоями и проблемами.

Ожидания столичных заказчиков образовательных услуг относительно качества профессиональной подготовки выпускников определенно выше, чем в периферийных ОВД, где факторы дезадаптации слабее, поскольку уровень криминальной нагрузки на полицию намного меньше, чем в региональных центрах. Есть и еще одно предположение: в Казани стремятся закрепиться на службе в полиции выходцы из сельских районов, поскольку для них это, пожалуй, один из реальных каналов вертикальной мобильности. При этом уровень общего образования и профессиональной подготовки этой категории выпускников существенно ниже, чем у тех, кто социализировался и учился в городских условиях.

Распределение мнений экспертов по оценке теоретических знаний молодых специалистов в рамках базовых учебных дисциплин также сохраняет специфику, выявленную на уровне самооценок профессиональной подготовленности выпускников. Впрочем, казанские эксперты дают существенно более низкие оценки профессиональным знаниям молодых специалистов.

Тем не менее, отрадно, что 75% экспертов считают, что выпускники имеют хорошие и отличные профессиональные знания по уголовному праву, 60% – по уголовному процессу и основам судопроизводства, 63% – по административному праву и административной деятельности полиции, 61% – по криминалистике и только 49% экспертов считают, что выпускники вуза имеют хорошие и отличные знания по линии ОРД. Опросные данные выпускников и экспертов в целом корреспондируют и указывают на один и тот же круг дезадаптационных факторов.

По оценке 87% экспертов, выпускники КЮИ успешно (на «хорошо» и «отлично») адаптируются в социально-психологическом смысле в коллективах ОВД. Причем на этот факт указывают примерно в равной мере как эксперты в Казани, так и опрошенные за пределами Татарстана. Экспертное мнение свидетельствует о наличии определенного адаптационного потенциала молодых специалистов, поскольку:

- 71% отметил умение выпускников самостоятельно развивать свои профессионально значимые качества;
- 62% считают, что молодые специалисты умеют правильно выстраивать отношения с руководством, коллегами по службе и гражданами;
- 66% отметили, что выпускники умеют правильно применять уголовно-правовые нормы;
- 63% считают, что молодые специалисты умеют квалифицировать преступления и анализировать их состав;
- 61% указал, что выпускники умеют принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом.

Вместе с тем установлено, что 54% экспертов в целом и 15% в Казани считают, что выпускники на «хорошо» и «отлично» умеют принимать процессуальные решения, составлять протоколы, постановления и иные процессуальные документы. 53% и 19% соответственно указали на умение использовать тактические приемы производства следственных действий, методики расследования и раскрытия преступлений; 48% и 12% соответственно отметили умение молодых специалистов осуществлять подбор,

проверку и привлечение к содействию лиц на гласной и негласной основе, в том числе сотрудничеству на контрактной основе.

Анализ высказываний экспертов по открытым вопросам показывает, что многие молодые специалисты испытывают серьезные затруднения с составлением протоколов и принятием процессуальных решений, с оформлением постановлений и иных процессуальных документов; с использованием тактических приемов производства следственных действий, с применением современных методик расследования и раскрытия преступлений.

Таким образом, опросы выпускников и экспертов показали, что вуз выпускает в целом теоретически подготовленных молодых специалистов с определенным адаптационным потенциалом, развитие которого требует формирования, прежде всего, более устойчивых практических навыков и умений. Обнаружено, что в территориальных ОВД процесс профессиональной адаптации и закрепления молодых сотрудников во многом происходит стихийно и нуждается в более эффективном управлении. Решение этих проблем видится на пути объединения усилий КЮИ МВД России и МВД по Республике Татарстан.

Выводы и предложения. Вектор на замещение и обновление кадрового состава полиции в контексте полицейской реформы профессионально подготовленными сотрудниками, на формирование и укрепление профессионального ядра ОВД, определенные в «Дорожной карте», предполагают активное управление профессиональной адаптацией и закреплением на рабочих местах молодых специалистов – выпускников юридических вузов системы МВД России. В Казанском юридическом институте МВД России принят комплекс мер по повышению качества отбора абитуриентов, изучению личных дел, по ранней профориентации в школах, лицеях, кадетских корпусах и суворовских училищах. О положительных переменах в организации профориентации, отбора и учебной деятельности профессорско-преподавательского состава свидетельствует ежегодный рост числа хорошо и отлично успевающих курсантов, снижение

текучести кадров молодых специалистов. Однако, несмотря на позитивный тренд, профессиональная адаптация молодых специалистов, особенно в крупных городских подразделениях полиции, остается серьезной практической проблемой.

Обобщение эмпирических исследований профессиональной адаптации в ОВД и опросов, выполненных в Татарстане, позволяет сформулировать и предложить практикам полицейского менеджмента, кадровой работы, руководству ведомственных вузов МВД России ряд рекомендаций, нацеленных на эффективную элиминацию дезадаптивных факторов, гармонизацию процесса вхождения в полицейскую профессию и закрепление на службе молодых специалистов. В их числе ключевыми являются следующие предложения:

- Отказ от «палочной системы», бумаготворчества, демократизация и деbüroкра-тизация управления; внедрение в практику работы полиции такого социального критерия, как общественное мнение.

- Внедрение на местах в территориальных ОВД критериев профессиональной адаптированности молодых специалистов, таких как: отношение к содержанию служебной деятельности; самооценка степени освоения специфики выполняемых заданий; установка на продолжение службы в полиции; оценка руководителем качества работы молодого специалиста (соблюдения сроков выполнения заданий при расследовании уголовных дел, проведении криминалистических экспертиз и т.п.), уровня сложности работы, меры самостоятельности молодого специалиста; оценка структуры его деловых качеств; оценка руководителем перспективности молодого специалиста; фиксация наличия и количества поощрений или взысканий.

- Реализация эффективного менеджмента адаптационными процессами с целью сокращения времени на профессиональную адаптацию и закрепление молодых специалистов. Руководителям территориальных подразделений необходимо обратить внимание на неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и необустроенность рабочих мест, кабинетов, на дефицит

компьютеров, оргтехники и канцелярских принадлежностей. Следует оптимизировать служебную нагрузку, добиваться постепенности в ее распределении и росте, снизить давление таких факторов, как ненормированный график работы, дежурства и отвлечения от работы; формальный характер наставничества. Развивать мотивацию на закрепление молодого специалиста в полиции.

- Осуществление в территориальных ОВД мониторинга профессиональной адаптации по критериям адаптированности. Для этого достаточно систематических собеседований руководителя подразделения с непосредственным начальником, наставником и молодым специалистом с целью выявления и устранения дезадаптационных факторов.

- Фиксация реакций и установок на продолжение службы в полиции с учетом индивидуальных психологических особенностей выпускников при распределении и реализации объемов работы, выполнении поручений, служебных заданий, поскольку нагрузки все переносят по-разному и, соответственно, траектория адаптации тоже индивидуальна.

- Привлечение возможностей молодежных объединений в ОВД, молодых специалистов к обсуждению текущих служебных проблем закрепления и факторов дезадаптации, особенно на стадии подготовки управленческих решений как элемент демократизации полицейского менеджмента.

- Стимулирование на местах образованности (повышение квалификации), самоконтроля, самодисциплины и ответственности сотрудников, повышение роли полицейских деонтологических норм профессиональной этики, репутационных механизмов «контроля снизу».

- Совершенствование предметной стороны и образовательных технологий, воспитательной работы в ведомственных вузах в рамках компетентного подхода и усиления практической направленности обучения. С этой целью предлагается увеличить объем практических занятий с решением учебных задач по дисциплинам специализации (УП, ОРД, административное право и административная деятельность), ввести тренинги по методикам, развивающим

адаптационный потенциал курсантов и слушателей, в ходе которых формируется психологическая устойчивость, умение владеть собой; организовать учебу не только на полигонах, но и в рамках выездных практических занятий в ОВД; усовершенствовать процедуру прохождения практики в территориальных подразделениях, широко привлечь к учебным занятиям лучших специалистов из МВД по РТ и других пра-

воохранительных структур; развить опыт проведения вузом общественной практики в службах криминальной полиции и следствия, привлечь большее число курсантов к работе юридической клиники института.

- Введение поствузовского сопровождения молодых специалистов в первые месяцы службы в ОВД со стороны руководящего и профессорско-преподавательского состава института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. В. Пределы контроля / В. В. Волков // Ведомости. – 2014. – № 185.
2. Петровичев В. М. Процесс профессиональной адаптации молодых специалистов как объект научного исследования / В. М. Петровичев // Известия Тульского государственного университета. – 2012. – № 1.
3. Дмитриева М. А. Социально-психологическая профессиональная адаптация / М. А. Дмитриева // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. – СПб. : Речь, 2001.
4. Петрова А. С. Профессиональная адаптация молодых специалистов в ОВД: понятие и пути совершенствования / А. С. Петрова, М. А. Шелепова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 3.
5. Яницкий М. С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики : учеб. пособие / М. С. Яницкий. – Кемерово, 2007.
6. Александров Д. А. Исследование социально-психологических закономерностей формирования профессиональной адаптивности сотрудника ОВД / Д. А. Александров // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1.
7. Караваев А. Ф. Профессиональное становление молодых сотрудников ОВД / А. Ф. Караваева, Е. А. Скиданов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 4.
8. Невирко Д. Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов (опыт социологического анализа специфики профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел) / Д. Д. Невирко. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 1999.

© Комлев Ю.Ю., 2015

Статья получена: 10.02.2015

УДК 316.4; 316.47; 343.9

Т.В. Шипунова

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУКТОВ ДЕВИАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Автор рассматривает конструкты девиантности и социального контроля как целостные системы, включающие в себя разные компоненты. Между конструктами, сложившимися в разных дискурсах, возникают определенные отношения, которые могут иметь как позитивные, так и негативные следствия для социума. В статье приводятся также результаты исследования конструирования социального контроля девиантности в молодежно-студенческом дискурсе.

Ключевые слова: девиантность, социальный контроль, конструкт, дискурс.

Предварительные замечания

С середины прошлого века в связи с кризисом наказания и неэффективностью предупредительного социального контроля произошло осознание, что традиционного подхода к пониманию социального нормирования, девиантности и социального контроля явно недостаточно для анализа современной реальности. В основе этого осознания лежит факт, что в обществе произошли существенные изменения, связанные с глобализацией, стиранием межкультурных барьеров, ростом неравенства возможностей людей, развитием движения за толерантность, информатизацией и т.д. Общество как константное и непрерывно существующее образование, имеющее в фундаменте разделяемые всеми моральные нормы, перестало существовать, его сутью стало постоянное изменение («текущая современность» по Бауману [1]), в котором каждый индивид ищет свое место, создавая и используя те образцы поведения, которые позволяют ему оптимально функционировать в социальном пространстве.

Новый импульс к дальнейшему развитию темы дало распространение интеракционистских концепций, в частности, социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) и так называемой критической школы криминологии (Ф. Зак, Х. Хесс, С. Шеерер и др.). При критическом рассмотрении социального контроля оказывается, что он имеет мало

общего с декларируемыми целями и задачами, эффекты, производимые его институтами, обусловлены не столько стремлением к реализации миссии, сколько переплетением интересов разных социальных групп, а его актуализация в рамках повседневных практик может существенно варьироваться в зависимости от дискурсов, в которых складываются вариативные конструкты социального контроля девиантности. Их различия (вариации), в свою очередь, базируются на разных смыслах, представлениях, оценках таких компонентов конструкта, как: «хорошо»/«плохо» в социальных взаимодействиях, социальная норма и «нормальность», социальная и личностная значимость поступков, девиация, меры наказания за нарушение норм и т.д. Согласованность компонентов создает целостный конструкт, который поддерживает определенные интенции субъектов социальных взаимодействий, выбор ими варианта поведения и их реакцию на нарушение норм в повседневных практиках. Соответственно, несогласованность компонентов определяет размытость конструкта и нестрогое соблюдение социальных норм (ситуативные девиации), выборочную реакцию на нарушение социальных норм, а также определенное отношение к санкциям, применяемым в отношении лиц, совершивших девиацию.

Изучение социального контроля в таком ключе должно быть направлено на уточне-

ние понятий, анализ смыслов, деконструкцию и реконструкцию вариаций (моделей) социального реагирования на нарушение социальных норм. Задача такого исследования – поиск ответов «на вопросы не «почему», а «как»: как существует социум, как возможен социальный порядок?» [13, с. 132]. Думается, что такой подход интересен и в плане совершенствования социального контроля, поскольку выявленное содержание компонентов конструкта и их согласованность/несогласованность с официальным (государственным) дискурсом создает предпосылки для прогнозирования девиантогенной (и криминогенной) ситуации, а также разработки мер реагирования на нее.

Социальный контроль как результат конструирования

Социальный контроль в общем смысле чаще всего понимается как подчинение личных интересов общественным [10, с. 46] или как «попытка общества регулировать мышление и поведение людей» [7, с. 260]. В данном понимании социальный контроль раскрывает противоречие «человек-общество»: общество в целях самосохранения при помощи разнообразных средств контроля пытается устранить или уменьшить те нежелательные проявления, которые вызваны деятельностью человека.

Очевидно, что при анализе социального контроля необходимо рассматривать его и в контексте противоречия другого характера – «общество-человек». В этом случае внимание смещается с интересов общества на интересы отдельного социального деятеля, который в поисках своей социальной и личностной идентичности предлагает разные способы поведения и деятельности (иногда девиантные) и попадает в поле зрения различных субъектов социального контроля. Здесь открываются совершенно другие перспективы изучения предмета анализа, а именно, рассмотрение системного насилия, социального исключения, обиденного насилия в процессе повседневного реагирования на девиантность и профессиональных практик работы с людьми, определенными как «лица с девиантным поведением».

Данный подход не отменяет значимости первого, но существенно дополняет его,

расширяя горизонты осмысления социальных феноменов и всей социальной реальности, поскольку девиантность здесь рассматривается как неотъемлемый элемент социального порядка (как сказал Н. Луман: «Без помех нет порядка» [17, р. 138]). Кроме того, в этом подходе можно рассматривать социальный контроль в перспективе отношений «власть-подчинение», реализуемых в процессе социальной коммуникации.

Социальный контроль как коммуникация [подробно см.: 11, с. 196–241; 12, с. 157–173] подчиняется принципам рациональности, предполагающей осуществление интеракции в «соответствии с обязательно *принимаемыми нормами*, которые определяют взаимные поведенческие ожидания...» [14, р. 62]. Рассмотрение социального контроля в таком ключе дает возможность более полного его определения в разных дискурсах. Их совокупность создает представление о границах понятия, которое в одном случае может рассматриваться как борьба с социальным злом (добро), а в другом – как чрезмерное (и не нужное) ограничение свободы человека (зло).

При изучении социального контроля особое внимание должно быть уделено процессу конструирования не только девиантности, но и самого социального контроля в разных дискурсах посредством обобщения смыслов. Это представляется важным, поскольку смыслы, вкладываемые в конструкты этих феноменов, направляют повседневные практики реагирования на принятие или отвержение того или иного способа альтернативного поведения. Одновременно с этим социальный контроль начинает выступать как структурированная структура, «...предрасположенная функционировать как структурирующая структура, т.е. как принцип, порождающий и организующий практики и представления...» [4, с. 102].

При исследовании социального контроля можно принять за исходную точку идеальную модель (некая благая идея). Она отражает дискурс морали долженствования («деонтологический дискурс») и выступает идеальным типом, фиксирующим *идеальные представления* о взаимосвязи социального порядка и социального контроля девиантности. Ее можно рассматривать и

как символический универсум – «систему теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [2, с. 157].

Но идеальная модель вовсе не обязательно является единственным ориентиром в контроле девиантности. Она может существенно варьироваться в зависимости от позиции политических деятелей, чиновников, уровня образованности населения, вида политического правления и представлений о справедливости. Чем дальше от идеальной модели и ближе к жизненным реалиям приближается исследователь и находится субъект контроля, тем больше проявляется «эффект эха»: основное содержание идеальной модели может распадаться или трансформироваться в зависимости от социальных условий, обстоятельств, качества социальных взаимодействий, представлений контролирующего субъекта. Так могут создаваться различные инструментальные диспозиции, которые производятся объективной структурированной социальной средой [3], или дискурсы социального контроля девиантности, которые находятся либо в отношении комплементарности, либо в отношении контрадикторности, либо в отношении параллелизма (взаимного игнорирования). Хотя они, безусловно, могут имплицитно или эксплицитно содержать элементы, признаки других дискурсов.

Расхождения в смыслах и оценках тех или иных социальных фактов, процессов, действий в разных дискурсах лежат в основе возникновения различных социальных коллизий. Особенно значимо расхождение между государственным (право) и «общественным»* дискурсами. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Когда какое-то социальное явление привлекает внимание людей, получает соответствующую оценку, включается в социальную коммуникации (циркулирующую социальную информацию) и становится предметом социального реагирования, то оно переходит в новое качество – становится социальным фактом. Это социальное явление само по себе, вне зависимости от какой бы то ни было точки зрения, в том числе и законодателя, может быть для социального

целого или полезным, или вредным, или же нейтральным. Такое отношение явления к социальному целому называется *социальной значимостью*. Она отображается в оценках людей, наделяется определенным смыслом и фиксируется в нормативных предписаниях разной степени общности: от морали должностования до морали субкультуры или малой группы. Понятно, что расхождения в оценках того или иного явления у представителей различных социальных групп могут быть существенными. Эти расхождения обусловлены разным опытом и, соответственно, разным определением жизненной ситуации. Скажем, в повседневной жизни можно выделить три позиции или три группы людей, которые определяют ситуацию, давая оценки совершаемым поступкам или деятельности [15, р. 1–9]: а) те, кто непосредственно продуцирует ситуацию (действие, деятельность) и считает, что поступает конформно или «приемлемо» (например, многие преступники, особенно в области экономики, не видят ничего преступного в своих действиях); б) те, кто считает ситуацию неординарной, не обычной, но допустимой (например, большинство людей с пониманием относятся к ведению в фирмах двойной бухгалтерии); с) те, кто считает ситуацию нормонарушающей / девиантной / криминальной. Разные определения ситуации и их оценки могут в какой-то части пересекаться между собой, создавая возможность для формирования в обществе толерантности и приемлемого интервала действия норм.

Оценка значимости социального явления как в «общественном» дискурсе, так и в праве, отражающем государственный дискурс, может быть адекватной или неадекватной (что выясняется по прошествии времени на практике). Здесь условно можно выделить следующие варианты.

*Вариант 1. Социальная значимость деяния отображена и оценена адекватно** в «общественном» дискурсе и праве.* Морально-правовые нормы, в которых фиксируются эти оценки, соответственно будут социально-адекватными, а все нарушения этих норм будут квалифицироваться большинством членов общества как негативные отклонения. Следующим этапом является поиск мер

социального контроля, которые также проходят стадию оценивания и закрепления (или отторжения, неприятия) в сознании законодателя и «общественном» дискурсе. Если на этом этапе точка зрения законодателя будет существенно расходиться с «общественным» дискурсом, то следует ожидать распространения разнообразных практик самосуда (если в «общественном» дискурсе сложилось мнение о необходимости более жестких мер наказания в отношении нарушителей данной нормы) или протест / противостояние / осуждение официальной точки зрения, вызванного более мягким отношением к нарушителям норм (если наказание, предусмотренное законом, в «общественном» дискурсе оценивается как непомерно суровое). Здесь важно учитывать, что «успех любой правовой инновации зависит от того, насколько она (инновация) отвечает ожиданиям широких масс населения. Правовая инновация, как и любая политическая акция, конечно, должна ориентироваться на население: будет ли она принята народом или нет. Можно, конечно, заставить население выполнять какую-то правовую (точнее – законодательную) обязанность насильственно. Но долго это продолжаться не может» [9, с. 135].

Вариант 2. Социальная значимость деяния отображена и оценена адекватно в «общественном» дискурсе, но неадекватно в праве. Неадекватные оценки законодателя выявляются при кодификации социально-неадекватных норм, а также при определении слишком суровых или слишком мягких мер наказания в отношении нарушителей этих норм. При этом официальные субъекты социального контроля неизбежно сталкиваются с массовым несоблюдением установленных предписаний, ибо «навязанные нормы ассоциируются в сознании индивидов с внешним врагом, вызывающим ненависть, враждебность, тогда как «свои» нормы стимулируют добровольное подчинение их предписаниям, солидарность, отсутствие насилия» [8, с. 24–25].

Вариант 3. Социальная значимость поведения (деятельности) отображена и оценена неадекватно в «общественном» дискурсе, но адекватно в праве. Такая ситуация возникает каждый раз, когда государство берет на

себя функцию изменения социальных норм (и, следовательно, социальных отношений) в соответствии с опытом более развитых стран. В такой ситуации изменения социальных отношений сверху всегда возрастает уровень преступности и других проявлений девиантного поведения, поскольку «... главное условие непрерывного воспроизводства общества и его устойчивого социально-экономического развития заключается в конгруэнтности неформальных норм, существующих на уровне повседневной жизни, и формальных норм, исполнения которых требует государство» [8, с. 47].

Вариант 4. Социальная значимость поведения отображена и оценена неадекватно и в «общественном» дискурсе, и в праве. Гомогенность социальных конструкторов в многочисленных дискурсах может быть только относительной, но в одних случаях единодушие больше, а в других – меньше. Так, при тоталитарном режиме, изоляции от других обществ и культур, повсеместном контроле за жизнедеятельностью людей, зомбировании их на определенную идеологию, использовании жестких санкций в отношении нарушителей социальных норм и т.д. у населения может сформироваться выраженное согласие с моделью социального контроля, навязанного ему государством, защищающим свои интересы. Такое согласие может даже противоречить здравому смыслу, тогда появляется феномен двойной, а то и тройной морали («для государства», «для близкого окружения в повседневной жизни», «для себя»). Кроме того, возрастает латентная девиантность.

В современной реальности добиться гомогенности в конструировании социальных явлений практически невозможно, поскольку этому препятствуют информационные потоки, обогащающие наши представления о нормах, поведении и социальном контроле. Так, к нарушению традиционных для отдельной страны социальных норм могут привести сведения интер- и интракультурной вариативности норм в отношении сходного поведения, интракультурной вариативности норм в форме позиционального направления адресатов норм (аспект власти и господства) и т.д. [16, р. 42]. Од-

ним из мощных каналов передачи такой информации является Интернет. Важную роль играет информация, полученная из разных источников о нормах и законах, существующих в других странах. Все это создает условие для размытости представлений о социальном контроле в разных дискурсах и одновременно повышения адекватности конструкторов социального контроля девиантности в повседневных практиках (в отличие от государственного дискурса, ограниченного необходимостью поддержания отношений «господство-подчинение»).

Кроме того, в реальности процесс конфронтации оценок социальной значимости деяний протекает значительно сложнее и, можно сказать, трагичнее для социума, нежели это описано в предложенных вариантах. Он связан с политическими и экономическими интересами разных социальных групп, которые предпринимают все возможное (лоббирование, подкуп, шантаж, коррумпирование и заказные убийства чиновников, имеющих отношение к нормотворчеству), чтобы законодательно закрепить эти интересы в виде правовых предписаний. Так рождаются законы, противоречащие здравому смыслу, приносящие вред социуму, но поддерживаемые правящей элитой. Так одновременно рождаются и новые виды «преступлений», растет число тюремного населения, расширяется вмешательство права в естественный ход развития общества, формируется неадекватная правовая политика.

Исследование конструктора социального контроля девиантности в студенческом дискурсе

Для иллюстрации и проверки приведенных выше положений в 2013–2014 гг. было проведено исследование среди студентов 2–3 курсов четырех вузов «гуманитарной» направленности г. Санкт-Петербурга. В исследовании участвовали студенты: факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (отделение социальной работы); Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (факультет социальных технологий); Санкт-Петербургского государственного

университета культуры и искусств (факультет социально-культурных технологий); Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (факультет социальных наук). Выбор студенческой молодежи обусловлен понятными причинами: их большей социальной активностью по сравнению с лицами более зрелого возраста; свойственными этому возрасту интенциями в поведении и деятельности (рискованное поведение, в том числе девиантное); критическим взглядом на социальный мир «взрослых»; активным поиском своей идентичности; наличием развитых социальных сетей; большой мобильностью и лучшим знакомством с разнообразной информацией, в том числе, размещенной в Интернете и т.д. Наличие данных характеристик, на наш взгляд, определяет специфический молодежно-студенческий дискурс, понимаемый в самом общем смысле как характеристика особой ментальности, которая может найти отражение в связанных текстах, фокусирующих представления, оценки, смыслы о предмете рассуждения и включенных в социокультурный, социально-психологический, политический и другие контексты.

Цель исследования – выявление содержания конструктора социального контроля девиантности, сложившегося в молодежно-студенческом дискурсе, проверка согласованности его компонентов, степени совпадения с официальным (государственным) дискурсом. Методом исследования выступил контент-анализ текстов. Темы свободных рассуждений (краткие эссе) были сгруппированы в четыре задания, которые содержали ряд вопросов, составленных по принципу комплементарности:

1 задание содержало вопросы относительно смыслов «хорошего» и «плохого» в отношениях между людьми, социальной нормы, «нормальности», «нормального человека», девиации и др.

2 задание было направлено на выяснение представлений о том, почему большинство людей не совершают преступлений против личности (например: грабежи, убийства, кражи личного имущества, причинение физического вреда здоровью и т.д.), какие поступки совершаются чаще – «хорошие» или

«плохие», какие совершить легче, кто такой «хороший» человек и т.д.

3 задание заключалось в том, чтобы представить свое мнение по поводу понятия «девиантное поведение», оценить распространенность отдельных видов поведения, описать негативные и позитивные последствия девиаций для общества, ближайшего окружения и самого человека, а также оценить эти виды поведения по критерию «девиация» / «не девиация».

4 задание посвящалось собственно социальному контролю и включало в себя вопросы, касающиеся понимания социального контроля, его последствий для социума, ближайшего окружения человека и самого человека, эффективности мер, применяемых к нарушителям норм, необходимости ужесточения/ослабления социального контроля к разным видам девиантности и др.

Для чистоты исследования задания выполнялись в рамках проведения практических занятий по дисциплинам социогуманитарного цикла в реальном времени. Поскольку студенты иногда пропускают занятия, то количество выполненных заданий по темам разнится в зависимости от явки студентов. Так, первое задание в общей сложности выполнили 68, второе – 67, третье – 56 и четвертое – 77 человек. Подсчет произведен после отсева работ, не удовлетворяющих требованиям, – в среднем около 20 работ по каждому заданию.

В данном исследовании нас не интересовали половые различия (хотя традиционно в вузах гуманитарной направленности преобладают лица женского пола) или мнение каждого из студентов по всем вопросам всех четырех заданий. Главным было выявление смыслов, оценок, содержащихся в компонентах студенческого конструкта социального контроля девиантности, а также их обобщение с целью выявления согласованности/несогласованности с общими тенденциями развития социального контроля в России: его ужесточением, криминализацией/девиантизацией разных видов поведения, расширением границ контроля, сужением интервала действия норм (тенденция сведения к жестко заданному делению поступков на «плохие» и «хорошие»),

снижением толерантности к разным видам альтернативного поведения и т.д. А теперь перейдем собственно к основным и наиболее интересным, с нашей точки зрения, результатам исследования.

Лишь для небольшой части опрошенных понятия «хорошо»/«плохо», «социальная норма», «нормальность» и «нормальный человек» связаны между собой. Для большей части социальная норма воспринимается как неотъемлемая часть внешнего по отношению к ним общества, которая не оценивается с позиции полезности для людей (57 из 68 человек). Это либо «сложившийся на протяжении лет стандарт поведения», либо «установки, правила, установленные обществом». Здесь общество выступает в качестве безличного субъекта, диктующего определенные правила. (Незначительная часть считает, что этим субъектом является государство, принимающее определенные законы). Лишь 10 человек отметили, что признаком социальной нормы является ее принятие большинством, проживающим в данном обществе.*** Только один из 68 человек считает, что нормы бывают и плохими. Кроме того, 13 человек уверены, что социальная норма – это то, что служит благом обществу и людям: чтобы «люди могли уживаться друг с другом», чтобы «улучшить жизнь людей», «обеспечивает устойчивость, стабильность во взаимодействиях людей», создает «рамки, в которых люди способны социально развиваться, достигать определенных целей» и т.д.

«Нормальность» для большинства опрошенных предстает как «соответствие устоявшимся социальным нормам» или «соответствие критериям (разным в разных обществах) и стандартам, которые находятся в середине диапазона между минимальными и максимальными требованиями». Иначе говоря, это показатель соответствия ожиданиям общества. Так считают 37 студентов. Для 14 опрошенных – это субъективное понятие, не зависящее от мнения общества. Еще для 14 «нормальность» является относительным понятием, которое зависит от обстоятельств. Лишь четверо считают, что понятие «нормальность» связано с пользой для людей.

Мнения о «нормальности» несколько расходятся по смыслу с оценками «нормального» человека (в соответствии с заданием, «нормальность» должна была определяться относительно социальных взаимодействий). Участники исследования выделили три главные позиции: а) это человек, более или менее соответствующий социальным нормам (42); б) всегда готов помочь другим людям и не причиняет вреда другим людям (17); в) для каждого – свое (8 чел.). Из тех, кто вошел в группу (а), 14 студентов оценивают нормальность как негативную характеристику. «Нормальный» – это либо среднестатистический человек, который «не имеет талантов», «не вызывает особого интереса», «неяркая личность», либо «несчастливый человек, поскольку общество не дает ему действовать так, как он хочет».

На вопрос «что такое «хорошо» во взаимодействиях между людьми и в поведении человека?», который, казалось бы, напрямую связан с представлениями о социальной норме и «нормальности» поведения в социальных взаимодействиях, смысл студенческих оценок сместился с пользы для общества на пользу для человека (людей). «Хорошо» – это когда приносится благо другим людям (варианты ответов: «учет интересов других», «сопереживание другим», «когда поведение выстраивается так, чтобы всем было максимально комфортно и приятно», «умение идти на уступки и компромиссы ради блага другого» и т.д.) (38 чел.). Благо для общества как основной смысл «хорошего» выделили 24 человека.

Не менее интересными представляются оценки разных видов девиантного поведения. Смысл девиации в рассматриваемом нами дискурсе заключается в нарушении социальных норм, общепринятых стандартов, выход за пределы того, что считается нормальным в обществе (42 чел.). Относительность понятия зафиксировали 18 человек, вред для людей – 2 человека, а тот факт, что девиация может быть позитивной и негативной, – 11 человек. По мнению студентов, основной причиной, почему большинство людей не совершают преступления против личности (например: грабежи, убийства, кражи личного имущества, причинение фи-

зического вреда здоровью и т.д.), является страх наказания (40 ответов). На втором месте оказалось «воспитание» и «совесть, нежелание причинять вред людям» (25).

При оценке поведения на принадлежность к группе девиаций были выявлены следующие результаты. По выделенной участниками опроса совокупности оценок вреда для социума, ближайшего окружения и самого человека к девиациям были отнесены: проституция (50 из 56), немедицинское потребление наркотиков (52), суицид (49). Не считают девиациями: табакокурение (32 из 56), нарциссизм (31), шопоголизм (44) и включенность в неагрессивные молодежные объединения (46). Примерно поровну распределились ответы в отношении нудизма (29 – «нет»), потребления алкоголя (23 – «нет»), гомосексуализма (26 – «нет»), чайлдфри (27 – «нет»), гемблинга (24 – «нет»).

Совокупный смысл социального контроля в студенческом дискурсе имеет негативную окраску – это выявление и контроль поведения человека в случае нарушения им социальной нормы (варианты ответов: «подавление девиантного поведения посредством санкций», «совокупность методов и форм ограничения девиантного поведения», «совокупность социальных санкций, применяемых к индивиду в ответ на его действия»). Сюда же относятся, с нашей точки зрения, рассуждения о роли социального контроля в поддержании социального порядка. Эти два варианта отметили 58 из 77 человек. И лишь 21 человек придали позитивный смысл социальному контролю, который заключается в том, что он является механизмом саморегуляции социальной системы, цель которой – обеспечение социальной стабильности, исправление ситуации, «регуляция взаимодействий индивида с обществом». Несмотря на это, большинство студентов выделили негативные последствия социального контроля. Для общества это, прежде всего: «неоправданное усложнение социальной системы», «много бюрократических структур, указывающих модели развития общества и поведения», «стагнация общества, уменьшение числа пассионариев» и т.д. (49 чел.). На отсутствие негативных последствий указали только 22 студента. Среди негативных

последствий для индивидов большей частью были названы дискриминация, нарушение свободы, стигматизация, подавление индивидуальности и уникальности (только 7 человек не увидели негативного влияния социального контроля на индивидов).

Исходя из превалирования негативных определений социального контроля, не были неожиданными утверждения о необходимости его ужесточения (59 из 77 ответов). Преимущественно это касалось лиц с наркотической и алкогольной зависимостью, педофилов, преступников-рецидивистов, проституток (особенно уличных). Среди прочих видов поведения, требующих усиления социального контроля, были указаны: домашнее насилие; психические отклонения; национализм; гомосексуализм; поведение мигрантов; коррупция чиновников; нарушение прав людей. Вопрос «нужно ли ослабление социального контроля в отношении разных видов девиантности?» также не остался без ответов. За ослабление социального контроля высказалось 29 человек. Разброс мнений по поводу видов девиаций большой, поэтому нет возможности выделить какие-то особо значимые группы. В основном это касалось тех видов поведения (девиаций), которые совершаются первый раз и которые, по мнению студентов, не наносят большого вреда обществу или другим людям: бомжевание, творческие проявления, проституция, табакокурение, гомосексуализм, чайлдфри, участие в неформальных молодежных группах, потребление легких наркотиков.

Заключение

Необходимость изучения повседневных практик и (обыденных) дискурсов основывается на идее, что социология призвана объяснить производство и воспроизводство общества как результата социальных действий агентов и их совокупности [6]. «Именно такой ракурс позволяет разрабатывать общую теорию, исходящую из конкретной ситуации... и связывать ее с актуальными процессами трансформации всего социального поля» [5, с. 11]. Повседневные практики производят знания, которые задают структуру смыслов, являются «фабрикой значений, без которых не может

существовать ни одно общество» [2, с. 31]. В дискурсах фиксируются основные идеи социального контроля девиантности и его обоснования, которые затем актуализируются в социальных взаимодействиях.

Исследование молодежно-студенческого дискурса показало, что в конструкте социального контроля девиантности этой части населения имеется некоторая рассогласованность элементов. Во-первых, слабо выражена, казалось бы, очевидная связь между понятиями «хорошо», «нормальность», «социальная норма». В сознании студентов социальная норма занимает как бы внешнюю позицию по отношению к деятелю и не имеет тесной связи с благом для людей, соблюдением их интересов («теоретический» аспект). Во-вторых, это может означать, что в повседневных практиках руководством к действию участников нашего исследования выступают не абстрактные социальные нормы, а их эквиваленты – представления о том, что есть «хорошо», основанные на здравом смысле, которые организуют взаимодействие людей и обеспечивают сохранность социума (практический аспект, отражающий суть повседневных практик).

Многим повседневным практикам свойственна трансцендентность как переживание сопричастности чему-либо или кому-либо – отсюда стремление к поддержке общепринятой и/или официально одобряемой и активно продвигаемой (через СМИ, деятельность официальных субъектов социального контроля, законы) модели социального контроля и порядка. Эта трансцендентность может служить лишь прикрытием других ценностей, значений, смыслов. Так, наше исследование показало, что в целом молодежно-студенческому дискурсу социального контроля свойственен ригоризм, т.е. проведение идеи непреклонности в осуществлении надзора за человеком, поскольку только под страхом наказания он может соответствовать требованиям общества и морали должностования. Кроме того, дискурсу свойственно стремление к ужесточению социального контроля, что вписывается в общий тренд продвигаемых российскими политиками идей расширения контроля за поведением людей (что

противоречит общемировым тенденциям, например, в отношении наркозависимых, алкоголезависимых, проституток и т.д.). Возможно, это чревато возникновением ситуации формирования двойной морали и ростом латентной девиантности.

Следует также отметить, что автор далек от мысли переноса результатов исследования на весь молодежно-студенческий дискурс. Это, скорее, часть общего дискурса, но и она выявляет определенные тенденции, существующие, как минимум, в сознании тех, кто принял участие в исследовании.

Примечания:

* Термин «общественный» дискурс используется здесь как генерализованное выражение всех дискурсов, помимо государственного. Введение данного термина в рамках статьи обусловлено необходимостью

подчеркнуть (возможное? принципиальное?) отличие смыслов, значений, оценок девиантности в повседневных практиках и в официальной (государственной) модели социального контроля девиантности.

** Здесь под социальной адекватностью понимается мера полезности тех или иных оценок и вытекающих из них социальных норм для общественного блага, подразумевающего обеспечение стабильности социума, интеграцию всех его членов, соблюдение основных прав и свобод человека и т.д.

*** Рассуждения некоторых студентов содержали несколько вариантов возможных смыслов. В связи с этим совокупное количество смыслов может не совпадать с общим числом студентов, выполняющих то или иное задание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая современность : пер. с англ. / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : МЕДИУМ, 1995.
3. Бурдье П. Начала / П. Бурдье. – М., 1994.
4. Бурдье П. Практический смысл : пер. с франц. / П. Бурдье. – СПб. : Алетейя, 2001.
5. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / К. Вульф. – СПб. : Интерсоцис, 2009.
6. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., 2003.
7. Масионис Дж. Социология / Дж. Масионис. – 9-е изд. – СПб., 2004.
8. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А. Н. Олейник. – М., 2001.
9. Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И. Л. Честнов. – СПб., 2002.
10. Шели Дж. Криминология : пер. с англ. / Дж. Шели. – СПб. : Питер, 2003.
11. Шипунова Т. В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы / Т. В. Шипунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012.
12. Шипунова Т. В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии / Т. В. Шипунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – № 2 (61).
13. Ядов В. Я. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российской трансформации : курс лекций для студентов магистратуры по социологии / В. Я. Ядов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Интерсоцис, 2009.
14. Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie" / J. Habermas. – Frankfurt a/M., 1968.
15. Haferkamp H. Kriminalität ist normal / H. Haferkamp. – Stuttgart, 1972.
16. Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens: eine Einführung für Soziologie, Psychologie, Pädagogen, Juristen, Politologen, Kommunikationwissenschaftler und Sozialarbeiter / S. Lamnek. – 7. Aufl. – München : Fink, 2001.
17. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1992.

© Шипунова Т.В., 2015

Статья получена: 10.02.2015

И.В. Кудашова

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ

В статье рассмотрены проблемы дисквалификации за допинг в административном праве. Автором проведен анализ изменений законодательства Российской Федерации по вопросам административной ответственности за нарушение антидопинговых правил тренером, исследуются особенности исполнения постановления о дисквалификации тренера.

Ключевые слова: дисквалификация, административная ответственность, постановление о дисквалификации, дисквалификационные лица, тренер, спортивный врач.

Дисквалификация как мера административного наказания к тренерам, специалистам по спортивной медицине или иным специалистам в области физической культуры и спорта за применение допинговых средств и методов в отношении спортсменов является принципиальной новеллой для российского законодательства. Она введена только в 2011 году на основании Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 413-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В главу 6 КоАП РФ была введена ст. 6.18, которая предусматривает ответственность в виде дисквалификации за нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним, выразившееся в использовании в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, а также ответственность за указанные действия, но

совершенные в отношении несовершеннолетнего спортсмена. Были внесены изменения и в ст. 3.11 КоАП РФ, предусматривавшие возможность назначения административного наказания в виде дисквалификации лицам, осуществляющим профессиональную деятельность в сфере подготовки спортсменов (тренеров, специалистов по спортивной медицине, иных специалистов в области физической культуры и спорта, занимающих должности, предусмотренные перечнем, утвержденным в соответствии с законодательством Российской Федерации, медицинских работников, фармацевтических работников). Рассматриваемый Федеральный закон предусматривает, что протоколы об указанных административных правонарушениях вправе составлять должностные лица органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ согласно п. 83 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, а дела об указанных административных правонарушениях рассматриваются районными судьями в соответствии с ч. 1 и ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

Субъектами данного правонарушения являются тренеры, специалисты по спортивной медицине и иные специалисты в области физической культуры и спорта. Согласно Перечню иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, утвержденному приказом Минспорттуризма России от

16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации», иными специалистами являются, например, администратор тренировочного процесса, аналитик по виду спорта, дежурный по спортивному залу, директор (заведующий) физкультурно-спортивной организации, инструктор по спорту, техник по эксплуатации и ремонту спортивной техники, хореограф и др. Как справедливо утверждает Н.Н. Цуканов, разбирательство по всем правонарушениям, предусмотренным КоАП РФ, осуществляется в публичном порядке, поэтому дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.18 КоАП РФ, возбуждаются на основе принципа публичности без желания потерпевшей стороны и не могут прекращаться по ее инициативе [1].

КоАП РФ не предусматривает административную ответственность за использование спортсменами запрещенных субстанций и методов, поскольку соответствующие санкции применяются международными и общероссийскими спортивными федерациями. В соответствии с п. 14 ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» под спортивной дисквалификацией понимается отстранение спортсмена от участия в спортивных соревнованиях, которое осуществляется международными или общероссийскими спортивными федерациями [2].

Фактическим основанием для привлечения тренера к административной ответственности по ст. 6.18 КоАП РФ является его содействие в использовании спортсменом или в отношении спортсмена допинга. Часть 1 ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» дает законодательно закрепленное определение допинга в спорте, под которым «признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование или

попытка использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Данное определение соответствует понятию, содержащемуся в Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте и Всемирном антидопинговом кодексе [3].

В соответствии с ч. 3 ст. 26 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» к числу антидопинговых правил относятся:

1) использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода;

2) наличие запрещенных субстанций либо их метаболитов или маркеров в пробе, взятой в соревновательный период или во внесоревновательный период из организма спортсмена, а также из организма животного, участвующего в спортивном соревновании;

3) отказ спортсмена явиться на взятие пробы, неявка спортсмена на взятие пробы без уважительных причин после получения уведомления в соответствии с антидопинговыми правилами или уклонение иным образом спортсмена от взятия пробы;

4) нарушение требований антидопинговых правил, касающихся доступности спортсмена для взятия у него проб во внесоревновательный период, в том числе непредоставление информации о его местонахождении и его неявка для участия в тестировании;

5) фальсификация или попытка фальсификации элемента допинг-контроля;

6) обладание запрещенными субстанциями и (или) запрещенными методами без разрешения на их терапевтическое использование, выдаваемого в соответствии с Международным стандартом для терапевтического использования запрещенных субстанций Всемирного антидопингового агентства;

7) распространение запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода;

8) использование или попытка использования запрещенной субстанции в отношении спортсмена, либо применение или попытка применения в отношении его за-

прещенного метода, либо иное содействие, связанное с нарушением или попыткой нарушения антидопинговых правил.

Содержание Правил детализируется Общероссийскими антидопинговыми правилами, утвержденными приказом Минспорта России от 2 октября 2012 г. № 267.

Административная ответственность, предусмотренная ст. 6.18 КоАП РФ, связана не со всеми перечисленными правилами, а лишь с использованием в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Речь идет о фармакологических средствах и запрещенных методах, направленных на улучшение физических сил и выносливости профессиональных спортсменов, используемых с целью стимуляции физической и психической работоспособности и достижения высокого спортивного результата.

Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, регламентирован приказом Минспорта России от 16 апреля 2013 г. № 197 «Об утверждении Перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Он составляется в соответствии с Международным стандартом Всемирного антидопингового агентства Запрещенным списком, включенным в приложение 1 к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте.

В зависимости от вида спорта допинги могут обладать совершенно различными и даже противоположными фармакологическими действиями: от психостимулирующего до транквилизирующего, от мочегонного до кардиотропного влияния. Они назначаются однократно или курсом, в зависимости от поставленных задач и механизма действия лекарственных веществ. К основным группам субстанций по фармакологическим свойствам относят анаболические агенты (боландиол (estr-4-ene-3,17-diol); боластерон, дигидроте-

стостерон (17-hydroxy-5-androstan-3-one); прастерон (dehydroepiandrosterone, DHEA, 3-hydroxyandrost-5-en-17-one); тестостерон, а также их метаболиты и изомеры, зеранол, зилпатерол и др.), пептидные гормоны, факторы роста и подобные субстанции (эритропоэтин (EPO), дарбепоэтин (dEPO), кортикотропины и др.), бета-2 агонисты, гормоны и модуляторы метаболизма, диуретики и другие маскирующие агенты.

К числу запрещенных методов относятся манипуляции с кровью и ее компонентами (искусственное улучшение процессов потребления, переноса или доставки кислорода, включая, но не ограничиваясь им, применение фторпроизводных, эфапроксирала (RSR13) и модифицированных препаратов на основе гемоглобина (например, заменителей крови на основе гемоглобина, микрокапсулированного гемоглобина), за исключением использования дополнительного кислорода, и др.), химические и физические манипуляции (например, фальсификация, а также попытки фальсификации отобранных в рамках процедуры допинг-контроля проб с целью нарушения их целостности и подлинности), генный допинг как способ улучшить спортивные результаты (например, использование нормальных или генетически модифицированных клеток).

Кроме этого, выделяются субстанции и методы, запрещенные в соревновательный период. К числу таких субстанций относятся стимуляторы (например, адрафинил; амифеназол; амфепрамон, адреналин, псевдоэфедрин и др.), наркотики (бупренорфин; гидроморфон; декстроморамид; диаморфин (героин); метадон; морфин; оксикодон; оксиморфон; пентазоцин; петидин; фентанил и его производные, каннабиноиды и т.д.). В случаях, когда запрещенной субстанцией выступает наркотическое средство, решается вопрос об уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ; склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов образует состав преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ.

Алкоголь (этанол) запрещен только в соревновательный период в автоспорте, аэронавтике, водно-моторном спорте, мотоспор-

те, стрельбе из лука. Присутствие алкоголя в организме определяется посредством анализа выдыхаемого воздуха и/или крови. Нарушением антидопинговых правил считается превышение пороговой концентрации (гематологические показатели), равной 0,10 г/л.

Бета-блокаторы (алпронолол, атенолол, ацебутолол, бетаксолол, бисопролол, бунолол, карведиол, картеолол, лабеталол, левобунолол, метипранолол, метопролол и др.), если не указано иное, запрещены только в соревновательный период в автоспорте, бильярдном спорте (все дисциплины), гольфе, дартсе и др.

Таким образом, использование запрещенных субстанций и методов чаще всего выражается во введении в рацион спортсмена определенных препаратов; под воздействием в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода понимаются любые действия, способствующие использованию запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в т.ч. советы, указания, предоставление информации, предоставление запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов, а также сокрытие следов использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода. При этом для применения ст. 6.18 КоАП РФ не важно, употреблял ли фактически спортсмен запрещенную субстанцию или нет, отразилось ли применение запрещенных субстанций и методов на улучшении его спортивного результата или нет [4].

В Российской Федерации до настоящего времени данная статья применяется крайне редко. Так, в апреле 2014 г. Ленинским районным судом г. Самары в отношении врача самарской команды «Крылатые мотогогонщики» С.Г. Ляхова было назначено наказание в виде дисквалификации по факту совершения административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 6.18 КоАП РФ. С.Г. Ляхов назначил и однократно ввел спортсменам команды препарат, содержащий запрещенную субстан-

цию «фенотерол», пояснив при этом спортсменам, что данный препарат не является запрещенным. Данный препарат является бета-2 агонистом, относится к классу S3 запрещенного списка ВАДА 2013 и согласно п. 2.8. «Общероссийских антидопинговых правил» запрещен к применению в спорте в любых дозировках. По заключениям лаборатории ФГУП «Антидопинговый центр», аккредитованной ВАДА, от ДД.ММ.ГТТГ, в пробах Семенова, Мамаева и Орлова выявлена запрещенная субстанция «фенотерол», относящаяся к классу S3 запрещенного списка ВАДА 2013 [5].

Согласно п. 83 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы о данных правонарушениях составляют должностные лица органов наркоконтроля.

Совершение указанного правонарушения влечет дисквалификацию на срок от одного года до двух лет. Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего спортсмена, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влекут дисквалификацию на три года. Дисквалификация существенно ограничивает право человека на труд, поэтому рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.18 КоАП РФ, является исключительной прерогативой судебной власти. Дела об административных правонарушениях по данной статье рассматриваются мировыми судьями. В случае проведения административного расследования – районным судьей по месту проведения административного расследования (ч. 1 и ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ).

Согласно ч. 2 ст. 32.11 КоАП РФ, исполнение постановления о дисквалификации производится путем прекращения договора (контракта) с дисквалифицированным лицом. После вступления данного постановления в законную силу работодатель обязан уволить работника на основании п. 8 ч. 1 ст. 83 ТК РФ и внести в его трудовую книжку запись о дисквалификации. Вынесенное судьей и вступившее в законную силу постановление (решение) о дисквалификации обязательно для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, долж-

ностными лицами, юридическими лицами. Чтобы дисквалифицированный тренер не смог устроиться на работу в другую спортивную организацию, ч. 2 ст. 32.11 КоАП РФ установлено, что при заключении договора (контракта) на осуществление деятельности по управлению юридическим лицом уполномоченное заключить договор (контракт) лицо обязано запросить информацию о наличии дисквалификации физического лица в органе, ведущем реестр дисквалифицированных лиц. Согласно п. 5.5.13 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506, и п. 2 постановления Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 615 «Об установлении размера платы за предоставление сведений из реестра дисквалифицированных лиц, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», функции по формированию и ведению реестра дисквалифицированных лиц переданы Федеральной налоговой службе.

На практике часто происходит так, что дисквалифицированный тренер или медицинский работник увольняется по собственному желанию, по соглашению сторон, по какому-либо другому основанию, и запись о дисквалификации в трудовую книжку не вносится. Затем он устраивается на работу в другую организацию и продолжает заниматься той же деятельностью, хотя такого права у него нет. Тем не менее нужно отметить, что в КоАП РФ отсутствует механизм привлечения работодателя к ответственности за заключение договора (контракта) с тренером, как это сделано в отношении иных категорий дисквалифицированных лиц. Так, ч. 2 ст. 14.23 КоАП РФ предусматривает ответственность за заключение с дисквалифицированным лицом договора (контракта) на управление юридическим лицом и за неприменение последствий прекращения его действия, что влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере до ста тысяч рублей. Согласно ст. 19.29 КоАП РФ привлечение работодателем к трудовой деятельности

на условиях трудового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до пятисот тысяч рублей. Специальной статьи за привлечение работодателем дисквалифицированного тренера, специалиста по спортивной медицине или иного специалиста в области физической культуры и спорта в КоАП РФ нет. Привлечение к административной ответственности работодателя в этом случае по ст. 5.27 КоАП РФ за нарушение законодательства о труде на практике проблематично, поскольку не является актом трудового законодательства, и неисполнение требования ч. 2 ст. 3.11 достаточно сложно квалифицировать как нарушение законодательства о труде и об охране труда.

Предлагаем ввести в КоАП РФ статью 19.29.1 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг тренера, специалиста по спортивной медицине или иного специалиста в области физической культуры и спорта» следующего содержания: «Привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора дисквалифицированных тренера, специалиста по спортивной медицине или иного специалиста в области физической культуры и спорта, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – до ста тысяч рублей».

Таким образом, применение административной ответственности за нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта установленных законодательством о физической

культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним вызывает на практике ряд проблем, в решении которых могут помочь дополнения действующего законодательства, предложенные в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цуканов Н. Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях / Н. Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2008. – № 4. – С. 7.
2. См.: пп. 4.2-4.11 Положения об организации и проведении антидопингового контроля в области физической культуры и спорта в Российской Федерации : утв. приказом Госкомспорта РФ от 20 октября 2003 г. № 837 и гл. IX Общероссийских антидопинговых правил : утв. приказом Минспорта России от 2 октября 2012 г. № 267.
3. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (вместе с «Запрещенным списком 2005...», «Стандартами выдачи разрешений на терапевтическое использование») : заключена в г. Париже 19 октября 2005 г. : вступила в силу для России 1 февраля 2007 г. (Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте»).
4. См.: Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотиков : учеб. пособие / под общ. ред. Н. Н. Цуканова. – М. : ИНФРА-М, 2015.
5. Пример приведен на основе судебного решения Петродворцового районного суда г. Санкт-Петербурга (См.: Дело № 5-158 ДД.ММ.ГТТГ 2012 г. АП по ч. 2 ст. 6.16 КоАП РФ. URL: <http://actoscope.com/szfo/spiter/pdv-spb/ad/1/statya-61627082012-4815960>).

© Кудашева И.В., 2015

Статья получена: 29.01.2015

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уголовное право. Общая часть : курс лекций / под ред. к.ю.н., доцента М. Р. Гарафутдинова. – Казань : КЮИ МВД России, 2014. – 206 с.

В курсе лекций излагается материал для изучения основных положений Общей части уголовного права. По каждой из тем представлены материалы судебно-следственной практики, что повышает практическую значимость представленного учебного пособия. Соответствует требованиям государственного стандарта высшего профессионального образования.

Предназначено для курсантов и слушателей Казанского юридического института МВД России.

УДК 349.232; 378

О.Г. Шмелева

А.В. Лебедева

ОПЛАТА ТРУДА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье проводится анализ практики реализации действующего законодательства, регулирующего трудовую деятельность, в части оплаты труда педагогических работников образовательных организаций высшего профессионального образования.

Ключевые слова: оплата труда, заработная плата, педагогические работники, трудовая деятельность педагогических работников, качество образования.

Традиционно в последние два десятилетия самый высокий уровень оплаты труда наблюдался в финансовом и топливно-энергетическом секторах экономики. Система образования, являясь составной частью экономики, финансируемой за счет средств бюджетов различных уровней власти, предлагала заработные платы ниже средних статистических показателей.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём Указе от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [1] постановил обеспечить реальное увеличение заработной платы педагогических работников. Реализация вышеуказанных нормативных правовых актов и иных, направленных на достижение декларируемых целей, на практике вызвала немало вопросов.

Одним из основных субъектов, чья деятельность регламентирована в данном нормативно-правовом акте, является «педагогический работник». В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], «педагогический работник – физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией,

осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности». Таким образом, к данной категории работников будут относиться и ректор вуза, и представители профессорско-преподавательского состава. Это подтверждает и Номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, принятая постановлением Правительства РФ от 8 августа 2013 г. № 678 [3] и включающая в себя:

1) должности педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе должности педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу;

2) должности руководителей образовательных организаций.

Особенности регулирования оплаты труда педагогических работников в Российской Федерации вытекают из следующих основных нормативных правовых актов:

- указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях

по реализации государственной социальной политики» [5];

- указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [6];

- постановления Минтруда РФ от 30 июня 2003 г. № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры» [7];

- единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2015 год: решения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 24.12.2014, протокол № 11 [9];

- письма Министерства образования и науки РФ от 29 мая 2013 г. № ИР-485/08 «О дополнительных методических разъяснениях по вопросу повышения оплаты труда педагогических работников» [12].

Сопоставим существующую систему расчета средней заработной платы педагогического работника, как отчетного показателя Правительства РФ перед Президентом РФ, и реалии трудовой деятельности среднего педагогического работника. Предполагается, что повышение уровня оплаты труда в системе высшего профессионального образования должно способствовать привлечению в систему образования молодых талантливых преподавателей, стимулированию работающего профессорско-преподавательского состава к более эффективному осуществлению деятельности, а в результате – к росту конкурентоспособности и востребованности выпускников отечественных вузов.

В качестве главной стратегической цели государственной программы Российской Федерации «О развитии образования» на 2013–2020 гг. устанавливается «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики» [5].

Качество российского образования может оцениваться различными показателями. Образовательные учреждения, как отмеча-

ют ректор Горно-алтайского государственного университета В. Бабин и ректор СПб-ГУП А. Запесоцкий, выполняют не только роль передатчика накопленных знаний. На их базе также ведется обширная научно-исследовательская работа, формирующая основы для будущих нововведений в технике и технологии производства товаров и услуг, создаются рабочие места (в регионах от 10 до 20 процентов населения работают в системе образования), сохраняется культурное наследие и университетские традиции [15]. Как показала практика, оценить количественными показателями качество образования и его эффективность достаточно сложно. В рамках данного исследования выделим факторы, оказывающие основное, на наш взгляд, влияние на качество высшего профессионального образования:

- педагогические работники образовательных организаций;

- руководители образовательных организаций;

- материально-техническая база образовательных организаций;

- абитуриенты (качество их подготовки).

Поскольку объектом исследования в целом являются трудовые отношения, а педагогические работники являются основным производящим звеном в системе образования, проанализируем, как действующее законодательство направляет поведение этой категории субъектов права.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 марта 2006 г. № 69 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений» [8] четко раскрывает особенности режима труда и отдыха различных категорий педагогических работников в системе образования для всех её уровней. Например, для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего профессионального образования и образовательных учреждений дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) установлена 36-часовая рабочая неделя, которая определяется с учетом выполнения преподавательской работы, включая осуществление учебной, научно-исследова-

тельской, опытно-конструкторской, учебно-методической, организационно-методической, воспитательной и иных видов работы.

Письмо Министерства образования РФ от 26 июня 2003 г. № 14-55-784ин/15 «Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования» [11] устанавливает элементы учебной работы и ее нормативы на учебный год (800–900 часов).

Из вышесказанного видно, что деятельность педагогических работников в достаточной мере регламентирована. Исходя из выполнения норм труда, работодатель производит оплату труда, выплату заработной платы.

Государство, желая сформировать гибкую, подотчетную обществу систему непрерывного профессионального образования, развивающую человеческий потенциал, обеспечивающую текущие и перспективные потребности социально-экономического развития, повышая престижность работы в системе образования, увеличивает оплату труда (зарботную плату) в системе образования.

В Трудовом кодексе РФ в ст. 129 [4] заработная плата определена, как «вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты)» [4].

Применительно, например, к профессорско-преподавательскому составу вуза это значит, что в состав заработной платы преподавателя в образовательной организации высшего профессионального образования будет включаться:

- заработная плата за выполнение основ-

ной работы (до 900 часов учебной нагрузки в год);

- заработная плата за внутреннее совмещение на 0,5 ставки в данной образовательной организации (до 450 часов учебной нагрузки в год);

- почасовая оплата до 300 часов за учебный год, не являющаяся совмещением.

На основании приказа Министерства образования и науки РФ от 24 декабря 2010 г. № 2075 «О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» [12] работникам образовательных учреждений высшего профессионального образования из числа профессорско-преподавательского состава продолжительность рабочего времени устанавливается исходя из сокращенной продолжительности рабочего времени не более 36 часов в неделю.

Таким образом, обучая бюджетных и коммерческих студентов, преподаватель может на одном рабочем месте выполнить от 1200 до 1350 часов только учебной нагрузки. Годовой объем рабочего времени преподавателя составляет примерно 1584 часа (36 часов в неделю умножаем на 44 рабочие недели). У преподавателя на иные виды работ остается от 234 до 384 часов. Следует подчеркнуть следующее – выполнение учебной нагрузки преподавателем не предполагает ведения иных видов обязательных работ, например, совместной научно-исследовательской работы со студентами, собственной научной деятельности (написание статей, монографий, проведение исследований и т.д.), учебно-методической работы (разработка учебных программ, учебных пособий, планов семинарских и практических занятий и т.д.). Как правило, это является частью учебно-методической подготовки профессорско-преподавательского состава к проведению учебного занятия.

Письмо Министерства образования и науки РФ от 29 мая 2013 г. № ИР-485/08 «О дополнительных методических разъяснениях по вопросу повышения оплаты труда педагогических работников» [12] указывает на то, что показатель средней заработной платы педагогического работника образовательной организации будет рассчитан на основе всей

суммы доходов, полученных в ней, вне зависимости от того, по основному месту работы эти начисления произошли, или нет.

В 2012–2014 гг. произошел рост средней заработной платы в системе образования. Например, как отмечается в Докладе Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования, среднемесячная заработная плата профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования составила 45,4 тыс. рублей в первом полугодии 2014 г. (прирост по отношению к аналогичному периоду 2013 года – 21,1%) и по итогам первого полугодия 2014 г. составила 144,2% от среднемесячной заработной платы по Российской Федерации [14]. Причин тому несколько:

- рост базовых окладов;
- изменение системы оплаты труда.

На основании Единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2015 год [9] государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования, самостоятельно разрабатывают положения об оплате труда в рамках соглашений, коллективных договоров, локальных нормативных актов в соответствии с действующим законодательством. На практике передача образовательным организациям права самостоятельно устанавливать правила оплаты труда привела к конфликтам. Основными причинами разногласий явились: большой разрыв в размере заработной платы профессорско-преподавательского состава и руководителей образовательных организаций; нежелание руководителей образовательных организаций участвовать в развитии социально-партнерских отношений; сложность и непрозрачность вводимых систем оплаты труда.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [13] основными принципами государственной

статистики являются: полнота, достоверность, научная обоснованность предоставления и общедоступность официальной статистической информации; применение научно обоснованной официальной статистической методологии, соответствующей международным стандартам и принципам официальной статистики, а также законодательству Российской Федерации, открытость и доступность такой методологии.

Как правило, сравнивая показатели средней заработной платы по отраслям, используют данные за конкретный месяц. В отношении сферы образования эта методика не работает, так как распределение учебной нагрузки в течение учебного года весьма неравномерно. Поэтому наиболее целесообразным представляется использование в качестве отчетного периода – учебный год.

Официальная статистика указывает на рост средней заработной платы в системе образования, но не в рамках действующих норм труда в данной сфере деятельности. Как было показано выше, рост учебной нагрузки преподавателя приводит к тому, что он поверхностно выполняет иные виды работ: научно-исследовательскую, учебно-методическую, организационно-методическую.

Особенностью профессиональной деятельности педагогических работников является то, что при её интенсификации (например, численность студентов в группе составляет более 25 человек, практические занятия ведут не два, а один преподаватель), как правило, снижается качество.

Таким образом, основная цель, сформулированная в государственной программе Российской Федерации «О развитии образования» на 2013–2020 гг., может быть реально достигнута только при соблюдении разработанных норм труда педагогических работников. Необходимо внести изменения в действующие нормативные правовые акты, определяющие порядок исчисления средней заработной платы в системе образования, связав её именно с выполнением норм труда по основному месту работы, ограничив 1 ставкой. Нормы труда педагогических работников в большинстве случаев установлены на учебный год, следовательно, он и должен быть расчетным периодом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/5361-ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-7-maya-2012-goda-597> (дата обращения: 24.12.2014).
2. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1), ст. 7598.
3. Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : постановление Правительства РФ от 08.08.2013 № 678 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 33, ст. 4381.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 3.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 295 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 17, ст. 2058.
6. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 // Российская газета. – 2012. – 9 мая.
7. Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры : постановление Минтруда РФ от 30 июня 2003 г. № 41 // Российская газета. – 2003. – 16 августа.
8. Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений : приказ Министерства образования и науки РФ от 27 марта 2006 г. № 69 // Российская газета. – 2006. – 12 августа.
9. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2015 год : решение Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 24.12.2014, протокол № 11 // Российская газета. – 2015. – 12 января.
10. О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников : приказ Министерства образования и науки РФ от 24 декабря 2010 г. № 2075 // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
11. Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования : письмо Министерства образования РФ от 26 июня 2003 г. № 14-55-784ин/15 // Бюллетень Минобразования РФ. – 2003. – № 11.
12. О дополнительных методических разъяснениях по вопросу повышения оплаты труда педагогических работников : письмо Министерства образования и науки РФ от 29 мая 2013 г. № ИР-485/08 // Официальные документы в образовании. – 2013. – № 30.
13. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 7 декабря.
14. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. URL: <http://government.ru/media/files/n1ZAKpAX56U.pdf> (дата обращения: 22.12.2014).
15. Запесоцкий А. Убить вуз / А. Запесоцкий. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/13/zapesock-ij.html> (дата обращения: 24.12.2014).

© Лебедева А.В., 2015

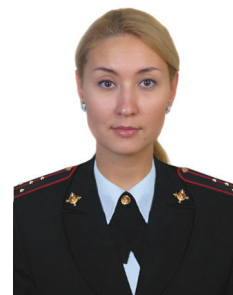
© Шмелева О.Г., 2015

Статья получена: 28.01.2015

УДК 342.4; 373

Д.В. Шамсутдинова

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ
И ЕГО ЗАЩИТА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Статья посвящена проблемам реализации права на образование человека, рассмотрено понимание права на образование в современном мире, проанализирована система образования в Российской Федерации и законодательная база российского государства в сфере образования. Приводится анализ современной судебной практики по реализации конституционного права на образование (на примерах решений судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации).

Ключевые слова: молодежь, образование, конституция, право, доступность образования, гарантия прав, судебная защита.

В современном мире право на образование рассматривается как одно из фундаментальных естественных основных прав человека. Такое понимание права на образование закреплено Всеобщей декларацией прав человека, Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцией о правах ребенка, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. ЮНЕСКО рекомендует рассматривать право на образование как элемент прав на жизнь, на развитие, на непрерывное образование, которое должно реализовываться в течение всей жизни человека). Всеобщая Декларация прав человека (ст. 26) закрепила обязательность, общедоступность, бесплатность начального образования, обозначив цель образования в мировом масштабе: «Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами, расовыми и религиозными группами». Позднее международное сообщество подтвердило это стремление в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. Кроме того, Всеобщая декларация прав человека закрепила приоритетное пра-

во родителей на выбор вида образования для своих малолетних детей.

Однако Всеобщая декларация прав человека, будучи документом высокого нравственного гуманистического значения, лишь закрепила основные приоритеты, принципы, цели и задачи в области прав человека, к реализации которых должны стремиться все государства – участники Декларации. Декларативный (т.е. провозглашающий) принцип права на образование был закреплён как обязательный для государств – членов ООН, ратифицировавших Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах также утверждает право каждого человека на образование: обязательность и бесплатность для всех начального образования, открытость и доступность среднего образования в его различных формах (включая профессионально-техническое образование), высшего образования (на основе способностей каждого) с постепенным введением его получения на бесплатной основе. В Пакте были детализированы цели образования, которое «должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным

свободам... должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества», а также способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между нациями и религиями, содействовать ООН в поддержании мира.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод гласит, что «никому не может быть отказано в праве на образование». Данная формулировка подтверждает право каждого человека на образование, налагает запрет на какую бы то ни было дискриминацию в праве на образование, однако Конвенция не конкретизирует уровень получения образования.

Конвенция о правах ребенка закрепила общедоступность, бесплатность и обязательность начального образования, право ребенка на доступность информации и материалов в области образования, возложив на государств-участников обязанности:

- обеспечивать доступность среднего образования, общего и профессионального, на бесплатной основе;
- обеспечивать доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого;
- принимать меры к регулярному посещению детьми школ, к снижению числа детей, покидающих школы.

Российская система образования способна конкурировать с системами образования передовых стран. При этом необходимы широкая поддержка со стороны общественности проводимой образовательной политики, восстановление ответственности и активной роли государства в этой сфере, глубокая и всесторонняя модернизация образования, выделение необходимых для этого ресурсов и создание механизмов их эффективного использования.

Образование в России осуществляется в соответствии с законом РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании», Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 11-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г., утвержденной приказом Минобрнауки России от 11 февраля 2002 г. № 393, иными законодательными актами, а также проком-

ментированными выше нормами международного права. Конституция РФ провозгласила Россию демократическим правовым государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью [3]. Политика России как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Признание и обеспечение социальных прав и гарантий их реализации, как справедливо отметил В.Д. Зорькин, имеют принципиальное значение для общественного развития и благополучия [4].

Современная конституционно-правовая основа права человека на образование в Российской Федерации имеет сложную структуру, включающую в себя самые различные по характеру, содержанию и назначению акты, с помощью которых регулируются правоотношения в данной сфере.

Эту основу можно разделить на 4 уровня: федеральный, региональный, местный и локальный, каждый из которых имеет свои подуровни.

Согласно п. 1 ст. 17 Конституции, «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». В соответствии со ст. 17 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» № 2-ФКЗ от 17 декабря 1997 г. Правительство Российской Федерации: разрабатывает и осуществляет меры государственной поддержки развития науки; обеспечивает государственную поддержку фундаментальной науки, имеющих общегосударственное значение приоритетных направлений прикладной науки; обеспечивает проведение единой государственной политики в области образования, определяет основные направления развития и совершенствования общего и профессионального образования, развивает систему бесплатного образования.

Федеральные законы в области образования разграничивают компетенцию и ответственность федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

регулируют в рамках установленной федеральной компетенции вопросы, которые должны решаться одинаково всеми субъектами Российской Федерации. В этой части федеральные законы в области образования являются законами прямого действия и применяются на всей территории России. Они вводят общие установочные нормы по вопросам, которые относятся к компетенции субъектов Российской Федерации и в соответствии с которыми последние осуществляют собственное правовое регулирование в области образования. Базовыми документами являются закон Российской Федерации «Об образовании» № 3266-1 от 10 июля 1992 г., Федеральные законы «О высшем и послевузовском образовании» № 125-ФЗ от 22 августа 1996 г., «Об утверждении федеральной программы развития образования» № 51-ФЗ от 10 апреля 2000 г. Закон РФ «Об образовании» служит гарантией реализации конституционного права на образование на всей территории Российской Федерации для каждого ее гражданина.

Необходимо отметить особую роль актов Президента России в сфере образования. Так, в соответствии со ст. 112 Конституции Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» № 2-ФКЗ от 17 декабря 1997 г. Президент России определяет эффективную систему и структуру федеральных органов исполнительной власти, в которую в сфере образования в настоящее время входит: Министерство образования и науки РФ, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, Федеральное агентство по образованию, Федеральное агентство по науке [3].

Кроме того, указами Президента РФ решаются вопросы, связанные с установлением размеров стипендий и предоставлением льгот студентам и аспирантам, закреплением мер социальной защиты работников образовательных организаций, определением правового статуса отдельных видов образовательных организаций и другие вопросы.

Государство различными способами поддерживает развитие образования. Создаются новые крупные государственные университеты. Так, в соответствии с Распоряжением

Председателя Правительства России В.В. Путина от 2 апреля 2010 года Казанский государственный университет был преобразован в Казанский (Приволжский) федеральный университет [4]. Программа развития федерального университета предполагает масштабные инвестиции в развитие инфраструктуры, повышение квалификации персонала, оснащение лабораторий и учебных аудиторий, совершенствование управления образовательным комплексом. Используя это конституционное право, мы имеем возможность получить бесплатное высшее профессиональное образование, которое послужит базой для дальнейшего профессионального роста и востребованности на рынке труда.

Региональный уровень нормативных правовых актов об образовании формируют 3 подуровня. Первый образуют конституции республик и уставы иных субъектов Российской Федерации, определяющие параметры правового регулирования субъектов Российской Федерации. Второй подуровень регионального уровня составляют законы республик, краев, областей, автономных образований, городов федерального значения, конкретизирующие федеральные конституционные нормы в определенной «фазе общественных отношений в целях их практического осуществления». Третий подуровень образуют нормативные правовые акты, принятые органами государственной власти этих субъектов Российской Федерации: указы президентов республик, распоряжения глав администраций этих субъектов (например, Президента Республики Татарстан), постановления законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (законодательных собраний), решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Право субъектов РФ осуществлять нормативное правовое регулирование общественных отношений в области образования позволяет им существенно развивать и дополнять сферу правового регулирования федерального законодательства в области образования с учетом национальных, социально-экономических, географических, демографических и других конкретно-исторических особенностей региона.

Третий уровень (местный) нормативной правовой основы права человека на образование образуют акты, принимаемые муниципальными органами: уставы муниципальных образований (районов, городов, районов в городе, поселков, сел и иных административно-территориальных образований), акты выборных представительных и исполнительных органов местного самоуправления, а также иных должностных лиц органов местного самоуправления, акты глав муниципальных образований и другие акты этого уровня, отражающие в правовом регулировании особенности, связанные с реализацией прав личности на образование.

Локальные акты, которые замыкают систему подзаконных нормативных правовых актов в сфере права человека на образование, принимаются непосредственно образовательными организациями и служат возможностью регулировать отношения в сфере образования применительно к специфике образовательной организации, особенностям ее педагогической и иной деятельности в сфере образования. Порядок принятия локальных актов, перечень вопросов, по которым могут принимать нормативные правовые акты органы управления образовательным учреждением, регламентируются уставом образовательного учреждения, который также является локальным актом и занимает среди последних особое место. Следует отметить, что остальные локальные акты образовательной организации не могут противоречить его уставу, а подзаконные нормативные правовые акты не должны содержать норм, противоречащих Конституции РФ и федеральному законодательству.

В системе федеральных подзаконных актов в сфере образования различные вопросы, связанные с реализацией права на образование регулируют также и нормативно-правовые акты различных министерств и ведомств. Так, например, приказами Министерства обороны и Министерства внутренних дел могут устанавливаться задачи, структура, общие положения и организация учебной работы высшего учебного заведения [5] или порядок премирования сотрудников этих министерств за труды в области науки [6].

За восстановлением нарушенного конституционного права на получение образования граждане обращаются в суд. Материалы судебной практики свидетельствуют, что граждане активно пользуются своим конституционным правом на судебную защиту, т.е. обжалуют в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ), повлекшие за собой нарушение их прав, свобод и законных интересов в сфере образования. Так, анализ судебной практики показывает, что в настоящее время наиболее распространенными исками в сфере образования в судах общей юрисдикции являются иски на нарушение права на общедоступность дошкольного образования, а именно: наличие очереди для получения места в дошкольном учреждении, предоставление места в детском саду с учетом места жительства или порядок платы за дошкольное образование. Данная проблема наиболее актуальна для молодых родителей – студентов вузов, аспирантов, а также для выпускников вузов – молодых специалистов.

Под общедоступностью дошкольного образования понимают, во-первых, возможность получения места в детском саду к моменту достижения ребенком установленного законом возраста, то есть гарантированное зачисление без очередей. В соответствии с ч. 1 ст. 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» получение дошкольного образования в образовательных организациях может начинаться по достижении детьми возраста двух месяцев. Во-вторых, доступность дошкольного образования подразумевает возможность снижения платы за присмотр и уход за детьми в дошкольных образовательных организациях путем существующей системы компенсаций родительской платы.

Рассмотрим судебную практику по обоим направлениям.

В отношении наличия очередей при приеме в детские сады очевидным нарушением является невключение в очередь на предоставление места в детском саду лиц, имеющих на это право [7], или использование помещений детского сада не по назначению

при наличии зарегистрированной очереди в детский сад [8].

Вместе с тем следует отметить, что по отношению к вопросу о правомерности самого наличия очереди в детские сады судебная практика противоречива. Одни суды не считают наличие очереди нарушением конституционного права на образование, в то время как другие приходят к выводу, что реализация конституционного права на образование, в том числе дошкольное, не может быть поставлена в зависимость от фактического наличия мест в дошкольных образовательных организациях.

В качестве примера первого подхода можно привести Решение Ново-Савиновского суда г. Казани от 18 февраля 2014 г. по делу № 2-626/2014(2-7913/2013). Суд определил, что прием в дошкольное учреждение количества детей свыше утвержденного пунктом 1.10 СанПиН 2.4.1.2660-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию организации режима работы в дошкольных организациях» повлечет нарушение прав детей, посещающих дошкольное учреждение, а само по себе наличие очереди на получение мест в детском саду нельзя расценивать как неисполнение обязанности обеспечения доступного бесплатного дошкольного образования.

В качестве примера второго подхода, когда нехватка мест в детских садах все же рассматривается как невыполнение органами местного самоуправления своих обязанностей, можно привести Апелляционное определение Архангельского областного суда от 30.06.2014 № 33-3112. В данном решении суд указал, что органы местного самоуправления обязаны принимать меры для организации сети детских дошкольных образовательных организаций, а в случае недостаточности – расширять их. При этом реализация прав одних граждан на получение дошкольного образования должна осуществляться не за счет ущемления прав других, а посредством увеличения числа мест в дошкольных организациях.

Аналогичное решение принято Пермским краевым судом. В Определении от 16 апреля 2014 г. по делу № 33-3297 суд пришел к выводу о наличии незаконного без-

действия администрации муниципального образования, выразившегося в необеспечении возможности несовершеннолетней получить дошкольное образование в муниципальном дошкольном образовательном учреждении, поскольку ребенок достиг необходимого возраста и не имеет противопоказаний для посещения такого учреждения. Суд подчеркнул, что реализация конституционного права не может быть поставлена в зависимость от нехватки мест, а для реализации этого права органы муниципальных образований обязаны создать достаточную сеть муниципальных дошкольных учреждений. Администрация должна была предвидеть соответствующую потребность в местах в дошкольных образовательных учреждениях, своевременно принимать меры к увеличению вместимости существующих образовательных организаций.

Особое место в судебной практике отводится спорам о предоставлении места в детском саду по месту жительства и с учетом выбора родителями формы обучения. По данному вопросу практика также противоречива. Некоторые суды признают право на выбор режима посещения (группа полного дня или группа по уходу и присмотру) и места получения дошкольного образования, в то время как другие допускают, что при наличии факта зачисления режим посещения и место уже не имеют значения.

К противоположному выводу в похожей ситуации пришел Верховный суд Республики Тыва. Как отмечается в Апелляционном определении от 17 декабря 2013 г. по делу № 33-1257/2013, «принцип предоставления места в дошкольном учреждении по месту жительства ребенка не закреплён» ни в одном правовом акте, поэтому достаточно того факта, что место в дошкольном образовательном учреждении предоставлено на территории муниципального образования, а не обязательно по месту жительства ребенка. Таким образом, прием в детский сад, не являющийся ближайшим к месту проживания истцов, суд признал правомерным, поскольку гарантия приема в ближайшую образовательную организацию для уровня дошкольного образования (в отличие от общего образования) не закреплена.

Хотелось бы остановиться еще на двух интересных моментах, касающихся первоочередного предоставления мест в дошкольных образовательных организациях.

Суды всегда признают право отдельных категорий граждан на первоочередное зачисление в дошкольные образовательные организации, однако только в том случае, если такое право установлено федеральным законом. Интерес предоставляет дополнительная гарантия, выявленная Верховным судом Республики Тыва в Апелляционном определении от 12 февраля 2014 г. по делу № 33-202/2014 о том, что дети сотрудника полиции имеют право на прием в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации по месту жительства в первоочередном порядке независимо от формы собственности такой организации.

Второй момент связан с гарантиями получения дошкольного образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Как указано в Апелляционном определении Волгоградского областного суда от 20 марта 2014 г. по делу № 33-2942/14, такое право должно быть в обязательном порядке обеспечено утверждением локальных актов образовательной организации, в которых был бы определен порядок приема детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов. В данном решении суд обязал образовательную организацию в месячный срок разработать и утвердить правила приема детей в образовательную организацию дошкольного образования, в том числе детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов.

Другой категорией дел являются иски об освобождении от платы за дошкольное образование и порядок ее компенсации.

Уже давно в судах не оспаривается правомерность взимания платы за присмотр и уход за детьми в дошкольных образовательных организациях. Тем более, что в новом законодательстве деятельность образовательной организации дошкольного образования по присмотру и уходу за детьми выделена в отдельный вид деятельности и даже, как показывает судебная практика, не подлежит лицензированию. Вместе с тем по-прежнему возникают споры отно-

сительно размера платы и освобождения от ее уплаты. Курганский областной суд в Апелляционном определении от 29 апреля 2014 г. по делу № 33-1247/2014 напоминает, что компенсация платы за присмотр и уход за детьми в дошкольной образовательной организации носит характер льготы, следовательно, законодатель вправе определить порядок ее назначения и выплаты. Установленный порядок, согласно которому компенсация предоставляется только лицам, оплатившим услугу, не противоречит законодательству. Также суд отмечает, что закон об образовании оставляет на усмотрение учредителя и не устанавливает определенных параметров и каких-либо ограничений в регулировании учредителем образовательной организации вопросов установления родительской платы, за исключением запрета на включение в родительскую плату расходов на реализацию образовательной программы дошкольного образования, а также расходов на содержание недвижимого имущества данных образовательных организаций.

До 1 сентября 2013 года за содержание в дошкольном образовательном учреждении ребенка, оставшегося без попечения родителей и переданного под опеку, взималась родительская плата с опекуна, являющегося законным представителем ребенка, оставшегося без попечения родителей. По новому законодательству за присмотр и уход за детьми-инвалидами, детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а также за детьми с туберкулезной интоксикацией, обучающимися в государственных и муниципальных образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, родительская плата не взимается. Однако данный закон не может применяться к отношениям, возникшим до его вступления в силу. В частности, возврат средств, уплаченных в счет содержания детей в дошкольных образовательных организациях, лицам, которые по новому закону освобождены от такой оплаты, не предусмотрен.

Так, в Постановлении № 16-П от 16 ноября 2004 г. Конституционный Суд РФ [9] установил, что в соответствии с законодательством РФ граждане имеют право на

получение основного общего образования на родном языке. Они могут выбирать язык обучения, но в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. В республиках в составе РФ, имеющих наряду с русским свой государственный язык, изучение предметов в образовательном учреждении может вестись в равном объеме на двух государственных языках (если их два, из чего исходил Конституционный Суд РФ), это не противоречит Конституции.

В Определении от 22 мая 1996 года № 69-О [10] Конституционный Суд РФ установил, что государство гарантирует гражданам получение на конкурсной основе бесплатного высшего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных общеобразовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые. Право на образование, являясь одним из основных и неотъемлемых конституционных прав, может быть реализовано гражданином в различных формах и после получения бесплатного образования, но уже без обязательной гарантии бесплатности.

Таким образом, если ранее обращения в суд за защитой права на образование и прав в образовательном процессе были единичными, то за последнее десятилетие сформировалась обширная судебная практика. Причем статистика свидетельствует

об устойчивой тенденции к увеличению количества таких обращений, что, с одной стороны, демонстрирует возросшую активность граждан в отношении восстановления своих нарушенных прав, а с другой – обращает внимание на несовершенство законодательства в области образования. Среди главных проблем образовательного законодательства можно выделить пробелы и противоречия, приводящие к нарушению или ограничению прав граждан на образование, а в ряде случаев затрудняющие защиту нарушенных прав посредством судебной процедуры. Прослеживается недостаточная правовая регламентация механизма реализации права на образование, процессуального и дисциплинарного аспектов в образовательной деятельности, не установлены формы ответственности и санкции за нарушение прав участников образовательного процесса, сохраняется коллизия с нормами иных отраслей законодательства.

Кроме того, несовершенство правового механизма препятствует реализации ряда законодательных норм, соответствующих международным стандартам, и создает ситуацию, в которой осуществление одних прав неизбежно влечет за собой ограничение других. Все это не только приводит к нарушению прав лиц в сфере образования, но и затрудняет принятие адекватных мер реагирования надзорными органами, а также судебную защиту прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Зорькин В. Д. Стандарт справедливости / В. Д. Зорькин // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2007. – 8 июня.
3. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ № 314 от 9 марта 2004 г. (в ред. Указа Президента РФ № 1445 от 07.10.2008) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. О создании федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2010 года № 500-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 15, ст. 1811.
5. Об организационно-штатных мероприятиях по созданию Санкт-Петербургского военного института внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 24.03.2000 № 013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. О премиях Министерства внутренних дел Российской Федерации в области литературы и

искусства, в области науки и техники : приказ МВД России от 12.12.2011 № 1223 (ред. от 06.05.2013) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 30 июня 2014 г. по делу № 33-3118/14 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 16 мая 2014 г. по делу № 33-4723/2014 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

9. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан : постановление Конституционного Суда РФ № 16-П от 16 ноября 2004 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицулина Алексея Юрьевича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : определение от 22 мая 1996 г. № 69-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

© Шамсутдинова Д.В., 2015

Статья получена: 18.02.2015

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / под ред. к.ю.н., доцента М. Р. Гарафутдинова. — Казань : КЮИ МВД России, 2014. — 271 с.

В курсе лекций излагается материал для изучения основных положений Особенной части уголовного права. По каждой из тем представлены материалы судебно-следственной практики, что повышает практическую направленность учебного пособия. Соответствует требованиям государственного стандарта высшего профессионального образования.

Предназначено для курсантов и слушателей Казанского юридического института МВД России.

Д.Д. Невирко

В.Е. Шинкевич

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ

Статья посвящена анализу использования возможностей социологического исследования при оценке наркоситуации в конкретном регионе в формате мониторинга данной социальной проблемы. Основное внимание уделено раскрытию опыта организации социологического исследования, практике проведения опроса населения по оценке состояния незаконного распространения наркотических и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркоситуация, мониторинг наркоситуации, уровень наркопотребления, здоровый образ жизни.

Несмотря на усилия, принимаемые обществом, его специализированными институтами, угроза распространения наркомании, наркотизации населения многими гражданами по-прежнему осознана недостаточно [1]. Одной из первоочередных основных задач Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года определены «разработка и внедрение государственной системы мониторинга наркоситуации в Российской Федерации» [2]. В контексте реализации данной задачи принято постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации» [3], а также разработаны и утверждены Государственным антинаркотическим комитетом с учетом требований подпункта «г» пункта 6 Указа Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» [4] методика и порядок осуществления мониторинга [5].

Первый опыт мониторинговых исследований наркоситуации, как в масштабе России, так и в отдельном регионе [6], показал, что основные трудности проведения подобных исследований связаны не с их методическим обеспечением, а с организационной стороной.

Всесторонний анализ специальной литературы позволяет говорить о том, что понятие «мониторинг» не имеет однозначного толкования, что обусловлено во многом его использованием в различных отраслях науки и практики. Так, для некоторых явлений, например экологических систем, достаточно лишь наблюдения с целью предположения возможного сценария развития в будущем (наблюдение за природными явлениями и составление прогноза погоды). Вместе с тем для социально-экономических систем только наблюдения недостаточно. В ходе эволюции содержания мониторинга как особого способа организации изучения объективной реальности происходит переход его из объективно-пассивного процесса в субъективно-активный. Речь идет о том,

что первоначально применение мониторинга не предполагало прямого вмешательства субъекта, так как мониторинг воспринимался и характеризовался лишь как специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов с целью их оценки, прогноза их будущего состояния. Позднее он стал рассматриваться как необходимое информационное обеспечение процесса принятия управленческих решений, обеспечивающих в том числе коррекцию условий, детерминирующих функционирование и развитие объекта, а также определенных параметров «входа» и «выхода» данного объекта.

Мониторинг наркоситуации имеет активный характер, поскольку ориентирован на создание информационной основы влияния на ее состояние и динамику. Активная роль мониторинга наркоситуации как социального явления обоснована и связана с тем, что на каждом этапе ее проявления существуют не только положительные, но и отрицательные тенденции, факторы внутреннего и внешнего воздействия, которые только выявить и классифицировать недостаточно. В процессе проведения мониторинга появляется возможность на основе обобщения информации выработать адекватное представление о состоянии, векторах и динамике развития наркоситуации, ее детерминантах и на этой основе разработать управленческие решения, реализация которых позволит ограничить или полностью предотвратить отрицательное воздействие, а также усилить действие благоприятных факторов и условий.

В классическом варианте мониторинг социальных явлений, в том числе и состояния наркоситуации, предполагает комплексное изучение трех видов информации: статистических сведений, экспертных оценок специализированных ведомств и организаций и результатов социологических исследований.

При несомненной значимости всех трех составляющих мониторинга единственным методом получения актуальной информации (при условии соблюдения правил определения выборочной совокупности и проведения процедуры опроса респондентов) о распространенности наркотиков в обществе

является социологический опрос населения.

Если, например, в образовательной организации, производственном коллективе руководитель (или иное лицо, призванное заниматься воспитательной, социальной работой) легко определяет среди лиц, с которыми сталкивается в деятельности, людей с поведенческими нарушениями, то определить социальные группы с максимальным риском наркопотребления на территории региона, субъекта Федерации или в ее масштабе – довольно сложная и затратная задача. Единственным исследовательским методом, с помощью которого можно решить эту задачу, является социологический опрос.

Вместе с тем именно с проведением социологических опросов связана подавляющая часть организационных и финансовых затрат при осуществлении мониторинга наркоситуации, а достоверность получаемых в ходе опроса данных напрямую зависит от точности исполнения методических требований и добросовестности организаторов социологических опросов и непосредственно исполнителей.

Как показывает анализ подаваемой в документах информации («по результатам опросов», «из числа респондентов»), содержащей анализ той или иной наркотической ситуации, многие из них составляются на основании не статистической информации, а именно социологических опросов. Более того, иногда в научных публикациях встречаются суждения, в которых сам мониторинг воспринимается как проведение социологических исследований [7].

В целом полностью поддерживая значимость единой методологии и унифицированных методик по организации мониторинговых исследований, в том числе при формировании инструментария социологических опросов (это позволяет выявлять некоторые общие тенденции наркоситуации в стране, а применительно к мировому сообществу – в глобальном масштабе современного социума), полагаем необходимым указать, что при организации как мониторинга в целом, так и социологических исследований, проводимых в его контексте, не теряет ценности учет региональных, демографи-

ческих, национальных и некоторых других особенностей, характерных для отдельных регионов. Это связано прежде всего с тем, что в различных регионах группы «риска» значительно отличаются друг от друга как по количественным, так и по качественным характеристикам: по объемам и по видам используемых веществ, по причинам и месту приобщения к наркотикам, по полу и возрасту и т.д. Кто, как не конкретные регионы, непосредственно сталкиваются с наркопроблемой, кому, как не им, в первой инстанции непосредственно предстоит противостоять наркоугрозе.

В рамках данной статьи мы остановимся на некоторых вопросах организации социологических исследований наркоситуации в конкретном регионе на примере Красноярского края, организованных и проведенных сотрудниками Сибирского юридического института ФСКН России, представим некоторые результаты исследования и основные рекомендации по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ применительно к конкретному российскому региону – Красноярскому краю. Исследования проводились в 2012–2014 гг. [8], однако первый опыт подобной работы был приобретен авторским коллективом несколько ранее [9]. Целями социологического исследования в рамках научно-исследовательской работы явилось «выявление и анализ состояния наркоситуации среди учащихся общеобразовательных школ, учреждений профессионального технического образования, студентов высших и средних специальных учебных заведений, а также работающих лиц в возрасте до 35 лет Красноярского края». В целом была предпринята попытка ответить на вопросы о том, как население края оценивает наркоситуацию в регионе, по каким причинам на территории края получили распространение одни наркотики и не получили другие, в каких социальных группах потребление наркотиков максимально и почему, от чего зависит рост или снижение уровня наркопотребления, каково состояние и возможности формирования антинаркотической культуры поведения у молодежи. В качестве итога предполагалось

сформулировать предложения по управленческим решениям о необходимых воздействиях на те или иные социальные группы с целью профилактики и снижения в них уровня наркопотребления. Работа выполнялась в соответствии со служебным заданием и не предусматривала для проведения социологического исследования выделения каких-либо денежных средств. Темы НИР были включены в планы научно-исследовательских работ института, большое значение для организации работы имели энтузиазм исследовательского коллектива, его заинтересованность в адекватной оценке социальной проблемы в регионе и возможных перспективах активного включения в антинаркотическую деятельность, в образовательный процесс по формированию культуры здорового образа жизни у молодежи, в организацию специальной подготовки волонтеров и расширение волонтерского движения.

Уже на первоначальном – подготовительном этапе при составлении программ исследования были выделены следующие взаимосвязанные этапы:

- организационный;
- сбора эмпирических данных;
- обработка и анализ результатов опроса;
- подготовка заключительного отчета и проекта рекомендаций;
- практическая апробация некоторых решений, подготовленных по результатам проведенного исследования (проведение обучающих семинаров с различными субъектами антинаркотической деятельности, обсуждение результатов на научных форумах, на специальных заседаниях антинаркотической комиссии края, межвузовской антинаркотической комиссии, совета ректоров вузов, в Министерстве образования и науки Красноярского края). Необходимость заключительного практического этапа исследования обусловлена возможностью и необходимостью проведения дальнейших исследований проблемы в рамках мониторинга наркоситуации.

Для подготовки исследования с учетом возможностей творческого коллектива и сроков проведения НИР большая работа была проведена в ходе его организационного этапа.

С учетом рекомендаций ведущих ученых-исследователей по определению выборочной совокупности были определены структура, категории, объемы выборки из числа молодежи, подлежащих опросу. Были охвачены практически все категории молодежи: школьники, учащиеся профессиональных училищ, студенты средних специальных и высших учебных заведений, работающая молодежь. Объем выборочной совокупности составил 2500 человек. С учетом специфичности изучаемой проблемы и особого отношения к ней руководителей образовательных и производственных учреждений и организаций (в целом поддерживали необходимость проведения данного специального исследования состояния наркомании, но опасались огласки результатов относительно подчиненных коллективов ввиду возможных санкций от высших органов управления) потребовалось некоторое время на выстраивание в интересах соблюдения сроков и обеспечения процедуры опроса отношений с субъектами системы образования и кадровыми подразделениями производственных коллективов. В ходе этой работы предполагалось найти поддержку и заинтересованность в исследовании субъектов управления, определиться с ответственными за взаимодействие при проведении опросов от образовательных и производственных коллективов. Значимость данной работы была, во-первых, обусловлена тем, что изучаемое явление очень латентно и далеко не каждый при опросе может искренне ответить на вопросы специальной анкеты, если почувствует хотя бы в мелочах, что результаты его ответов могут быть идентифицированы с его личностью. Во-вторых, при выборочном, но неорганизованном опросе респондентов относительно сложных общественно неодобряемых социальных процессов среди опрошенных большую часть будут составлять те, кого данная проблема интересует мало, так как они не являются ее носителями. Большинство представителей «группы риска» либо не пойдут на контакт, либо постараются не оказаться в определенном месте в определенный момент времени. Третий момент – это соблюдение фактора времени: сбор эмпирических данных по обе-

спечению объема источников информации не может быть затянутым по времени. Для минимизации проявления негативных факторов при соблюдении случайного отбора респондентов в выборочную совокупность была предложена и осуществлена в дальнейшем гнездовая выборка. Технология опроса предполагала, во-первых, проведение его одновременно со всеми членами коллективов (учебная группа, класс, молодежь бригады, цеха, отдела или другого социально-производственного сообщества хотя бы в пределах школы, факультета, института как структурных подразделений вуза, предприятия, учреждения и т.п.), отобранных по случайному принципу; во-вторых, проведение инструктажа респондентов, раздача и сбор опросных листов исключительно исполнителями НИР – участниками социологического исследования; в-третьих, публичный открытый сбор заполненных анкет, без их какой-либо видимой даже предварительной сортировки (опрашиваемые должны видеть, что их заполненные опросные документы уходят в общий обезличенный массив анкет).

Большое внимание в первый период было уделено составлению опросных листов. В целях возможного дальнейшего сопоставления данных опроса различных категорий молодежи по проблеме исследования практически в каждом пакете анкет были выделены следующие основные блоки вопросов: определение масштабов немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ в молодежной среде с учетом латентной составляющей наркоситуации; анализ факторов социальной среды, способствующих распространению немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ и наркопреступности в целом; анализ спроса и предложения на рынке наркотиков; анализ эффективности деятельности различных субъектов (учебные организации, органы здравоохранения, СМИ, религиозные организации, семьи, органы наркоконтроля, органы внутренних дел и др.) по профилактике немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ. Вместе с тем при составлении инструментария опроса были учтены

особенности опрашиваемых сообществ: школьники, учащиеся профессиональных училищ, студенты средних или высших образовательных организаций, работающая молодежь. Особое внимание было обращено на составление анкет, предназначенных для опроса несовершеннолетних учащихся средних общеобразовательных школ, лицеев и профессиональных училищ: проводились консультации со школьными психологами, медицинскими работниками. В дальнейшем анкеты апробировались на предмет понятности, установления времени продолжительности опроса на небольших совокупностях респондентов. По окончании мероприятий апробации были внесены некоторые коррективы в опросные листы, осуществлялось их тиражирование в необходимом объеме в типографии института. Данная работа в целом соответствовала ранее разработанной авторским коллективом методике изучения общественного мнения [10].

Учитывая значимость взаимодействия с органами управления образованием, вопросы организации опроса были обсуждены на Совете ректоров вузов Красноярского края. С информацией о предстоящем исследовании выступил руководитель НИР – заместитель начальника института по научной работе, который обозначил актуальность, цель, задачи предстоящего исследования, а главное – подробно остановился на процедуре опроса, обрисовал пути совместного сотрудничества при его проведении, обозначил возможный механизм ознакомления ректоров с результатами опроса относительно возглавляемых ими вузов, высказал предложение результаты исследования по его завершении обсудить на одном из заседаний совета ректоров. Для решения организационных вопросов были направлены официальные письма за подписью начальника института на имя соответствующих должностных лиц Министерства образования и науки Красноярского края, Управления образованием г. Красноярска, что позволило в дальнейшем определиться с должностными лицами координаторами проведения исследования в общеобразовательных школах, профессиональных училищах, средних учебных заве-

дениях. Для определения координаторов по опросам работающей молодежи были составлены и направлены письма на предприятия, учреждения и организации. Основным субъектом взаимодействия в этом случае выступили кадровые органы. В течение недели руководителями высших, средних специальных учебных заведений, профтехучилищ, школ были определены координаторы, чьи фамилии были представлены ответственному исполнителю из членов авторского коллектива НИР, установлена связь и намечен план дальнейших совместных действий. Основные задачи координаторов, представителей исследуемых сообществ: определение места, времени опроса, сбор респондентов, обозначенных выборной совокупностью. Неким итогом первого этапа стало составление на основе предложений исследуемых коллективов оптимального графика проведения опроса респондентов (время, место, категории, объем опрашиваемых), определение круга интервьюеров из числа сотрудников института, порядка представления заполненных опросных листов для внесения в базу данных и дальнейшей обработки. Поскольку исследование проводилось как служебное здание, в число интервьюеров вошли сотрудники института – члены авторского коллектива, сотрудники организационно-научного и редакционно-издательского отдела. Продолжительность данного этапа составила около одного месяца.

Проделанная большая работа на первом этапе исследования способствовала оптимальной работе на этапе сбора эмпирических данных. Интервьюеры совместно с кураторами обследуемых коллективов обеспечили проведение опроса в объеме выборочной совокупности и выполнение условий опроса (временной интервал, объем, анонимность, полноту заполнения анкет). После проверки заполненных анкет при необходимости (если количество опрошенных по каким-либо причинам было меньше предусмотренной выборки) проводился дополнительный опрос при соблюдении ранее определенного условия использования при опросе гнездовой выборки. Дополнительно по случайному закону определялись коллективы, где про-

водился сплошной опрос всех его членов. Данный подход обеспечил получение анкет в количестве, определенном выборкой, обозначенной в программе исследования. При определении сроков проведения опроса учитывались периоды, связанные как с загруженностью обучающихся, так и с выполнением ими учебных программ в стенах образовательной организации (максимально исключались периоды сдачи экзаменов и зачетов, написания дипломных работ, нахождения на практике и т.п.). Аналогично выбирался период опроса рабочей молодежи – по согласованию с кадровыми подразделениями. Данный период наиболее трудоемкий, возможна масса нюансов: где-то произошел сбой по времени, где-то своевременно не оповестили респондентов, отобранных для опроса, кто-то не успел вовремя прибыть к месту проведения опроса, где-то произошла «накладка» с расписанием и т.п.

Все анкеты передавались в лабораторию проблем мониторинга наркоситуации для формирования по результатам опроса базы данных для дальнейшей работы с ними специалистов с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS. Не раскрывая всех возможностей обозначенной программы (это все можно найти в ее описании), скажем только, что она позволяет проводить линейный анализ (устанавливать «вес» каждой измеряемой величины), рассчитывать средние величины (среднюю арифметическую, среднюю геометрическую и другие средние, моду, медиану изучаемого явления), величины рассеивания (вариационный размах, коэффициент вариации, среднее квадратическое отклонение, дисперсию и др.), выявить имеющиеся взаимосвязи, реализуемые в форме функциональной связи, причинности, связи состояний, а также проводить корреляционный и факторный анализы в контексте изучаемой проблемы. В дальнейшем одновременная работа с различными показателями позволяет исследователю дать адекватную оценку изучаемому явлению. Так, использование одновременно рассчитанных относительно одного события средней арифметической и дисперсии применительно явлений одного порядка, разне-

сенных в пространстве либо во времени, не позволит относиться к событию, как «к средней температуре по больнице». Проведение факторного и корреляционного анализа позволит выявить проблемные группы, установить с большой вероятностью причины негативного социального явления или процесса. Все эти действия происходят на этапе обработки и анализа результатов опроса.

Необходимо отметить некоторые проблемы, которые могут возникнуть при его реализации. С одной стороны, здесь минимальны организационные издержки, опросные листы уже собраны. С другой – необходимо провести огромную физическую работу по формированию базы данных. В нашем случае анкет было чуть более 2,5 тысяч штук, при небольшом штате лабораторий на ее формирование ушло более двух недель кропотливого, монотонного труда. Далее ответственные исполнители НИР из числа сотрудников кафедры информационных технологий с использованием компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS представили аналитические документы по изучаемой проблеме в виде таблиц, графиков, значений различных коэффициентов связи. Проводить формирование баз данных, осуществлять компьютерную обработку эмпирического материала должны специалисты, хорошо владеющие прежде всего компьютерными технологиями. Аналитическая работа с результатами, полученными после компьютерной обработки, должна осуществляться специалистами в области массовых социальных явлений, в нашем случае лицами, хорошо разбирающимися в социальных, физиологических, медицинских, психологических, экономических, правовых особенностях наркоситуации как общественного явления. На данном этапе работа осуществлялась специалистами в области социологии, медицины, права, психологии – членами авторского коллектива.

Не имея возможности в рамках данной статьи остановиться на конкретных цифрах, полученных в результате опроса населения о состоянии наркоситуации, обратим внимание на некоторых выводах, получен-

ных при анализе результатов эмпирических исследований и основных рекомендациях субъектам антинаркотической деятельности регионов при разработке программ, направленных на противодействие наркоугрозе.

Обозначим некоторые из них:

во-первых, активную антинаркотическую пропаганду и профилактическую деятельность необходимо начинать не позднее 11-летнего возраста для существенного перспективного снижения спроса на наркотики у учащихся старших возрастов;

во-вторых, профилактическая работа должна проводиться в организованных учебных коллективах, что позволит применить большинство эффективных технологий до поступления молодого человека на работу;

в-третьих, работникам образовательных организаций, ответственным за антинаркотическую деятельность, необходимо планировать проведение мероприятий соответствующей направленности с лицами ближайшего окружения обучаемых;

в-четвертых, необходимо формировать, стимулировать развитие и обеспечивать поддержку деятельности волонтерского антинаркотического движения для вовлечения большинства подростков и молодежи в качестве активных участников профилактической деятельности;

в-пятых, предпочтение в работе с подростками и молодежью следует отдавать высокоэффективным тренинговым эмоционально насыщенным технологиям;

в-шестых, необходимо обеспечить возможность проведения социального позитивного досуга для всех категорий обучаемых и рабочей молодежи.

По результатам социологического исследования была предложена система профилактики наркопотребления в образовательных организациях, включающая ряд основополагающих элементов:

1) социологический мониторинг образовательной среды. Основными субъектами

антинаркотической деятельности по реализации данного направления, на наш взгляд, могут выступить антинаркотическая комиссия, органы управления образованием субъекта Федерации;

2) создание межобразовательной комиссии по антинаркотической работе. Субъекты реализации – органы управления образованием субъекта Федерации;

3) внедрение унифицированных профилактических программ обучения как руководителей, так и исполнителей. Субъекты реализации – органы управления образованием субъекта Федерации;

4) развитие антинаркотического направления волонтерского движения. Субъекты реализации – органы управления здравоохранением, спортом, туризмом и молодежной политикой региона, территориальные органы наркоконтроля.

Данная система, на наш взгляд, может успешно использоваться как в школах, образовательных организациях начального, среднего и высшего профессионального образования, так и среди работающего населения.

Важные особенности предложенной системы – это объединение усилий образовательных организаций, обеспечение саморазвития профилактической программы, формирование антинаркотического направления волонтерского движения. В перспективе реализация вышеуказанных положений и элементов в течение 3–4 лет позволит вовлечь в профилактическую программу более половины основной целевой группы как активных участников и тем самым обеспечить положительное влияние на ситуацию с употреблением психоактивных веществ в целом. Все это будет способствовать формированию позитивных тенденций стабилизации и улучшению наркоситуации в молодежном сообществе как отдельного региона, так и России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков Б. Л. Наркотизация общества как угроза российской государственности (философско-политологический анализ) / Б. Л. Беляков. – М. : МосАП, 2014.
2. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020

года : утв. Указом Президента РФ от 09.06.2010 № 690 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Положение о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации : утв. постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 26, ст. 3808.

4. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : указ Президента РФ от 18.10.2007 № 1374. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (первый пересмотр) : утв. п. 3.1 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета от 18.12.2012 № 18.

6. См.: Комлев Ю. Ю. Тенденции наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане / Ю. Ю. Комлев. – Казань, 2006; Мониторинг наркоситуации и профилактика наркопотребления в молодежной среде Красноярского края : отчет о НИР (заключ.) / СибЮИ ФСКН России ; научн. рук. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. № ГР 012012511736. Инв. № 02201262934. – Красноярск, 2012; Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркомании в вузах Красноярского края / Д. Д. Невирко, В. Е. Шинкевич, Т. В. Коробицина // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 109–113; Невирко Д. Д., Коробицина Т. В., Шинкевич В. Е. Методология и методика мониторинговых исследований наркоситуации в студенческой среде и профилактика наркопотребления / Д. Д. Невирко, Т. В. Коробицина, В. Е. Шинкевич ; отв. ред. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2011; Мнение населения о развитии наркоситуации в субъектах российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа : заключительный отчет по теме НИР 51, № гос. ред. 01201453213 / научн. рук. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. – Красноярск, СибЮИ ФСКН России, 2014. и др.

7. См., напр.: Рущенко И. П., Сердюк А. А. Социологический мониторинг употребления психоактивных веществ в молодежной среде / И. П. Рущенко, А. А. Сердюк // Профилактика наркомании: организационные и методические аспекты : итоговые материалы международного проекта / сост. И. П. Рущенко. – Харьков : Финарт, 2002. – С. 93–101.

8. См.: Мониторинг наркоситуации и профилактика наркопотребления в молодежной среде Красноярского края : отчет о НИР (заключ.) / СибЮИ ФСКН России; научн. рук. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. № ГР 012012511736. Инв. № 02201262934. – Красноярск, 2012; Мнение населения о развитии наркоситуации в субъектах российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа : заключительный отчет по теме НИР 51, № гос. ред. 01201453213 / научн. рук. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. – Красноярск, СибЮИ ФСКН России, 2014.

9. См.: Мониторинг состояния наркоситуации и профилактика наркопотребления в вузах Красноярского края : отчет о НИР (заключ.) / СибЮИ МВД России ; научн. рук. д.с.н., проф. Д. Д. Невирко. № ГР 04117911. Инв. № 03109597. – Красноярск, 2010.

10. Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е., Горбач Н. А. Организация и методика научного исследования, рекомендации по оформлению его результатов : учебно-практическое пособие / Д. Д. Невирко, В. Е. Шинкевич, Н. А. Горбач. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010.

© Невирко Д.Д., 2015

© Шинкевич В.Е., 2015

Статья получена: 29.01.2015

УДК 343.451

М.А. Ефремова

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАЙНЫ
ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ,
ТЕЛЕГРАФНЫХ ИЛИ ИНЫХ СООБЩЕНИЙ**

Анализируется правовая природа института тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений. Рассматриваются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусматривающего ответственность за посяательства на неприкосновенность тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений.

Ключевые слова: тайна, безопасность, информация, неприкосновенность, уголовная ответственность.

В современном развивающемся российском информационном обществе все актуальнее становится вопрос обеспечения информационной безопасности личности. Конституция Российской Федерации гарантирует, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» (ст. 23). С ростом числа пользователей социальных сетей, абонентов мобильной связи как никогда остро встал вопрос о неприкосновенности тайны связи.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» под тайной связи понимается тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, не подлежащая разглашению без согласия пользователя услуг почтовой связи. А в соответствии со ст. 53 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются информацией ограниченного доступа и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации. В соответствии со ст. 63 этого же закона

на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Операторы связи обязаны обеспечить соблюдение тайны связи.

Суть формирования института тайны, по мнению А.А. Фатьянова, заключается в создании условий, исключающих возможность получения информации, передаваемой по каналам связи, любыми третьими лицами, в том числе операторами связи [1].

Рассматривая категорию тайны связи, нельзя не затронуть вопрос о ее природе. И.Л. Петрухин, рассматривая право на частную жизнь как совокупность гарантированных государством тайн, выделял тайны личные – «никому не доверенные» и тайны профессиональные – «доверенные представителям определенных профессий для защиты прав и законных интересов граждан», относит к категории личных тайн и тайну почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных переговоров. Он отмечает, что клиент доверяет почте и телеграфу не само содержание корреспонденции и разговоров по телефону, а лишь пересылку корреспонденции (без ознакомления с нею) или техническое обеспечение телефонных переговоров (без их прослушивания) [2].

А.А. Рожнов не согласен с такой точкой зрения и подвергает критике суждения И.Л. Петрухина. В частности, он отмечает, что

едва ли можно признать профессиональной тайной информацию, доверенную соответствующим представителям определенных профессий [3]. И в этом его следует поддерживать, так как такая информация может быть не только доверена, но и стать известной иным способом, но в связи с исполнением лицом своих профессиональных обязанностей. Кроме того, А.А. Рожнов утверждает, что передаваемая корреспонденция может быть не только запечатанной и закрытой, но и открытой (например, телеграммы, сообщения по телефаксу, открытки) и ввиду этого ознакомление почтовых работников с содержанием такой корреспонденции становится неизбежным. Конфиденциальным следует считать и сам факт отправления или получения корреспонденции. По указанным причинам тайну связи следует считать разновидностью профессиональной тайны [3].

И.В. Смолькова, также критикуя позицию И.Л. Петрухина, говорит о том, что граждане доверяют свою переписку и содержание телефонного разговора работникам указанных учреждений и при этом не должны опасаться преследования за свою откровенность [4], потому как эти сведения составляют профессиональную тайну данных работников.

Полагаем, что с приведенными доводами можно согласиться лишь отчасти. Тайна связи может быть отнесена к категории профессиональной тайны лишь в части взаимоотношений лица и оператора связи (сведения об абоненте, необходимые для заключения договора, сведения об оказываемых услугах, факте обращения за той или иной услугой и т.д.). Что же касается содержания самой корреспонденции, то такие сведения, по нашему мнению, не относятся к тайне связи. Содержание отправляемой, передаваемой, получаемой корреспонденции, телефонных звонков является личной тайной, право на неприкосновенность которой гарантировано Конституцией Российской Федерации.

Диспозиция ст. 138 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан.

Данное преступление является специаль-

ным видом нарушения неприкосновенности частной жизни. Право человека на частную жизнь – это также его право на конфиденциальное общение с другими людьми через посредство почты и телеграфа [2, с. 13].

Как уже отмечалось, в ч. 2 ст. 23 Конституции говорится, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В то же время уголовная ответственность наступает за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан. Получается, что потерпевшими могут выступать лишь граждане Российской Федерации. А в случае совершения данного преступления в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства уголовная ответственность не наступает.

Д.В. Бушков полагает, что в ст. 138 УК РФ попросту перечислены способы, посредством которых происходит передача сообщений. Все в совокупности они образуют личную корреспонденцию, под которой предложено понимать юридически охраняемые сведения конфиденциального характера, опосредованно передаваемые частными лицами друг другу через использование любого способа передачи информации. В качестве таких способов передачи информации могут выступать: переписка, телефонные переговоры, почтовые сообщения, телеграфные сообщения, иные сообщения (передаваемые по электронной почте, пейджинговой связи, SMS- и ICQ-сообщения и прочие) [5].

Объективная сторона этого преступления характеризуется нарушением тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений. Она имеет место в случае незаконного ознакомления с перепиской, почтовыми и телеграфными сообщениями, прослушивания чужих переговоров, а также ознакомления с информацией, поступившей по телетайпу, телефаксу и другим телекоммуникациям. Законодатель дает не исчерпывающий перечень способов посяательства.

Нарушение тайны переписки, переговоров и иных сообщений имеет место в случае, когда корреспонденция становится достоянием других лиц без согласия адресата.

Законными случаями ознакомления с перепиской граждан являются случаи, когда корреспонденция изымается в связи с расследованием уголовного дела в целях раскрытия совершенного преступления, обнаружения или задержания преступника. Такое изъятие (выемка) корреспонденции производится лишь с санкции прокурора либо по определению или постановлению суда.

Согласно Федеральному закону от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к стационарной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. При этом запрещается проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то вышеназванным Федеральным законом физическими и юридическими лицами.

В связи с этим С.М. Паршин отмечает, что законодателю необходимо включить в диспозицию ст. 138 УК РФ указание на незаконность действий по нарушению тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений [6]. Мы же полагаем, что законодательством предусмотрен исчерпывающий перечень случаев, когда названные действия осуществляются на законном основании. Поэтому специальное указание на незаконность таких действий будет избыточным.

Преступление следует считать оконченным с момента незаконного ознакомления с содержанием телефонного разговора, письма, телеграфного, почтового или иного сообщения (при получении информации незаконным способом), а также с момента сообщения сведений, полученных законным путем другим лицам.

Субъектом этого преступления является лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста.

Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом.

Как нарушение тайны переписки были квалифицированы действия К., которая, находясь у ограды частного дома, на земле рядом с газетами обнаружила конверт с письмом, ей не адресованным. Затем она подобрала с земли конверт с письмом и, придя к себе домой, вскрыла конверт, незаконно получив доступ к содержанию переписки [7].

Примеры, подобные вышеприведенному, все реже и реже встречаются в судебной практике. Преимущественно умысел преступников направлен на ознакомление с перепиской в социальных сетях и посредством электронной почты. Так, М., используя свой персональный компьютер, осуществил соединение с Интернет-ресурсом «Одноклассники» и с помощью компьютерной программы «Multi password recovery», предназначенной для подбора паролей, подобрал пароль к странице, принадлежащей Ш. Затем он ознакомился с содержанием переписки, находящейся на странице Ш. Интернет-ресурса «Одноклассники», а именно переданными и полученными Ш. электронными сообщениями [8].

По ст. 137 УК РФ был привлечен к уголовной ответственности Г., который, используя свой персональный компьютер с доступом к сети Интернет, подобрал пароль и осуществил доступ к электронному почтовому ящику, зарегистрированному на З. Затем он ознакомился с входящими и отправленными электронными сообщениями З., полученными им на электронный почтовый ящик и отправленными им с электронного почтового ящика. В результате незаконного доступа к электронному почтовому ящику Г. получил данные о пароле доступа

к нескольким сайтам и разместил на них информацию, компрометирующую деловую репутацию З. [9].

Ч. 2 ст. 137 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, совершенное специальным субъектом – лицом, с использованием своего служебного положения. По ч. 2 ст. 138 УК РФ была осуждена Я., которая надлежащим образом взявшая на себя обязательство о сохранении конфиденциальной информации, ставшей ей известной в процессе выполнения трудовых обязанностей, используя свое служебное положение старшего специалиста группы по работе с крупным бизнесом отдела по работе с ключевыми клиентами Филиала ОАО «МТС» «Макро-регион «Урал», по просьбе

своего знакомого Н., имея доступ к информационным системам Филиала ОАО «МТС», сделала запрос посредством автоматизированной системы расчетов «Foris» и получила протокол (детализацию) соединений за определенный период времени по абонентскому номеру, ей не принадлежавшему. Номер был зарегистрирован на С., но фактически находился в пользовании П., после чего виновная сообщила сведения о звонках с этого номера своему знакомому Н., который не являлся представителем С. и П. [10].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что тайна связи является сложным правовым институтом. С одной стороны, воплощая в себе черты тайны профессиональной, а с другой – реализацией права на неприкосновенность частной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатьянов А. А. Тайна и право / А. А. Фатьянов. – М. : МИФИ, 1998. – С. 34.
2. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М. : Институт государства и права, 1998. – С. 16.
3. Рожнов А. А. Уголовно-правовая охрана профессиональной тайны : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Рожнов. – Ульяновск, 2002. – С. 24.
4. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И. В. Смолькова. – М. : Луч, 1999. – С. 97.
5. Бушков Д. В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Бушков. – Ставрополь, 2003. – С. 12–13.
6. Паршин С. М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Паршин. – Нижний Новгород, 2006. – С. 146.
7. Приговор Мирового судьи судебного участка № 2 г. Бийска Алтайского края по делу № 1-54/2014 от 29.07.2014 г. URL: rospravosudie.com (дата обращения 01.10.2014 г.).
8. Решение по уголовному делу Мирового судьи судебного участка № 37 г. Нерюнгри Республики Саха (Якутия) от 23.12.2013 г. URL: rospravosudie.com (дата обращения 01.10.2014 г.).
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 70 Ленинского района г. Кирова по делу № 70/1-14/13 (60247/2012) от 01.03.2013 г.
10. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 16.06.2011 г. URL: rospravosudie.com (дата обращения 01.10.2014 г.).

© Ефремова М.А., 2015

Статья получена: 04.02.2015

ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье автор проводит анализ развития ситуации по линии противодействия экстремистской угрозе в нашей стране; рассматривает отдельные причины, обусловившие эволюционирование экстремизма в России; анализирует современную ситуацию и делает на основе указанного анализа соответствующие предложения.

Ключевые слова: экстремизм, организованная преступность, экстремистские объединения, банды, современная ситуация.

В России ситуация по линии противодействия экстремизму складывается парадоксальная. В ноябре 2014 года на заседании Совета Безопасности рассматривался проект Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года и Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении подчеркнул опасность самой природы экстремизма, разрушительный потенциал его идеологии, указал на то, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния. Указанное свидетельствует о том, что на государственном уровне имеет место четкое понимание истинной природы и сущности экстремизма, а также степени его угрозы для России. Несмотря на это, а также на имеющиеся многочисленные научные разработки, посвященные исследованию экстремизма как негативного социального явления в нашей стране, законодательного определения (как и комплексного междисциплинарного подхода к определению) понятия «экстремизм» до сих пор не существует.

Само по себе отсутствие законодательно закрепленного понятия «экстремизм» не исключает возможность противодействия данному явлению, однако норм, адекватно отражающих сущность экстремизма, в российском законодательстве на современном этапе, увы, нет.

Обратившись к российскому законодательству, мы увидим, что в различных нормативных актах (в Федеральном законе «О

противодействии экстремистской деятельности», конкретных составах особенной части УК РФ и административного кодекса РФ) понятие «экстремизм» определяется через понятие «экстремистская деятельность». При этом в положениях данных актов в части раскрытия понятия экстремистская деятельность имеют место серьезные разночтения.

Большая часть преступлений экстремистской направленности вовсе не индивидуальна, а образована от иных преступлений путем их отягощения специальным мотивом (который выступает главным квалифицирующим признаком). Это во многом усугубляет и без того сложную ситуацию по линии противодействия экстремизму, поскольку установление, документирование и доказывание мотивации на практике всегда было и на сегодняшний день продолжает оставаться сопряженным с рядом проблем.

Указанное несовершенство нормативной базы, с одной стороны, лишний раз доказывает, что законодательное определение экстремизма, объективно отражающее его сущность, до конца еще не состоялось, а с другой – обуславливает вот уже на протяжении десяти лет серьезные проблемы в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности, порождает прецедентность, в частности при вынесении судебных решений по делам о таких преступлениях.

Между тем на территории России еже-

годно отмечается рост преступлений экстремистской направленности. На сегодняшний момент практически во всех субъектах Российской Федерации проявился полный спектр экстремистских угроз. При этом каждое шестое экстремистское преступление является организованным [1].

По информации ГУПЭ МВД России, в большинстве субъектов Российской Федерации активно действуют экстремистские объединения разной степени организованности: международные экстремистские организации, экстремистские сообщества, организованные преступные группы.

Так, в настоящее время в Российской Федерации действует порядка 25 организации националистического толка, насчитывающих более 2,5 тыс. человек; около 90 исламистских, в первую очередь «салафитских», ячеек и групп, которые функционируют в 35 субъектах Российской Федерации (преимущественно в Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах); порядка десяти крупных религиозных сект, имеющих финансовую поддержку из-за рубежа, а в целом более 500 различных псевдорелигиозных объединений, в том числе тоталитарных, в которые, по приблизительным данным, втянуты более 800 тысяч человек.

Также и на новой российской территории в Республике Крым наблюдается деятельность ряда экстремистских объединений, в частности радикальных исламистских сил. По разным оценкам, здесь насчитывается порядка 10 тысяч приверженцев различных экстремистских организаций.

На этом фоне ежегодно основную массу выявленных и раскрытых преступлений экстремистской направленности составляют преступления против личности, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), важно подчеркнуть – не организованные.

При этом эффективность выявления и раскрытия организованных преступлений экстремистской направленности весьма низкая. Например, по таким преступлениям, как организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), уголовные дела возбуждались и возбуждаются в единичных случаях, по сравнению с общим числом уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений экстремистской направленности.

Между тем экстремизм в нашей стране стремительно эволюционировал, претерпев существенные изменения, он трансформировался в форму организованной преступности.

В числе тенденций экстремизма, существенно повышающих уровень его общественной опасности и потому наиболее важных для учета в рамках организации и тактики оперативно-розыскного противодействия ему, на современном этапе выступает взаимосвязь (сращивание) объединений экстремистской направленности с общеуголовной преступной средой (в частности организованной) в лице преступных объединений общеуголовной направленности преступной деятельности.

Нами посредством изучения материалов оперативно-розыскной деятельности, приговоров суда по делам о преступлениях экстремистской направленности (Автором были изучены материалы судебно-следственной практики (в частности выборочно проанализировано (за период с 2009 по 2013 гг.) 350 уголовных дел и приговоры суда, 210 обвинительных заключений) и оперативно-розыскной деятельности (365 дел оперативного учета по рассматриваемой проблеме, спецсообщения, информационно-аналитические материалы, справки), а также опроса оперативных сотрудников, специализирующихся на выявлении и раскрытии указанных преступлений (с использованием разработанного автором инструментария в ходе проведения исследования в несколько этапов в 2007, 2009, 2010, 2011 и 2012 годах были проведены опросы оперативных сотрудников подразделений по противодей-

ствию экстремизму. В результате опрошено свыше 350 сотрудников из Владимирской, Кемеровской, Кировской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Ростовской, Самарской, Свердловской, Ульяновской, Челябинской областей, Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Алтайского, Забайкальского, Красноярского и Краснодарского края, Республик Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Карелия, Татарстан, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Чувашской и Чеченской Республик), определены основные формы такой взаимосвязи, а именно:

- преступные радикальные группировки, совершающие противоправные деяния экстремистской направленности являются «кузницей кадров» будущих банд. На современном этапе массово развивается и обратный процесс: участники банд становятся членами экстремистских объединений. Такая форма взаимосвязи встречается «часто» («Часто» здесь два и более раз) в 18% изученных случаев;

- банду образует костяк или простая совокупность участников экстремистского объединения. Эта форма взаимосвязи проявляется «единично» в 18% изученных случаев и «часто» – в 13%;

- отдельные преступные объединения общеуголовной направленности выступают в качестве наемников крупных экстремистских объединений;

- экстремистское объединение изменяет базовое направление своей деятельности и на постоянной основе совершает корыстно-насильственные преступления;

- экстремистское объединение совершает вооруженные бандитские нападения на граждан и организации в целях самофинансирования. Эта форма взаимосвязи встречается «единично» в 13% изученных случаев и в 45% – «часто» (здесь 25% – это часто выявляемые случаи совершения бандитских нападений). Наряду с этим установлено, что в общей массе экстремистских формирований бандитские нападения чаще всего (62%) совершают религиозные и националистические группировки (скинхеды и др.);

- экстремистское объединение наряду с преступлениями экстремистской направленности совершает вооруженные бандитские нападения на граждан и организации, однако бандитские нападения не являются источником самофинансирования (формы, где не проставлено процентное соотношение, были выделены на основе изучения приговоров суда позднее исследования, проведенного с участием экспертов);

- преступные объединения, позиционирующие себя как экстремистские, прикрываясь идеологией, совершают бандитские нападения на граждан и организации. Эта форма взаимосвязи встречается «часто» в 27% изученных случаев (преимущественно в Северо-Кавказском федеральном округе);

- преступные объединения общеуголовной направленности берут на вооружение экстремистские «методы» в целях совершенствования организации своей противоправной деятельности, а также в целях противодействия раскрытию их преступлений;

- экстремистские объединения перенимали криминальный опыт у организованных преступных групп общеуголовной направленности;

- субъекты общеуголовной криминальной среды, в частности участники банд и иных преступных объединений, и экстремистское объединение «сотрудничают» на «договорной основе» на взаимовыгодных условиях, не объединяясь организационно. В 20% изученных случаев банда взаимодействовала с другими криминальными объединениями для решения разного рода задач;

- совместное участие с организованными преступными группами общеуголовной направленности в различных видах транснационального преступного промысла. Ряд экстремистских объединений, в частности, это характерно для Кавказского и Среднеазиатского приграничных районов России, взаимодействуя с организованными преступными группами общеуголовной направленности (как российскими, так и зарубежными), становятся соучастниками таких видов транснационального преступного промысла, как нелегальная торговля потребительскими импортными товарами, вы-

могательство, незаконный вывоз из России сырья, энергоносителей, цветных металлов и других природных ресурсов, незаконный оборот оружия и наркотиков;

- субъекты общеуголовной криминальной среды, в частности участники банд и иных преступных объединений, и экстремистское формирование объединяются в единое преступное формирование под единым руководством (Указанную особенность современного бандитизма, а именно, факт вхождения некоторых банд в состав более крупных преступных формирований в качестве одного из структурных подразделений особо отметили в своем исследовании Т.А. Пособина и Д.А. Корецкий) [2]. Так, в 25% изученных случаев банда входила в состав других преступных формирований в качестве структурной единицы.

В результате исследования автором установлено, что на современном этапе бандитизм выступает в качестве:

- базовой преступной деятельности экстремистских объединений,
- преступной деятельности, осуществляемой в целях финансирования таких объединений,
- побочной преступной деятельности членов указанных объединений, совершаемой в целях сплочения коллектива или его тренировок.

Проведенный автором ретроспективный анализ показал, что указанное отнюдь не случайно, поскольку именно бандитизм является историческим прототипом отдельных форм проявления современного экстремизма в России [3].

В заключение отметим, что стремительное развитие тенденции взаимосвязи (сращивания) объединений экстремистской направленности с общеуголовной преступной средой обусловит в ближайшем будущем возникновение мощного преступного конгломерата, устойчивого и трудноуязвимого, аккумулирующего особый криминальный опыт для передачи его последующим поколениям профессиональных преступников. В руках этого конгломерата будут саккумулированы основные виды преступного промысла (в том числе транснационального). В сложившейся ситуации адекватным заслоном со стороны правоохранительной системы надвигающейся угрозе, по мнению автора, будет являться воссоздание в системе МВД подразделения, координирующего оперативно-розыскное противодействие организованной преступности, в которое структурно войдет действующее ныне подразделение по противодействию экстремизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Юрий Чайка предложил серьезно ужесточить уголовную ответственность за разжигание межнациональной и межрелигиозной вражды» // Официальный сайт международного общества «Мемориал» 28.04.2011. URL: www.memo.ru (дата обращения: 11.12.2014).
2. См.: Корецкий Д. А., Пособина Т. А. Современный бандитизм: криминологическая характеристика и меры предупреждения / Д. А. Корецкий, Т. А. Пособина. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
3. См. подробнее: Вайле С. П. Экстремизм в России как политическая форма организованной преступной деятельности : монография / С.П. Вайле. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. – Для служебного пользования. – 7 п.л.

© Вайле С.П., 2015

Статья получена: 18.12.2014

А.Е. Шалагин

Д.Э. Кабиров

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье отражена криминологическая характеристика коррупционной преступности и ее общественная опасность. Показан зарубежный опыт противодействия коррупции. Предложены меры, направленные на предупреждение, минимизацию и пресечение коррупционных преступлений и правонарушений. Сформулированы предложения по совершенствованию антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: коррупция, коррупционер, коррупционная преступность, коррупционное преступление, предупреждение, противодействие коррупции.

Существование коррупции становится возможным с момента появления государства и права. Иными словами, с момента обособления функции управления в общественной и хозяйственной деятельности, в таком случае у должностного лица (управленца) появляется возможность распоряжаться материальными, земельными, людскими и иными ресурсами. Соответственно избранное или назначенное лицо наделяется правом принятия решения по своему усмотрению, которое не всегда корреспондирует с интересами общества и государства.

Слово «коррупция» (от лат. *corruptio*) появляется в нашем лексиконе относительно недавно, но корни этого явления уходят в глубокое прошлое. Несмотря на множество современных толкований, понятие коррупции остается неизменным: это использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения. Еще пророк Исаия за 759 лет до н.э. призывал народ обратить внимание на получение взяток государственными служащими. За обличение царя и его приближенных в пороках и взяточничестве он был перепилен дегревянной пилой между кедровыми досками.

В древности законодатели пытались бороться с коррупцией при помощи жестких мер, но это не искоренило проблему. В кресло, которое по приказу персидского царя Камбиза было обито кожей, снятой с уличенного в подкупе судьи, сидел новый судья, который также брал взятки. Масштабное распространение приобретает коррупция в Древнем Риме. Не помогали ни пламенные речи обличавшего ее Цицерона, ни смертная казнь, которая была установлена за это преступление [1, с. 18].

Политическая коррупция возникает в результате нелегитимного использования господствующей элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти и получения личной выгоды. Как известно, члены сената и магистратуры часто прибегали к подкупу различных слоев римского общества в угоду своим личным корыстным и политическим интересам [2, с. 10].

В морально-этическом плане противодействие коррупции может приравниваться к борьбе с человеческими грехами (пороками) – жадностью, завистью, неумемной жаждой наслаждений, корыстью. Неслучайно Данте в своей «Божественной комедии» по-

местил взяточников в предпоследний (восьмой) круг ада (в котлы с кипящей смолой).

В России при Иване IV была введена смертная казнь за чрезмерность во взятках. При Петре I после долгих разбирательств был изобличен в коррупции и повешен сибирский губернатор, через 3 года четвертовали обер-фискал Нестерова, который изобличал во взяточничестве первого. При Елизавете канцлер Бестужев-Рюмин получал за службу Российской империи 7 тыс. в год, а за услуги британской короне (являясь тайным агентом) 12 тыс. рублей.

Благодаря мздоимству и лихоимству, на Руси появилось множество пословиц и поговорок о взятках и взяточниках. Вот некоторые из них: «Ты мне – я тебе», «Что мне законы, коли судьи знакомы», «Рука руку моет», «Земля любит навоз, лошадь – овес, а воевода – принос», «Дай грош – будешь хорош», «Возьми калачи – только дело не волочи», «С кого судья взял – тот и прав стал», «Казна на поживу дана», «Не ходи в суд с одним носом, а ходи с приносом», «Когда карман сух, тогда и суд глух» и др.

Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» стал первым актом Советской России, предусматривающим уголовную ответственность за взятки. В числе наказаний за подобные нарушения закона были лишение свободы на срок не менее 5 лет, с принудительными работами и конфискацией имущества. В последующем взяточничество было приравнено к контрреволюционной деятельности, за что мог быть назначен и расстрел. Так, в 1929 г., ввиду раскулачивания взяточничество распространилось от города до деревни. В связи с чем пленум Верховного суда определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, т.е. всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки».

В 70–80-е годы XX столетия с нарастающим дефицита товаров коррупция пустила глубокие корни в сфере торговли. Престижными становятся профессии грузчиков, рубщиков мяса, ценилось знакомство с работниками торговли. Параллельно этому в преступном мире существовали спекулянты, фармазонщики, валютчики и другие криминальные профессии. Но истинно гло-

бальных масштабов коррупция достигает на рубеже XX–XXI столетия.

Коррупция – социальное явление, характеризующееся подкупом (продажностью) государственных и иных служащих, принятием ими материальных и нематериальных благ и преимуществ за деяния, которые могут быть выполнены с использованием их официального статуса, авторитета, возможностей, связей.

Коррупция многолика и разнообразна. В зависимости от степени общественной опасности выделяют:

- коррупционно опасное поведение;
- коррупционный проступок;
- коррупционное правонарушение;
- коррупционное преступление.

По статусу субъектов:

- коррупция в органах государственной власти;
- политическая коррупция;
- коррупция в органах местного самоуправления;
- коррупция в частном секторе экономики.

В зависимости от уровня распространения:

- бытовая коррупция;
- деловая коррупция;
- коррупция в сфере государственной власти (от низших до высших эшелонов власти).

По степени централизации коррупционных отношений:

- централизованная (взятки от нижестоящих чиновников передаются вышестоящим);
- децентрализованная (каждый взяткодатель действует по собственной инициативе).

По степени регулярности коррупционных отношений:

- эпизодическая коррупция;
- систематическая (институциональная);
- клептократическая (коррупция как неотъемлемый элемент властных отношений) [3, с. 18–19].

Отличительная черта коррупционных преступлений состоит в том, что, посягая на нормальное функционирование государственных, муниципальных, частных организаций, они не только снижают их авторитет в обществе, но и подрывают у граждан уверенность в защищенности своих прав и законных интересов.

Общественная опасность коррупции на государственном уровне проявляется в следующем:

- 1) неэффективное (нецелевое) распределение и расходование государственных средств и ресурсов;
- 2) потеря налогов, что приводит к подрыву налоговой системы;
- 3) уменьшение инвестиций в производстве, замедление экономического роста;
- 4) снижение качества услуг, оказываемых государственными и муниципальными органами;
- 5) расширение теневой экономики и неофициальной занятости населения;
- 6) рост социального неравенства и напряженности в обществе;
- 7) коррупция выступает подпиткой организованной и должностной преступности;
- 8) утрата доверия к государственным органам и их представителям;
- 9) снижение (падение) уровня общественной нравственности;
- 10) повышение уровня безработицы, инфляции, социально-негативных явлений, связанных с преступностью;
- 11) появление в обществе экстремистских настроений, создание устойчивых радикально настроенных групп и организаций.

Коррупционная преступность – целостная, относительно массовая совокупность преступлений (и лиц, их совершивших), посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, в коммерческих и иных негосударственных организациях, выражающихся в незаконном получении (предоставлении) материальных или иных благ (преимуществ) в целях личной выгоды [4, с. 247].

Структура коррупционной преступности выглядит следующим образом:

- злоупотребление должностными полномочиями, их превышение (27,3%);
- служебный подлог (15,6%);
- получение взяток (23,6%);
- дача взяток (13,2%);
- иные коррупционные преступления, предусмотренные преимущественно гл. 22 (преступления в сфере экономической деятельности); гл. 23 (преступления против интересов службы в коммерческих орга-

низациях); гл. 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) УК РФ – 20,3%.

Хороших результатов в деле борьбы с коррупцией добились такие государства, как Дания, Новая Зеландия, Сингапур, Португалия, Швеция, Финляндия, Канада, Австралия. Наиболее подвержены коррупционным проявлениям такие страны, как Нигерия, Чад, Аргентина, Мексика, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Сомали, Эквадор. Россия в 2013 г. заняла 127-е место из 175 стран в индексе восприятия коррупции, опубликованном международной организацией Transparency International. По итогам 2014 г. Россия опустилась на несколько позиций, заняв 136 место. Надо отметить, что в последние несколько лет престиж России на международной арене укрепляется, а показатели уровня жизни и противодействия коррупции стабилизируются.

Большинство стран, успешно противостоящих коррупции, добились этого благодаря: а) упрощению бюрократических процедур; б) введению административных регламентов; в) соблюдению высоких нравственных и этических стандартов в сфере оказания государственных услуг; г) повышению престижа государственной службы; д) созданию специализированной службы по противодействию коррупции и др.

Интересен Сингапурский опыт борьбы с коррупцией. Стратегия борьбы с коррупцией в этой стране отличается строгостью и последовательностью. Тактика снижения уровня коррупции была построена на применении целого комплекса законодательных и административных мер, в том числе:

- упрощение бюрократических процедур;
- регламентация действий чиновников;
- строгий надзор за соблюдением высоких этических и нравственных стандартов.

Наряду с этим, в Сингапуре был создан специализированный государственный орган – Агентство по борьбе с коррупцией (АБК), директор которого напрямую подчинялся премьер-министру страны. Законодатель ужесточил наказания, назначаемые за совершение коррупционных преступлений. В систему наказаний была включена конфискация имущества.

В Сингапуре государственные служащие стали привилегированным аристократическим классом. Правительство страны приложило все усилия, чтобы сделать профессию чиновника не только высокооплачиваемой, но и весьма уважаемой. В политике подбора и расстановки кадров на высшие руководящие должности в Сингапуре реализуется **принцип меритократии** (власть достойных). Отбор кандидатов в чиновники происходит еще в школе. Талантливых учеников направляют на обучение в Оксфорд, Сорбонну, Гарвард, а также в другие престижные университеты. После обучения они проходят стажировку в государственных органах Сингапура, с определением места их дальнейшей службы [5, с. 54–58].

Наиболее мягкие санкции (штраф, ограничение свободы) за совершение коррупционных преступлений установлены уголовным законодательством Австрии, Бельгии, Финляндии, Венгрии, Судана. Напротив, жесткие санкции (длительные тюремные сроки, пожизненное лишение свободы, смертная казнь) за совершение рассматриваемых преступлений предусматривают уголовные кодексы Таиланда, Китая, Гонконга, Вьетнама, Туркменистана, Узбекистана [6, с. 455–456].

В Великобритании Комитет по стандартам поведения в общественной и государственной жизни сформулировал семь основных принципов нахождения гражданина на государственной службе.

Бескорыстие – служение исключительно общественным и государственным интересам, отказ от взяток либо иной незаконной выгоды.

Принципиальность – объективное, полное, всестороннее, непредвзятое отношение к каждому делу, вынесение законных решений.

Беспристрастность – решение служебных вопросов исключает личную заинтересованность руководителя (кумовство, фаворитизм, протекционизм, злоупотребление должностными полномочиями).

Подотчетность – ответственность за принятые решения перед обществом и контролирующими структурами, предоставление полной информации в случае проверки или инспектирования.

Открытость – максимальное информирование населения о своей деятельности и принимаемых управленческих решениях (за исключением случаев, составляющих государственную или служебную тайну).

Честность – сообщение о своих частных интересах, связанных с исполнением официальных обязанностей, принятие мер по урегулированию и разрешению конфликтов способами, которые обеспечивают охрану (защиту) прав законных интересов граждан.

Лидерство – соблюдение вышеперечисленных принципов, повышение квалификации, реализация антикоррупционного стандарта в практической деятельности.

Необходимо целенаправленно и системно проводить антикоррупционную политику, учитывая постоянно меняющиеся условия. **Антикоррупционная политика** – это разработка и внедрение разносторонних и последовательных государственных и общественных мер, направленных на устранение (минимизацию) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах жизни. Другими словами, антикоррупционная политика – система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными, муниципальными и иными органами, направленная на предупреждение, выявление и пресечение преступлений и правонарушений коррупционной направленности.

Приоритетные направления предупреждения коррупции и коррупционных правонарушений:

- совершенствование антикоррупционного законодательства (своевременное внесение изменений и дополнений);
- упорядочение системы, структуры, функций органов исполнительной и судебной власти;
- контроль за имущественным положением государственных и муниципальных служащих, ротация кадров;
- укрепление судебной власти и прокурорского надзора;
- взаимодействие государственной власти со структурами гражданского общества;
- антикоррупционное просвещение и формирование антикоррупционного мировоззрения (антикоррупционное образова-

ние и воспитание);

- стимулирование регионов, осуществляющих достоверный антикоррупционный мониторинг;

- разработка и реализация федеральных, региональных, местных, локальных антикоррупционных программ, решение проблемы с их финансированием;

- проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов;

- определение и внедрение антикоррупционных стандартов;

- своевременное реагирование правоохранительных органов на поступающую информацию о коррупционных проявлениях;

- предупреждение, выявление, пресечение и документирование коррупционно опасного поведения, минимизация общественно опасных последствий и т.п.

В целях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации предлагаем:

1. Внести изменения в ст. 3 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [7], изложив ее в следующей редакции: «Лица, замещающие государственные должности в Российской Федерации и иные должности, указанные

данным Федеральным законом, обязаны предоставлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций и др., если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за 1 (один) год, предшествующий совершению сделки. Указывать источники получения средств, за счет которых совершена сделка.

2. Применительно ко всем составам коррупционных преступлений предусмотреть конфискацию имущества как меру уголовно-правового характера, обеспечивающую реализацию принципов справедливости и неотвратимости наказания. Разработать алгоритм действий по блокировке финансовых счетов коррупционера, аресту его имущества на ранних стадиях расследования уголовного дела.

3. В целях повышения профессионально-нравственной и морально-психологической составляющей в деятельности органов внутренних дел необходима скорейшая разработка и принятие Кодекса профессиональной этики сотрудника ОВД Российской Федерации, определяющего профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения сотрудника МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинов А. Д. Коррупцированная Россия / А. Д. Константинов. – М. : ОЛМА Медиа Групп; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 640 с.
2. Гриб В. Г., Окс Л. Е. Противодействие коррупции : учеб. пособие / В. Г. Гриб, Л. Е. Окс. – М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. – 192 с.
3. Качкина Т. Б., Качкин А. В. Коррупция и основные стратегии противодействия ей : учеб. пособие / Т. Б. Качкина, А. В. Качкин. – Ульяновск : Печатный двор, 2010. – 80 с.
4. Криминология : учебник / под ред. В. И. Авдийского. – М. : Юрайт, 2014. – 351 с.
5. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность / В. Д. Андрианов. – М. : Экономика, 2011. – 304 с.
6. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / под общ. ред. С. П. Щербы. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 544 с.
7. СЗ РФ. – 2012. – № 50 (ч. 4), ст. 6953.

© Шалагин А.Е., 2015

© Кабиров Д.Э., 2015

Статья получена: 20.02.2015

УДК 343.352

С.И. Грачев

А.С. Морозова

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Одной из важнейших угроз национальной безопасности государства является тенденция блокирования коррумпированных элементов в органах власти, управления и менеджмента от терроризма, которая иногда принимает форму прямого сращивания. Чем выше уровень коррупции в государстве или в том или ином регионе, тем благоприятнее почва для развития терроризма. Борьба с коррупцией должна стать одним из ключевых направлений государственной политики, так как эффективность такой борьбы (кроме прочего) в значительной мере отразится и на снижении уровня террористической угрозы для государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, организованная преступность, коррупция, терроризм, борьба.

Терроризм относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, которое приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты чаще всего приносят массовые человеческие жертвы, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, создают ситуации для зарождения вражды между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. При этом террористическая деятельность не имеет статического состояния, отличается высокой степенью адаптивности и постоянно находится в стадии развития, в ряде случаев опережая системы антитерроризма и контртерроризма [1].

Современный терроризм превратился в опасный и долговременный фактор развития современного общества. Оказывая серьезное дестабилизирующее воздействие, терроризм выступает реальной экзистенци-

альной угрозой национальной и международной безопасности.

Детальный мониторинг и анализ причин, условий и факторов, способствующих формированию терроризма в современном мире, позволил сформулировать ряд тенденций терроризма, имеющих базовое значение для определения уровня угрозы и формирования антитеррористической политики. Среди них наибольшую опасность вызывает тенденция *активного блокирования организованной преступности и терроризма*. Основными причинами объединения являются: обоюдная заинтересованность друг в друге, оказание помощи, стабильное финансирование структур и формирований из различных международных и внутригосударственных криминальных источников [2]. Блокирование терроризма и организованной преступности принимает форму прямого сращивания, где организованная преступность нередко играет роль иницилирующего (определяющего) фактора по отношению к структурам терроризма. При этом организованная преступность – это форма пре-

ступности, для которой характерны (кроме прочего) **связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах** [3]. А это значит, что террористическая деятельность, обладая целым рядом общих признаков, характерных, в том числе, и для организованной преступности, невозможна без соответствующих (коррумпированных) контактов в органах власти и управления. Таким образом, существование и «функционирование» экстремистских и террористических формирований предполагает участие в преступной деятельности коррупционного элемента. Следовательно, терроризм и коррупция в действительности тесно взаимосвязаны друг с другом. Угроза терроризма увеличивается там, где высок уровень коррупции. И наоборот, чем выше уровень коррупции в государстве или в том или ином регионе, тем благоприятнее почва для развития терроризма. Таким образом, борьба с коррупцией должна стать одним из ключевых направлений государственной политики. Так как эффективность такой борьбы отразится и на снижении уровня террористической угрозы для государства [4].

В результате установления таких связей для террористических формирований основной целью является приобретение информации, средств и орудий для осуществления террористических преступлений, лоббирование своих интересов в системе изменения отдельных позиций законодательств и т.п., а также «приобретение» возможности оставаться неуязвимыми для органов власти, деятельность которых направлена на борьбу с ними. Для представителей власти и общественности основной целью коррупционного взаимодействия с террористическими формированиями является личное обогащение, выражающееся в получении выгоды в виде денег, ценностей и иного имущества. К тому же интересы коррумпированных кругов и менеджмента от терроризма смыкаются в таких сферах, как производство, сбыт и распространение наркотических веществ, нелегальная торговля оружием, людьми, легализация преступных доходов. Все это создает почву для дальнейшего упрочнения преступного кон-

гломерата и распространения терроризма и коррупции как внутри страны, так и во всем мире.

Ярким международным примером этого является террористическая организация «Аль-Каида», существование которой в определенное время обеспечивали высшие эшелоны власти Афганистана [5].

Да и в России, по мнению специалистов, «не всегда было ясно, за что боролись чеченские террористы: «национальную независимость» Чечни или сохранение возможностей продолжать весьма прибыльный криминальный бизнес. Кроме того, в регион активно проникала и продолжает проникать ваххабитская идеология. Происходит постепенное сращивание исламского бандитского подполья с криминалом. Бандитское подполье начинает решать свои преступные задачи, в том числе связанные с переделом сфер влияния, оказанием давления на властные структуры» [6].

Аналитики отмечали небывалые размеры коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления северокавказских субъектов Российской Федерации в сочетании с превалированием кланово-корпоративных, семейно-родственных отношений во властных структурах республик. По мнению Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки, «практически все органы власти на Северном Кавказе поражены коррупцией». Современное кавказское коррумпированное сообщество заинтересовано в поддержании общего преступного фона – терроризма и экстремизма, безработицы, отсутствия квалифицированных кадров во всех сферах жизнедеятельности, миграционных процессов [7].

К тому же имеются факты, когда представители власти являлись непосредственными участниками террористических (бандитских) формирований. Так, 1 июня 2011 года сотрудниками Следственного управления Следственного комитета РФ по Чеченской Республике было завершено расследование уголовного дела в отношении 26-летнего депутата совета Ачхой-Мартановского сельского поселения Ш. Гайсаева, который обвинялся в совершении престу-

пления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ (участие и пособничество в вооруженном формировании). По версии следствия, с июля 2009 по февраль 2011 года Ш. Гайсаев добровольно оказывал пособничество участникам незаконного вооруженного формирования, действовавшим на территории Ачхой-Мартановского района, приобретал для них продукты питания и предоставлял свою автомашину для передвижения [8].

10 сентября 2013 года на заседании Совбеза Президент России Владимир Путин заявил, что положение дел на Северном Кавказе, несмотря на очевидные позитивные сдвиги, улучшается слишком медленно – террористическая угроза и коррупция не устранены. Серьезный ущерб экономике наносят хищения бюджетных средств. В 2013 году только органами безопасности обнаружено хищений на сумму около 6,5 миллиардов рублей [9].

К тому же, по результатам серии экспресс-опросов, проведенных информационным агентством Caucasus Times в столицах шести республик Северного Кавказа и посвященных анализу ситуации с коррупцией в регионе и отношения населения к этой проблеме, установлено, что более 80% респондентов лично сталкивались с коррупционной практикой. При этом результаты опросов показали, что наиболее коррумпированными структурами в своих республиках население Северо-Кавказского региона считает местные правоохранительные органы (53% респондентов). Принимая во внимание тот факт, что Северный Кавказ на протяжении последних 20 лет традиционно остается эпицентром российского терроризма, указанные факты говорят о тесной связи терроризма с распространением коррупци-

онных процессов в регионе [10]. По этому поводу один из молодых россиян в своем блоге заключил, что, скорее всего, правы те, кто видит причину терроризма в продажности чиновников и злоупотреблении ими своими служебными обязанностями. Потому что «рука руку моет», коррумпированные чиновники и бандиты (террористы) – одной масти [11].

Данное утверждение нашло подтверждение и в результате опроса авторами материала студентов-международников и политологов третьего курса Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. На вопрос, существует ли взаимосвязь между коррупцией и терроризмом, подавляющее большинство респондентов ответило положительно.

Коррупция является во многих случаях необходимым условием совершения конкретных (адресных) террористических актов. Так, коррумпированные сотрудники правоохранительных органов, вместо того чтобы бороться с терроризмом, за взятку в лучшем случае просто не мешают террористам делать свои черные дела, а в худшем – становятся пособниками террористов. Примером данного утверждения могут служить теракты 24 августа 2004 года на самолетах Ту-154 и Ту-134, вылетевших из московских аэропортов Домодедово и Шереметьево [8].

Таким образом, коррупция в органах государственной власти и силовых структурах является питательной средой развития терроризма, выступая, с одной стороны, как необходимая причина его возникновения, а с другой – как неотъемлемое условие существования. Не победив коррупцию, невозможно ожидать сколько-нибудь серьезных успехов в деле борьбы с терроризмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев С. И., Гасымов А. А. Особенности современного терроризма и проблемные аспекты в системе антитерроризма / С. И. Грачев, А. А. Гасымов // Власть. – 2012. – № 7. – С. 95–96.
2. Грачев С. И. Терроризм и его активная интеграция с организованной преступностью в условиях глобализма / С. И. Грачев // Российский следователь. – 2007. – № 18. – С. 11–14.
3. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 2007. – VI. – С. 658.
4. Григорьев А. А. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью и коррупцией.

URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2009/03/19/>

5. Секретная сеть «Аль-Каиды». URL: http://www.newsru.com/background/08jul2005/al_kaida.html (проверено 24.08.2009).

6. Северный Кавказ: внешние угрозы и вызовы. Круглый стол // Красная звезда. – 2011. – 22 марта. URL : http://www.redstar.ru/2011/03/22_03/3_02.html

7. Кимлацкий О. А. Особенности и тенденции развития современного терроризма в России / О. А. Кимлацкий // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2010. – № 15 (401). – С. 7–9.

8. См.: Каратаев М. В. Коррупция как причина, условие и соответствующий фактор российского терроризма / М. В. Каратаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21 (162). – С. 43–52.

9. Путин: терроризм и коррупция не уничтожены на Кавказе. URL : <http://pasmi.ru/archive/95855>

10. См.: Каратаев М. В. Коррупция как причина, условие и соответствующий фактор российского терроризма / М. В. Каратаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21 (162). – С. 43–52.

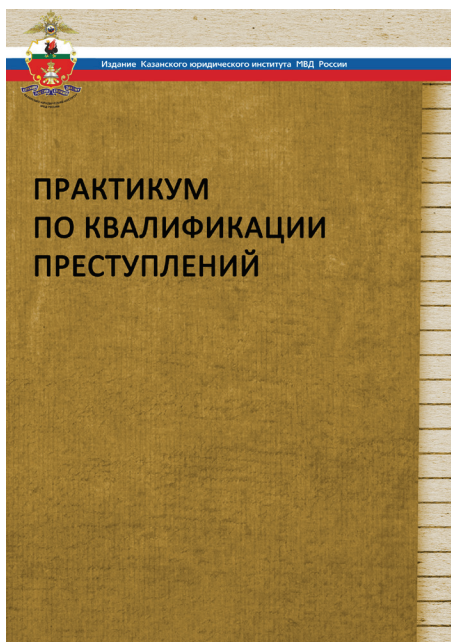
11. URL: <http://www.dagpravda.ru/?com=materials&task=view&page=material&id=32767>

© Грачев С.И., 2015

© Морозова А.С., 2015

Статья получена: 23.02.2015

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Практикум по квалификации преступлений : учебно-методическое пособие / под ред. М. Р. Гарафутдинова. – Казань : КЮИ МВД России, 2014. – 197 с.

Пособие содержит задачи и задания по квалификации преступлений и предназначено для закрепления теоретических знаний и углубления практических навыков и умений применения уголовного закона при квалификации преступлений.

Е.В. Демидова-Петрова

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются основные факторы проявления экстремизма в молодежной среде. Приводятся точки зрения ученых о причинах экстремизма в молодежной среде. Автором предложены детерминанты преступной деятельности молодежи экстремистской направленности, к которым отнесены политические; социально-экономические; социально-психологические и культурно-воспитательные детерминанты.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, молодежь, несовершеннолетний, причины молодежного экстремизма.

Обратившись к изучению причин и условий возникновения экстремизма в молодежной среде, мы обнаружим немало интересных мнений по этому вопросу. Так, А.Т. Сиоридзе при изучении причин и условий экстремизма в среде молодежи использует условное деление причинного комплекса на экономический, политический, социальный, нравственно-психологический и правовой [1].

Определенный интерес представляет подход, изложенный Н.Б. Баалем, в соответствии с которым фундаментальными факторами экстремизма являются незавершенная модернизация, социальные контрасты и культурная маргинальность, находящиеся в диалектической взаимосвязи с внешне- и внутриполитическими, этноконфессиональными, социально-психологическими обстоятельствами жизнедеятельности общества. В соответствии с данной точкой зрения, российскую специфику экстремистских образований определяют три основных фактора. Первый – социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протяжении последних 15 лет и социальная незащищенность населения. Второй фактор – особенности социальной мобильности в обществе. Третий фактор – аномия в российском обществе, на фоне которой широкое распространение приобретает молодежная преступность, когда криминализированы многие молодежные сообщества, а принятые в ее среде социокультурные и политические

ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде. Из этих ориентиров особое значение имеют культ силы, насилия, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» и другие [2].

В свою очередь Т.В. Пинкевич отмечает, что среди факторов, влияющих на преступность, в последнее время немалую роль играет миграция населения. Рассматриваемая многие годы как позитивное явление, способствующее развитию и расширению производства, культурному обмену и т.д., в настоящее время миграция, стимулируемая в ряде регионов политикой дискриминации русских и других некоренных этносов, приобрела характер вынужденных переселений. Неблагоприятные формы массовых миграций связаны с тем, что значительное число лиц, вытесняемых межнациональной напряженностью, переходящей в некоторых регионах в открытые конфликты, вынуждены покидать прежние места своего постоянного проживания, оставляя жилье, значительную часть имущества [3]. Интерес вызывает следующий факт: в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года справедливо отмечено, что основными факторами, оказывающими негативное влияние на состояние национального рынка труда, межнациональные отношения в обществе, а также порождающими экстремистские проявления, являются неконтролируемая (в том числе не-

законная) миграция и недостаточно регулируемые на региональном и муниципальном уровнях миграционные процессы, зачастую нарушающие сложившийся в отдельных регионах и муниципальных образованиях этноконфессиональный баланс населения [4].

К сожалению, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года проблема здоровья нации, именно нации, а не только различных граждан, не нашла должного отражения. В Стратегии неоднократно говорится о том, что в число стратегических приоритетов входят важнейшие социальные, политические и экономические преобразования для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства; что «национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства; что «национальные интересы Российской Федерации» – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [5].

Представляет особый интерес точка зрения В.В. Лунеева по поводу условий распространения экстремизма. По мнению автора, одним из условий распространения экстремизма является рост радикальных устремлений в связи с растущими противоречиями и конфликтами, а также тающими надеждами на их нормальное разрешение. Все это происходит на фоне увеличивающегося насилия и других факторов, провоцирующих экстремизм [6].

К числу таких факторов В.В. Лунеев относит следующие обстоятельства внутреннего и внешнего характера: систематическое обострение социальной напряженности; избыточная криминализация всех сфер жизни и деятельности; «чеченский

фактор» с сепаратистскими, экстремистскими и террористическими тенденциями; «исламский фактор» и подрывная деятельность иностранных организаций; воинствующий национализм и псевдорелигиозная экстремистская идеология (ваххабизм); масштабный незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [6].

Мы всецело поддерживаем данную точку зрения, так как подобный подход автора к перечислению факторов внутреннего и внешнего характера наиболее полно и содержательно отражает объективную реальность.

Отсутствие заботы о досуге молодежи, о полезном времяпровождении, взимание платы за посещение дискотек, творческих кружков, спортивных секций порождает у молодежи стремление самостоятельно заполнять свой досуг и часто толкает ее на путь хулиганства, вандализма, а также и политического экстремизма. Ведь экстремистские организации делают все возможное, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше молодежи и подростков, используя при этом и желание подростков развлечься, чем-то заполнить свое свободное время.

Например, РНЕ («Русское национальное единство»), помимо обычных способов вербовки, стремится привлекать молодежь и подростков, в том числе, и возможностью бесплатных занятий в своих спортивных секциях и клубах. В этих спортивных секциях и клубах молодежь, помимо спортивных навыков, получает мощную идеологическую обработку неонацистской идеологией [7].

Серьезный вклад в развитие предпосылок экстремизма среди российской молодежи оказала наша так называемая массовая культура, когда распространяются скопированные не с лучших западных стандартов фильмы в жанре отечественной «чернухи», кровавые боевики и триллеры, а также телепередачи, стимулирующие у молодежи жестокость, насилие и желание его применения на практике. Посредством такого рода телепродукции снижается уровень духовности, нивелируются многие морально-нравственные категории, внедряются далеко не лучшие образцы западных ценностей: культ денег и грубой физической силы, понятие вседозволенности.

На книжный рынок России хлынул поток развлекательного «чтива» самой низкой литературной оценки [7].

Значительная часть молодежи, морально, духовно и умственно искалеченная массовой культурой, вырастает злой, бездуховной и жестокой, готовой к насилию. Такая молодежь потенциально опасна и готова применять это насилие в отношении окружающих.

Обычно молодые экстремисты склонны группироваться вокруг какой-либо «солидной» экстремистской организации или объединения.

Причем сначала молодой человек, пришедший в организацию такого рода, может и не являться экстремистом, он становится им постепенно, посредством участия в деятельности этой организации и постепенного усваивания ее идеологии. Иногда может происходить так называемое самозарождение молодежного экстремизма, когда относительно крупные политизированные молодежные группировки экстремистского толка возникают без участия взрослых экстремистов. Самым ярким примером самозарождения молодежных экстремистских группировок может служить возникновение молодежных организаций скинхедов, российских «бритоголовых» — молодых расистов неонацистского толка. По активности и массовости движение российских «бритоголовых» занимает лидирующее место среди неорганизованных групп экстремистски настроенной молодежи. В случае самозарождения молодежного экстремизма главным фактором его возникновения становится существование хорошо разработанной идеологии, носящей привлекательный для молодежи характер [7].

В настоящее время в Российской Федерации имеются партии и организации, подпадающие под определение экстремистских. По своей идеологической направленности такого рода экстремистские объединения бывают как правого или левого, так и религиозного толка, и в каждой из них существует определенная группа молодежи, всеми силами стремящаяся способствовать деятельности такого объединения.

Исходя из сведений, предоставленных

МВД России, отметим на сегодняшний день в числе основных причин возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде:

1. Обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, который включает в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства населения, снижения авторитета правоохранительных органов);

2. Криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса);

3. Изменение ценностных ориентаций (значительную опасность представляют зарубежные и религиозные организации и секты, насаждающие религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей, а также чуждые российскому обществу ценности);

4. Рост национализма и сепаратизма (активная деятельность молодежных националистических группировок и движений, которые используются отдельными общественно-политическими силами для реализации своих целей);

5. Наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т.п.);

6. Использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности);

7. Использование сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях).

Нам представляется необходимым выделить следующие группы детерминант преступной деятельности групп молодежи экстремистской направленности:

1) политические детерминанты, а именно:

- недостаточно эффективное применения норм законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму;

2) социально-экономические детерминанты, включающие в себя:

- дезорганизацию общества, социально-экономические кризисы, продуцирующие падение жизненного уровня значительной части населения, неудовлетворенность своим социальным положением и, как следствие, принятие крайних мер для изменения сложившейся ситуации;

- активизацию миграционных процессов в отсутствие их достаточной правовой урегулированности и идеологической обеспеченности со стороны государства;

- мобильность городского населения и повышенную вариативность круга общения у городской молодежи;

3) социально-психологические детерминанты, а именно:

- высокая адаптивность подростков и молодежи к восприятию направлений моды, обусловленная возможностью получения более значительного и быстро сменяемого объема информации;

- негативная роль средств массовых коммуникаций в формировании определенного «образа» субкультуры, вызывающего искусственный интерес к носителям идеологии экстремистской направленности, дегуманизация и деморализация содержания источников информации;

4) культурно-воспитательные детерминанты:

- кризис семьи и образования как основных институтов социализации, социальный инфантилизм, неадаптированность в обществе, способствующие проявлениям экстремистского характера.

В завершение представляется необходимым указать, что на сегодняшний день проблема борьбы с молодежным экстремизмом становится общегосударственной задачей, включающий в себя различные аспекты ее реализации.

К основным причинам появления и разрастания межнациональных конфликтов следует отнести большой спектр экономических, социальных и культурных факторов. В частности, это резкие имущественные различия, интенсивные миграционные процессы, усиление этнического неравенства и конкуренции на рынке труда, разрушение системы социальных гарантий, кризис в духовной сфере. Указанные обстоятельства приводят к росту нетерпимости на национальной и религиозной почве.

Молодежь в силу возрастной психологии наиболее подвержена манипулированию и склонна к принятию протестных идей и настроений. Энергия и стремления молодых людей нередко становятся предметом политических спекуляций, и поэтому молодежь наиболее привлекательна для вербовки во всевозможные группы и организации экстремистского толка.

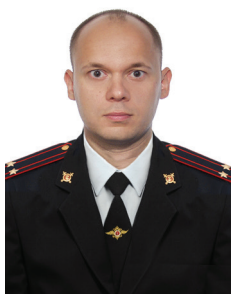
ЛИТЕРАТУРА

1. Сиоридзе А. Т. Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Т. Сиоридзе. – М., 2007. – С. 22.
2. Бааль Н. Б. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи : материалы международной науч.-практич. конференции / Н. Б. Бааль. – М., 2006. – С. 592–593.
3. Пинкевич Т. В. Некоторые особенности причинного комплекса преступности и миграция / Т. В. Пинкевич. – М., 2002. – С. 23.
4. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28.11.2014. Пр-2753.
5. Стратегия Национальной безопасности РФ до 2020 года : утв. указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СЗ РФ. – 2009. – № 20, ст. 2444.
6. Лунеев В. В. Криминология : учебник для бакалавров / В. В. Лунеев. – М., 2013. – С. 410.
7. См.: Методические рекомендации по расследованию преступлений экстремистской направленности. – Казань, 2011.

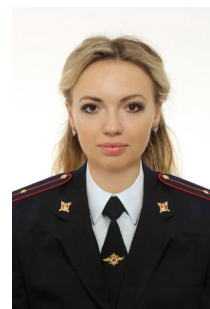
© Демидова-Петрова Е.В., 2015

Статья получена: 23.02.2015

УДК 343.34

С.А. Буткевич

А.А. Коноплёва

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрены проблемные вопросы распространения экстремизма и противодействия экстремистской деятельности в Республике Крым. Особое внимание уделено историческим, политическим и социокультурным предпосылкам возникновения данной проблематики и деятельности органов государственной власти по ее решению. Разработаны предложения и рекомендации по противодействию различным проявлениям экстремизма с учетом этнодемографической специфики Крымского федерального округа.

Ключевые слова: безопасность, ответственность, проблемы, противодействие экстремизму, распространение, экстремистская деятельность.

Проблемы противодействия экстремизму, в частности распространению идей, отличных от сложившихся правовых и других норм социального поведения, которые основываются на социальной, расовой, национальной, этнической, языковой и религиозной нетерпимости, розни и ненависти, обесценивании человеческой жизни, или же действия, угрожающие последней, являются актуальными вопросами в сфере соблюдения и защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства, а также сохранения гармоничных социальных отношений. В таких условиях Россия и субъекты федерации не могут и не должны стоять в стороне от этой проблемы, поскольку волна экстремистской деятельности уже охватила большинство стран как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Актуальная этнодемографическая ситуация на Крымском полуострове характеризуется значительным этническим и конфессиональным разнообразием. Республика Крым как демократическое правовое образование в составе Российской Федерации – один из субъектов федерации, где в силу исторических причин в составе населения присут-

ствуют более 40% национальных образований (украинцы, крымские татары, белорусы, татары, армяне, евреи, поляки, молдаване, азербайджанцы, узбеки, корейцы, греки, немцы, цыгане, болгары и др.). Именно поэтому обеспечение на основе федерального законодательства и принципов международного права свободного и равноправного развития граждан всех вероисповеданий и национальностей, проживающих в Республике Крым, содействие адаптации и интеграции в общество ранее депортированных граждан, удовлетворение национально-культурных потребностей полиэтнического населения – основные задания, которые необходимо решать органам государственной власти и местного самоуправления для нормализации межконфессиональных и межнациональных отношений в Крымском федеральном округе.

Проблемам профилактики и противодействия экстремистской деятельности в России посвящены научные исследования Н.Б. Бааль, И.В. Вехова, Р.Н. Гетца, В.В. Гурского, П.А. Данилова, О.Е. Кубякина, А.В. Кузьмина, Е.П. Олифиренко, Э.А. Паина, С.Е. Пролетенковой, С.Н. Фридинского и др. Тем не менее, вопросы противодействия экстре-

мизму на Крымском полуострове остаются без надлежащего освещения в научной литературе, что, прежде всего, связано с недавним принятием Республики Крым в состав Российской Федерации и завершением переходного периода. Указанные обстоятельства обусловили необходимость проведения данного исследования, актуальность и своевременность затронутой проблематики.

Таким образом, цель научной разведки состоит в анализе специфики проблем противодействия распространению экстремизма в Республике Крым. Достижение цели предполагает решение следующих задач: во-первых, установление причин и предпосылок возникновения и распространения экстремизма на Крымском полуострове; во-вторых, исследование правовых основ противодействия экстремизму в Республике Крым; в-третьих, изучение экстремизма как социально-политического явления.

США, Россия, Франция, Великобритания, Израиль, Сирия и другие страны на собственном горьком опыте террористических актов, организованных на их территории, знают, что такое экстремизм, который прикрывается защитой прав религиозно-национальных группировок, исповедующих радикальный ислам. Д.С. Савочкин, анализируя проблемы экстремизма и терроризма на Украине, отмечает, что существующие пробелы в законодательстве представляют угрозу национальной безопасности государства (в том числе и для общественной безопасности Автономной Республики Крым и г. Севастополя до марта 2014 г.). В частности, наибольшими угрозами являются стремительно распространяющиеся идеи ваххабизма, а также активность религиозно-экстремистских организаций «Аль-Джамаа Аль-Исламия» («Исламская община»), «Аль-Ихван аль-Муслимун» («Братья-мусульмане»), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Исламская Партия освобождения»), «Ат Такфир валь-Хиджра» («Обвинение в неверии и уход»), «Такфир Джамаат», Организации благотворительных исламских проектов (хабашиты), мусульманского движения «Нурджулар», хазифов («учащие наизусть», «охранители») и др. [1, с. 201–203]. При этом деятельность представителей перечислен-

ных деструктивных течений основывается на принципах, согласно которым каждый человек, не присоединившийся к ним, является их смертельным врагом, которого необходимо уничтожить. На современном историческом этапе развития региона указанные движения тесно взаимодействуют друг с другом и, по сути, выступают как единая сила.

Безусловно, эпидемическое распространение на Украине проявлений экстремизма, неонацизма и неонацизма, начавшееся в конце 2013 г. и продолжающееся до сих пор, не могло не коснуться и Крымского полуострова. Такая деятельность была направлена на насильственный захват власти, незаконное вмешательство в деятельность органов публичной администрации, посягательства на основы национальной безопасности и конституционного строя, нарушение основополагающих прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также искажение трактовок исторических событий, сопровождающихся открытыми призывами к дискриминации по этническому признаку и деяниям экстремистской направленности. Как следствие, происходит отрицание правовых и других общепринятых норм и правил социального поведения, что априори несовместимо с основами демократического и правового государства, а также противоречит общепризнанным принципам международного права.

По мнению Е.О. Кубякина, одним из детерминантов возникновения экстремизма в России (прежде всего праворадикального толка) является война в Чечне, которая стала причиной неприятия представителей «коренных кавказских этносов», которые воспринимаются россиянами «в образе жестоких исламских фундаменталистов-фанатиков – врагов христианского населения» [2, с. 274]. Опираясь на идеи указанного исследователя, можно сделать вывод, что радикальные настроения по отношению к русскоязычному населению Украины, обусловленные гражданской войной на юго-востоке страны и прозападной политикой Киева, скорее всего, повлекут аналогичные последствия. В частности, объектами экстремистской деятельности могут стать этнические русские Украины.

Что касается правовых основ противодействия экстремизму в Республике Крым, следует указать, что в период ее пребывания в составе Украины законодательное обеспечение соответствующей деятельности органов государственной власти вообще отсутствовало. Несмотря на неоднократные попытки отдельных украинских парламентариев определить на уровне закона ключевые понятия, принципы, основные задания и функции, формы и методы деятельности уполномоченных субъектов в этой сфере, а также ответственность юридических и физических лиц за экстремистскую деятельность, их инициативы так и остались на стадии законопроектов.

Так, в июне 2002 г. был разработан проект закона Украины «О противодействии политическому экстремизму», цель принятия которого состояла в недопущении применения насилия для достижения политических целей, защите конституционного строя от попыток его насильственного изменения, охране конституционных прав человека и гражданина от нарушений, совершаемых по политическим мотивам, предупреждении насильственного захвата или удержания власти, защите суверенитета и территориальной целостности страны. При этом планировалось, что противодействие этому виду экстремизма будет осуществляться путем предупреждения, выявления и пресечения проявлений политического экстремизма в деятельности объединений граждан, средств массовой информации, других организаций в процессе их государственной регистрации, осуществления контроля и надзора за их деятельностью, прекращения их деятельности в установленном порядке; запрета экстремистских объединений граждан в предусмотренных законом случаях; пресечения проявлений политического экстремизма в деятельности других организаций, в том числе их ликвидации в установленном порядке; предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, имеющих признаки проявлений политического экстремизма, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и законодательством об оперативно-розыскной деятельности [3].

В альтернативном законопроекте экстремизм определялся как деятельность физического и/или юридического лица, и/или объединения граждан либо их публичные призывы и/или подстрекательство, которые направлены на насильственный захват или удержание власти либо незаконное вмешательство в деятельность органов власти, посягательство на основы конституционного строя и национальной безопасности, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и являются следствием отрицания правовых норм или других правил поведения (социальных норм). А под противодействием экстремизму предлагалось понимать деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, юридических и физических лиц, направленную на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение целостности и национальной безопасности государства, выявление и ликвидацию причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также на предупреждение, выявление, прекращение экстремистской деятельности и ликвидацию ее последствий. При этом основными направлениями такой деятельности должны были стать: пропаганда и распространение толерантности, взаимоуважения и взаимопонимания; предупреждение распространения идеологии экстремизма и осуществления экстремистской деятельности, в том числе выявление и дальнейшее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению и распространению; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности физических и юридических лиц, объединений граждан; привлечение к ответственности виновных в экстремистской деятельности физических и юридических лиц, объединений граждан [4].

Что касается ответственности за экстремистскую деятельность, то, например, в октябре 2009 г. парламентарии Украины выступали с инициативой о введении административной ответственности за изготовление, хранение с целью сбыта или распространение информации и материалов, содержащих идеи экстремизма и фундаментализма, а также

уголовной – за экстремистскую, фундаменталистскую и другую запрещенную деятельность, угрожающую общественному порядку и общественной безопасности [5]. Этот законопроект был разработан с целью нейтрализации общественно опасной деятельности религиозно-политических группировок, уменьшения количества преступлений, совершаемых на религиозной почве, снятия социального напряжения в обществе, прежде всего в Автономной Республике Крым.

И только в январе 2014 г., в связи с обострением социально-политической обстановки в стране, Уголовный кодекс Украины был дополнен ст. 110.1 «Экстремистская деятельность», которая предусматривала ответственность за изготовление, хранение с целью сбыта или распространение, а также сбыт или распространение экстремистских материалов, в том числе через средства массовой информации, сеть Интернет, социальные интернет-сети, использование или демонстрацию экстремистских материалов перед массовым скоплением людей, в том числе на собраниях, митингах, во время уличных шествий, демонстраций, публичные высказывания или призывы экстремистского характера, а также финансирование таких действий или иное содействие их организации либо реализации, в том числе путем предоставления информационных услуг, денежных средств, недвижимости, учебной, полиграфической или материально-технической базы, телефонного, факсимильного или других видов связи, при отсутствии признаков более тяжкого преступления [6]. Но в этом же месяце под давлением радикально настроенных националистических и экстремистских группировок указанные дополнения в украинский уголовный закон были отменены.

Считаем, что введение уголовной ответственности за экстремистскую деятельность было связано с обострением социально-политического и финансового кризиса на Украине. События, связанные с протестными акциями, использовались определенными внутренними и внешними силами для дестабилизации жизнедеятельности общества и функционирования органов государственной власти в своих целях. Не-

редкими были групповые нарушения общественного порядка и массовые беспорядки, факты хулиганства, проявления вандализма и терроризма, вмешательство в работу правоохранительных и других государственных органов, захват административных зданий органов государственной власти и т.п. Несмотря на то, что принятие данного законодательного акта уже было агонией высшего руководства страны, не согласимся с А.А. Кашкаровым в том, что введение нормы, устанавливающей уголовную ответственность за создание и распространение экстремистских материалов, было несвоевременным и научно не обоснованным [7, с. 126]. Наша позиция связана с тем, что в последние годы на Крымском полуострове активно распространялась идеология организаций экстремистской направленности, деятельность большинства из которых запрещена на территории России.

По информации правоохранительных органов, в крымских горах и лесах представители таких течений строили тренировочные лагеря, оборудовали укрытия, схроны оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и литературы экстремистского толка, отрабатывали стратегию и тактику ведения партизанской войны, приемы и способы осуществления террористическо-диверсионной деятельности и т.п. Кроме того, перманентная несанкционированная общественно-политическая активность крымско-татарских лидеров оказывала существенное деструктивное влияние на дальнейшее усложнение оперативной обстановки, вызывала эскалацию межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе. А существенный вклад в возрождение идей фундаментального («чистого») ислама на территории Крымского полуострова вносили исламские организации Турции, Саудовской Аравии, Кувейта, Пакистана, Ирана и др., которые влияли на религиозную жизнь крымских мусульман путем обучения основам ислама, в том числе в начальных школах по изучению ислама (медресе), строительства мечетей, оказания благотворительной помощи, создания подконтрольных мусульманских общин (прежде всего в городах Симферополь и Судак, Бахчисарай-

ском, Кировском, Нижнегорском, Симферопольском, Советском и других районах).

Именно поэтому в проекте закона Республики Крым «О свободе совести, религиозных объединениях и недопущении религиозного экстремизма» учитывается опасность политизации деятельности религиозных объединений, проявлений религиозного экстремизма, а также акцентируется внимание на недопущении последнего и его преследовании [8]. Помимо этого, планируется, что противодействие религиозному экстремизму будет осуществляться путем: принятия профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению; выявления, предупреждения и пресечения экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Соответственно, мероприятия по профилактике правонарушений в Республике Крым на 2014–2016 гг. включают: обеспечение накопления, учета, обобщения и взаимного обмена информацией об участниках террористических организаций, отдельных лицах, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, а также деятельности экстремистских партий, религиозных течений, сект (п. 29); создание единой информационной системы учета потенциальных угроз и объектов, которые могут привести к совершению преступлений террористической направленности; реализацию комплекса организационно-практических мероприятий, направленных на недопущение экстремистских и террористических проявлений (п. 30); организацию и проведение мероприятий по отработке методики предотвращения угроз экстремистских и террористических проявлений путем проведения командно-штабных и тактико-специальных учений по антитеррористической тематике (п. 31) [9]. Также с марта 2014 г. на территории Республики Крым запрещена деятельность политических партий и общественных организаций профашистского и неонацистского толка, в том числе ВО «Свобода», организации

«Правый сектор» и входящих в нее структурных образований – ВО «Тризуб» имени Степана Бандеры, Украинской Национальной Ассамблеи – Украинской Народной Самообороны (УНА-УНСО), СНА «Патріот України», «Карпатська Січ», «Братство» Д. Корчинского – как несущих угрозу для жизни и безопасности крымчан [10].

Сегодня органы государственной власти Республики Крым в своей деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечению целостности и безопасности России (в пределах компетенции) руководствуются Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [11]. Считаем, что в целом данный нормативный правовой акт может выступать гарантией безопасности граждан, общества и государства от реальных и потенциальных угроз в этом секторе их жизнедеятельности. Однако статью 2 этого Закона целесообразно дополнить такими принципами, как: верховенство права; системность и комплексность использования политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых и других мер противодействия экстремизму. Это должно исключить (минимизировать) предпосылки для незаконного ограничения или нарушения прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества в деятельности уполномоченных субъектов при противодействии экстремистской деятельности.

Вместе с тем важным шагом в этом направлении стал Указ Главы Республики Крым «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы» от 30.01.2015 № 26-У [12]. Цель реализации данного плана – предупреждение радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Для этого запланировано проведение мероприятий по установлению распространителей террористической, экстремистской идеологии и сведений, дискредитирующих Российскую Федерацию; разработке и внедрению мер защиты ин-

тернет-пространства Республики Крым от проникновения террористических и экстремистских материалов, деструктивной информации, инструкций по изготовлению взрывных устройств, призывов к совершению террористических актов; выявлению и блокированию интернет-сайтов, содержащих террористические и экстремистские материалы; разработке программы подготовки (повышения квалификации) государственных и муниципальных служащих для работы в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии терроризма и экстремизма и т.п.

Благодаря согласованным действиям правоохранительных органов Республики Крым, только в 2014 г. по выявленным фактам экстремистских проявлений возбуждено и расследовалось 12 уголовных дел; районными прокурорами за нарушения, связанные с отсутствием на школьных и библиотечных компьютерах Интернет-фильтров, блокирующих доступ к ресурсам, содержащим материалы экстремистской и иной негативной направленности, внесено 36 представлений [13]. Мы согласны с М.М. Смолиной, которая утверждает, что остается актуальной и проблема повышения уровня террористических угроз, связанных с экстремизмом, политизацией проблематики межнациональных и этноконфессиональных отношений, распространением гражданской нетерпимости и противостоянием, прежде всего в контексте общественно-политических отношений, а также негативным влиянием иностранных террористических и религиозно-экстремистских организаций [14, с. 45]. Поэтому для поддержания стабильности в Республике Крым требуется принятие дополнительных мер, в частности по совершенствованию миграционной политики, обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий), ограничению доступа к экстремистским ресурсам и др. Также актуальным остается вопрос организации профессионального обучения работников центров противодействия экстремизму МВД по Республике Крым и УМВД России по г. Севастополю, личный состав которых преимущественно сформирован из специальных подразделений по

борьбе с организованной преступностью, подразделений уголовного розыска, координации деятельности органов внутренних дел в сфере межнациональных отношений ГУМВД Украины в Автономной Республике Крым и УМВД Украины в г. Севастополе.

На наш взгляд, значительно усугубляют ситуацию в этой сфере отношения между населением Республики Крым и гражданами Украины, подверженных негативному влиянию ряда зарубежных и украинских средств массовой информации. Политика двойных стандартов, несоблюдение принципов объективности, непредвзятости и беспристрастности журналистов в освещении фактов и событий, их политическая ангажированность приводят к постепенному разжиганию экстремизма на межнациональной и межкультурной почвах. Такие действия становятся основой для развития ненависти между народами и почвой для агрессии по отношению к носителям русской культуры. При этом происходит динамичное культивирование экстремистских идей, находящих воплощение в притеснениях по национальному и культурному признакам.

Следовательно, экстремизм обоснованно называют глобальной проблемой человечества, решение которой невозможно без когерентных действий со стороны мирового сообщества. Однако противостоять вызовам экстремистской идеологии и основанной на ней деятельности невозможно без создания надлежащей нормативно-правовой базы, позволяющей предупреждать зарождение деструктивных явлений. В свою очередь, анализируя причины появления экстремизма в Республике Крым, следует отметить, что наиболее распространенными на сегодняшний день являются экономический, религиозный, этнический, исторический, психологический, социальный и политический факторы. В частности, приверженность к крайним взглядам обусловлена борьбой за экономическое и политическое доминирование.

Исходя из того, что на данном этапе исторического развития в Республике Крым существует целый комплекс факторов, способных стать основой для экстремистских проявлений, процесс их предупреждения должен носить комплексный, системный и

последовательный характер. А противодействие радикально направленным течениям должно основываться как на теоретическом осмыслении сути экстремизма и смежных с ним проблем, так и внедрении передового опыта других субъектов федерации, а также зарубежных стран в деятельность уполномоченных органов.

Учитывая изложенное выше, а также необходимость дальнейшего научного мониторинга данной проблематики, в 2015 г. при поддержке Государственного совета Республики Крым профессорско-преподавательским составом Крымского филиала Краснодарского университета МВД России будет реализован проект «Профилактика и урегулирование межэтнических и межкультурных конфликтов в рамках предупреждения развития экстремизма и терроризма в Республике Крым» [15]. Его цель – комплексное изучение проблем терроризма и экстремизма на Крымском полуострове, возникающих на почве межкультурных конфликтов, а результатами исследования

станут данные, полученные в итоге осмысления сути межкультурных, межэтнических конфликтов, явлений экстремизма и терроризма, а также проведения исследования социологического и психологического аспектов причин их возникновения. В итоге планируется разработка методики урегулирования и профилактики экстремизма и терроризма, основывающихся на почве межэтнических и межкультурных конфликтов с учетом поликультурной специфики Крымского федерального округа. По нашему мнению, подобные исследования способны не только обратить внимание общественности и органов государственной власти на вероятность возникновения и развития экстремизма в Республике Крым, но и повысить эффективность и результативность деятельности правоохранительных органов в сфере недопущения дальнейшего распространения этих деструктивных социально-политических процессов, представляющих реальную угрозу национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савочкин Д. С. Актуальные проблемы развития системы противодействия экстремизма в Украине // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. – 2010. – № 2 (48). – С. 200–206.
2. Кубякин Е. О. Социальные и социокультурные основы молодежного экстремизма в современной России // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 273–276.
3. О противодействии политическому экстремизму: проект закона Украины от 3 июня 2002 г. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=12411 (дата обращения: 04.02.2015).
4. О противодействии экстремизму: проект закона Украины от 2 декабря 2013 г. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=49227 (дата обращения: 04.02.2015).
5. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по противодействию экстремизму: проект закона Украины от 26 октября 2009 г. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=36405 (дата обращения: 05.02.2015).
6. О внесении изменений в Закон Украины «О судостроительстве и статусе судей» и процессуальные законы по дополнительным мерам защиты безопасности граждан : закон Украины от 16 января 2014 г. № 721-VII // Голос Украины. – 2014. – № 10.
7. Кашкаров А. А. Психолого-правовая характеристика экстремизма как преступления против национальной безопасности и государственной власти // Проблемы служебно-боевой деятельности органов внутренних дел Украины : материалы науч.-практ. семинара (Симферополь, 14 марта 2014 г.). – Симферополь : КФ ОГУВД, 2014. – С. 124–126.
8. О свободе совести, религиозных объединениях и недопущении религиозного экстремизма : проект закона Республики Крым. – Симферополь, 2015. – 19 с.
9. О Программе обеспечения общественной безопасности в Автономной Республике Крым на 2014–2016 годы : постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 25 де-

кабря 2013 г. № 1541-6/13 // Сборник нормативно-правовых актов Автономной Республики Крым. – 2014. – № 12, ст. 1061.

10. О противодействии распространению экстремизма в Автономной Республике Крым : решение Верховной Рады Автономной Республики Крым от 11 марта 2014 г. № 1740-6/14. – Симферополь, 2014. – 2 с.

11. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3031.

12. Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы : указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У. – Симферополь, 2015. – 17 с.

13. Официальный сайт Прокуратуры Республики Крым. URL: <http://rkproc.ru/news/v-prokurature-respubliki-obsudili-voprosy-podderzhaniya-mezhnacionalnoy-stabilnosti> (дата обращения: 29.01.2015).

14. Смолина М. М. Охрана общественного порядка как основная задача милиции Украины / М.М.Смолина//ВестникКраснодарскогоуниверситетаМВДРоссии.–2013.–№3(21).–С.45–50.

15. Коноплёва А. А. Профилактика и урегулирование межэтнических и межкультурных конфликтов в рамках предупреждения развития экстремизма и терроризма в Республике Крым : проект на участие в конкурсе на назначение гранта Республики Крым молодым ученым Крыма / А. А. Коноплёва. – Симферополь : КфКрУ МВД России, 2014. – 9 с.

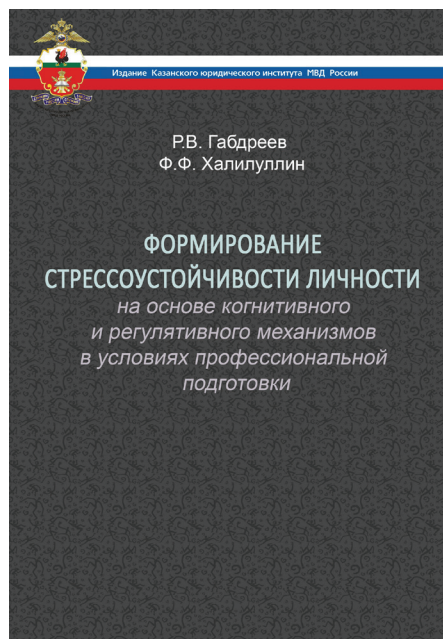
© Буткевич С.А., 2015

© Коноплёва А.А., 2015

Статья получена: 20.02.2015

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Габдреев Р. В., Халилуллин Ф. Ф.

Формирование стрессоустойчивости личности на основе когнитивного и регулятивного механизмов в условиях профессиональной подготовки : монография. – Казань : КЮИ МВД России, 2015. – 101 с.

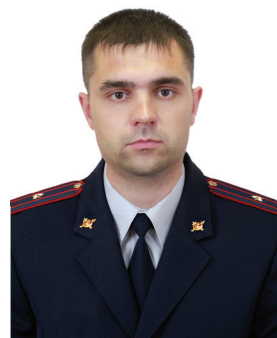
Представленное исследование посвящено изучению и научному описанию стрессоустойчивости личности с позиции соотнесения когнитивных и регулятивных механизмов в процессе профессиональной подготовки будущих юристов, которым предстоит служить в правоохранительных структурах. Описаны и проанализированы экспериментальные данные, которые позволяют глубже понять механизмы стрессоустойчивости и влияние на этот процесс профессиональной подготовки, базирующейся на активизации регулятивных и когнитивных факторов. Предлагается система упражнений, позволяющая формировать и корректировать стрессоустойчивость.

Работа предназначена для курсантов, преподавателей и специалистов, занимающихся проблемой стрессоустойчивости в процессе профессиональной подготовки и деятельности.

УДК 343.359.3

П.И. Иванов

А.Е. Булдин

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В настоящей статье авторы предприняли попытку показать читателям особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем. Осуществление данного вида деятельности создает необходимую предпосылку для успешной реализации принципа неотвратимости ответственности.

Ключевые слова: оперативно-розыскное сопровождение, сопровождение уголовных дел, легализация преступных доходов, меры по сопровождению, формы взаимодействия.

Во многих директивных документах МВД России противодействие легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений борьбы с организованной преступностью ОВД и их подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). Посредством такого противодействия во многом удается, как показывает анализ практики, предотвратить факты сращивания криминальных структур с легальным бизнесом.

В числе преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) уголовно наказуемые деяния, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенные преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ), занимают особое место. Это обусловлено целым рядом обстоятельств.

Во-первых, доходы, полученные криминальной структурой от преступной деятельности, нередко поступают в легальный оборот, что способствует созданию материальной базы для сращивания кримина-

литета с легальным бизнесом. Лидеры и члены организованных преступных формирований значительную часть средств пытаются выгодно вкладывать в создание предпринимательских, коммерческих и финансовых организаций (Недобросовестные должностные лица в большинстве случаев накопили капитал путем приватизации государственной либо муниципальной собственности по цене в десятки раз меньшей ее реальной стоимости. Впоследствии некоторые из них перевели часть капиталов за границу. Преступники, имея юридический статус учредителей, руководителей организаций, занимаются под прикрытием легального бизнеса противоправной деятельностью (криминальным бизнесом). Данное обстоятельство во многом создает реальную угрозу экономической безопасности страны (Это также обусловлено тем, что рассматриваемые виды деяний все более приобретают международный, транснациональный характер). Чтобы своевременно упреждать подобные действия криминальных структур, подразделения экономической безопасности и противодействия кор-

рупции (ЭБиПК) совместными усилиями следователей в рамках сопровождения дел о легализации осуществляют комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий. Одними процессуальными мерами, как показывает оперативно-следственная практика, успешно решить эту задачу невозможно или крайне затруднительно.

Во-вторых, легализация – наиболее опасный вид преступления, который отличается высоким уровнем латентности, что позволяет криминальным структурам длительное время безнаказанно совершать преступления, выступающие источником получения доходов. Тем самым данный вид преступления превращается в разряд длящихся. В процессе оперативного сопровождения зачастую удается установить ранее неизвестные эпизоды как легализации, так и предикатных преступлений общеуголовной и экономической направленности.

В-третьих, многолетняя практика показывает, что расследование уголовных дел о легализации относится к числу дел повышенной сложности, а это, в свою очередь, предполагает умения, знания и навыки следователей, специализирующихся по делам данной категории. К сожалению, на сегодня таких работников достаточно мало. К тому же отсутствует и научно обоснованная методика расследования таких дел. Без преувеличения можно утверждать, что отчасти имеющиеся пробелы (просчеты) компенсируют сотрудники подразделений ЭБиПК, ставших инициаторами доследственных проверок.

Авторы настоящей статьи предприняли попытку рассмотреть некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, полученных преступным путем.

Несмотря на введение в действие в 1997 г. нового УК РФ, в котором содержатся нормы, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, криминальная ситуация в области противодействия легализации доходов вызывает особое беспокойство. Между тем следует заметить, что до сих пор нет единства мнения относительно оператив-

но-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства. Большое количество дискуссий среди специалистов в области теории ОРД вызывает понятийный аппарат (доходы, полученные преступным путем; легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем; операции с денежными средствами или иным имуществом).

Следует также отметить, что законодатель определяет понятие легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, как «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления» [1], исчерпывающий перечень которых содержится в уголовном законе. Между тем в числе понятий, которыми оперирует законодатель, мы не находим термин «противодействие», что, на наш взгляд, подталкивает к различным толкованиям.

Для того чтобы определиться с данным понятием, мы решили обратиться к ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». Под противодействием коррупции закон понимает «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений» [2]. Из приведенного определения видно, что законодатель употребляет данное понятие в широком его смысле. Думается, что такой подход оправдан, ибо достаточно большой перечень субъектов задействован в реализации функции противодействия. Аналогичная ситуация просматривается и по линии противодействия легализации.

Рассматривая противодействие через призму оперативно-розыскного обеспечения, следует отметить, что посредством последовательного решения задач, обозначенных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) (ст. 2), осуществляется такое обеспечение. Разумеется, задачи и противодействие – это не одно и то же. Противодействие легализации – не самоцель, в процессе его осуществления решаются вполне конкретные задачи. Законодатель в приведенном определении противодействия коррупции их называет. Перечень задач, решаемых в ходе противодействия, не совпадает с перечнем, указанным в Законе об ОРД. На наш взгляд, они и не должны совпасть, так как речь идет о различных видах деятельности. В частности, об оперативно-розыскной деятельности и о противодействии.

Говоря о противодействии легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем, мы полагаем необходимым законодательно закрепить само понятие «противодействие легализации», чтобы избежать его различных толкований. К тому же в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» это ключевой термин.

Возвращаясь к проблеме оперативно-розыскного обеспечения, важно подчеркнуть, что российское законодательство при формулировании понятия легализация, безусловно, опиралось на уже имеющиеся в этом плане наработки. Так, например, международная группа по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), созданная в 1989 г., под отмыванием понимает процесс сокрытия или маскировки существования, незаконного происхождения, движения, назначения или использования имущества или денежных средств, полученных незаконным путем. Как видим из приведенного определения, отмывание рассматривается как процесс, состоящий из ряда последовательно осуществляемых действий.

Проблема оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства (далее – сопровождение), несмотря на имеющиеся

некоторые разногласия среди специалистов теории ОРД, всегда оставалась в центре их внимания. Методологические и теоретические основы сопровождения рассматривались, в частности, в работах Э.И. Бордиловского, С.Н. Иванова, С.М. Самоделкина, В.П. Хомколова и других ученых [3].

Как нами отмечалось, в теории ОРД на сегодня не существует единого понимания сущности и содержания рассматриваемого вида деятельности. Одни авторы утверждают, что существует оперативно-розыскное обеспечение, другие – оперативно-розыскное сопровождение. Их сторонники не отождествляют эти понятия, вкладывая в их содержание имеющиеся между ними особенности. Так, например, Э.В. Марзаев полагает что «оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования экономических преступлений, совершенных на объектах сферы государственных внебюджетных фондов, представляет собой комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, осуществляемых сотрудниками БЭП на основе закона и иных нормативных правовых актов в рамках производства по конкретному уголовному делу в целях создания условий, для полного, всестороннего и объективного их расследования» [4]. Думается, что автор, представляя свое видение, неоправданно сужает реальные возможности оперативно-розыскного обеспечения. Многолетняя практика показывает, что подразделения ЭБиПК, осуществляя данный вид деятельности, не ограничиваются разработкой и проведением лишь комплекса оперативно-розыскных мероприятий. Как известно, по Закону об ОРД (ст. 6) их всего 14. Мы придерживаемся несколько иной позиции, говоря о содержании такого обеспечения, а именно: это система оперативно-розыскных мер, представляемой нами гораздо шире, нежели мероприятия.

Сторонники другой точки зрения (Б.П. Смагоринский, Е.М. Рябков, В.О. Захарова) утверждают, что оперативно-розыскное сопровождение – это комплекс проводимых сотрудниками оперативных подразделений ОВД оперативно-розыскных мероприятий по собиранию фактических данных, оказывающих влияние на событие преступления,

выявление лиц, их совершивших, возможность использования этих данных в уголовном процессе, их «легализацию» с целью получения судебных доказательств. Аналогичная картина прослеживается и здесь. Более того, посредством оперативно-розыскного сопровождения решается не только такая задача, как собирание фактических данных, но и предварительная их проверка и легализация полученных по результатам проверки материалов.

Мы исходим из того, что рассматриваемые понятия (обеспечение либо сопровождение) имеют много общего. Среди них, например, оба термина «работают» в одном правовом поле и входят в состав понятийного аппарата теории ОРД ОВД. К тому же как бы мы их не интерпретировали, указанные виды деятельности – прерогатива сотрудников оперативных подразделений ОВД, включая подразделения ЭБиПК. Общим для них является и то, что специалисты в области теории ОРД данные виды деятельности относят к числу организационно-тактических форм ОРД.

В то же время каждый из них, на наш взгляд, обладает специфическими особенностями (признаками), а именно:

- взаимодействие на этапе расследования легализации выступает неотъемлемой частью оперативного сопровождения («то, что сопровождает какое-нибудь явление, процесс» [5]), включающего осуществление комплекса согласованных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение нейтрализации противодействия заинтересованных в исходе расследования дела, государственной защиты участников уголовного процесса (при необходимости), максимально полного возмещения ущерба, причиненного преступными действиями подозреваемых (обвиняемых). Тогда как обеспечение выполняет функцию снабжения значимыми для следствия данными;

- сопровождение, как известно, очерчивает границы его осуществления (с момента возбуждения уголовного дела до завершения судебного разбирательства) (В ряде нормативных правовых актов МВД России употребляется термин «оперативное сопровождение». В одном из них установлен про-

межуток, в течение которого требуется обязательное осуществление сопровождения. Нами данный акт не приведен в виду его отнесения к числу документов ограниченного пользования). Что же касается обеспечения, то сторонники такой точки зрения утверждают о целесообразности ведения этой работы до вступления приговора в законную силу;

- сопровождение, несмотря на кратковременный его характер осуществления, подчеркивает тесную связь с процессом расследования дела, а обеспечение – подключение сотрудников ЭБиПК по мере надобности. При этом инициатива, как правило, исходит от следователя, в чьем производстве находится уголовное дело;

- сопровождение – это не разовое оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое в интересах следствия, а целый их комплекс. Выбор мероприятий при оперативно-розыском обеспечении во многом зависит от поставленной следователем перед оперативным работником задачи. При этом следует иметь в виду то, что следователь не вправе указывать оперативному работнику, какое именно оперативно-розыскное мероприятие целесообразно проводить. Как известно, это прерогатива самого сотрудника подразделения ЭБиПК.

Оперативно-розыскное сопровождение – объективно обусловленный процесс. Это во многом зависит от наличия совокупности факторов, диктующих такую необходимость. Среди них основными, на наш взгляд, выступают:

- отсутствие практических навыков у следователей, специализирующихся на расследовании уголовных дел о легализации. Оперативный работник подразделений ЭБиПК, представивший в следственное подразделение результаты ОРД, полученные им в процессе документирования, намного лучше знает не только фабулу легализуемых материалов, но и объем фактических материалов, собранных в отношении каждого проверяемого лица. Благодаря этому, облегчается изучение и их анализ следователем;

- частые реформы в системе ОВД, включая подразделения ЭБиПК (пересмотр, как правило, в сторону сокращения оргштатного расписания в связи с уточнением задач и

функций). Со своей стороны полагаем целесообразным разработать научно обоснованные критерии прежде чем произвести сокращение штатной численности сотрудников оперативных подразделений. Без этого, на наш взгляд, можно нанести ощутимый «удар» по профессиональному их ядру. Уже сейчас каждый раз, когда оцениваются результаты ОРД сотрудников подразделений ЭБиПК, в первую очередь отмечается низкий уровень их профессионального мастерства. Повышение эффективности оперативного сопровождения немыслимо без наличия профессионально грамотных работников;

- *наличие коррупционных связей подозреваемых и обвиняемых, в том числе среди работников правоохранительных органов.* Следователь, расследующий дело, не всегда в состоянии преодолеть в одиночку оказываемое на него давление. Оперативно-розыскное сопровождение заблаговременно сигнализирует о возможных действиях со стороны заинтересованных в исходе расследуемого дела лиц (подозреваемый, обвиняемый, близкие родственники, соучастники преступления, коррупционеры, защитники и др. участники процесса);

- *межрегиональные и международные связи криминальных структур, легализующих преступно добытые доходы* (в 2001 г. Россия присоединилась к Конвенции Совета Европы (1990 г.) «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности»). Они наглядно прослеживаются по преступлениям, связанным с выводом капитала за рубеж, а также невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте. Кроме того, такие связи присущи и по преступлениям, совершаемым с использованием образованных через подставных лиц юридических лиц (фирм-«однодневок») либо оффшорных компаний, контролируемых российскими гражданами;

- *придание незаконным финансовым операциям и сделкам правомерного вида.* Так, например, для того, чтобы незаконно обналичивать денежные средства через расчетные счета фирм – «однодневок», открытых в коммерческих банках, как правило, организуется целое преступное сообщество,

члены которых выполняют строго отведенную лидером роль. Полученные таким образом денежные средства, сумма которых исчисляется сотнями миллионов рублей, выводятся в теневой оборот;

- *множественность источников получения доходов для последующей их легализации.* В последнее время распространение получили факты хищений бюджетных денежных средств путем незаконного возмещения налога на добавленную стоимость. Так, только за 8 месяцев 2014 года выявлено 665 фактов мошенничества, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость. Раскрыто 18 преступлений, совершенных организованной группой либо преступным сообществом. Размер причиненного ущерба по оконченным уголовным делам составил более 2,4 млрд рублей. Привлечено к уголовной ответственности 118 лиц [6];

- *сложность в доказывании процесса отмывания преступных доходов.* Как нам представляется, она, прежде всего, обусловлена необходимостью сбора фактических данных по двум взаимосвязанным направлениям: а) по основному преступлению (источник преступного дохода); б) по легализации денежных средств, приобретенных преступным путем. В итоге основное преступление квалифицируется в совокупности со статьями о легализации. Инициатор доследственной проверки, используя оперативно-розыскные силы и средства, принимает меры по установлению данных «чернового учета», документов, отражающих проведенные операции и сделки, размера и времени получения дохода в виде денежных средств от преступной деятельности, а также момента их легализации. Кроме того, оперативный работник одновременно стремится выяснить размер и время получения дохода от законной деятельности, если таковое имело место;

- *трудности в установлении имущества, подлежащего конфискации.* Члены организованной преступной группы принимают меры по созданию видимости правомерного приобретения имущества либо получения прав на него, т.е. придания правомерного вида происхождению (владению),

пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом. Нередко избегают от документального оформления самих сделок. Разумеется, здесь речь не идет о декларировании источников происхождения денежных средств.

Легализация нами рассматривается как процесс, состоящий из трех фаз (размещение, расслоение и интеграция денежных средств). Трехфазную модель, в частности, предлагают эксперты ФАТФ [7]. При этом под *размещением* понимается перевод наличных денежных средств в мобильные финансовые инструменты, территориальное удаление от мест их происхождения. В то же время *расслоение* означает отрыв преступных доходов от источников их происхождения путем сложной цепи финансовых операций, направленных на маскировку проверяемого следа этих доходов. Наконец, под *интеграцией* эксперты ФАТФ понимают придание видимости правомерности преступно полученным капиталам. На этой стадии отделить законные доходы от незаконно полученных весьма трудно.

Следует также отметить, что эксперты ООН используют четырехфазную модель [8], включающую следующие стадии: 1) освобождение от наличных денег и перечисление их на счета подставных лиц; 2) распределение наличных денежных средств; 3) маскировка следов совершенного преступления; 4) интеграция денежной массы. Мы со своей стороны полагаем, что в России процесс легализации происходит по тем же условно выделенным стадиям, каждый из которых в процессе оперативно-розыскного сопровождения дел о легализации нуждается в закреплении данными, получаемыми из различных оперативных источников. Их взаимоувязка в ходе такой работы также входит в предмет документирования.

Следует отметить, что особенности сопровождения во многом обусловлены теми ситуациями, с которыми сталкиваются как оперативный работник, так и следователь. Изучение оперативно-следственной практики показывает, что оперативно-тактические ситуации, как правило, совпадают со следственными. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ,

чаще всего возникают следующие типичные ситуации:

а) выявлено основное преступление (предикатное), но не установлены все обстоятельства, подтверждающие сам факт легализации;

б) имеется информация об отмыывании преступных доходов, но не установлен источник их получения (основное преступление);

в) в наличии имеются сведения как о предикатном преступлении, так и данные о легализации денежных средств.

Во всех случаях по делам о легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, подлежат доказыванию:

- преступления, предшествовавшие легализации, которые связаны с получением неконтролируемой прибыли;

- используемые преступниками способы (приемы) на указанных нами стадиях процесса легализации;

- деятельность организованных преступных групп и сообществ, действующих в сфере легализации преступных доходов. Так, только в январе–августе 2014 г. было раскрыто 40 преступлений, совершенных организованной группой, и 80 – преступным сообществом;

- факты использования для осуществления незаконных финансовых операций предприятий и организаций, зарегистрированных на подставных лиц (фирм-«однодневок»);

- размер причиненного материального ущерба.

Сотрудники подразделений ЭБиПК, принимая их во внимание, уже на стадии доследственной проверки разрабатывают и осуществляют комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и закрепление этих данных, которые в последующем в процессе расследования уголовного дела могут быть использованы в качестве доказательств. Многолетняя практика показывает, что нередко следователь закрепляет процессуальным путем только то, что было установлено сотрудниками подразделений ЭБиПК на этапе доследственной проверки. Во многом это обусловлено низким уровнем их квалификации.

Оперативно-розыскное сопровождение нуждается также в совершенствовании. Как нам представляется, без учета негативных тенденций, наметившихся в сфере противодействия легализации, вряд ли возможно поднять рассматриваемый вид деятельности на качественно новый уровень. Практические и научные работники прогнозируют в названной сфере развитие таких тенденций, как:

- рост теневого оборота в финансовом секторе экономики;
- увеличение распространенности хищений средств кредитных организаций;
- рост числа криминальных банкротств коммерческих банков;
- увеличение фактов незаконного обналичивания денежных средств, их конвертирование и противоправный вывод капиталов за границу. Уже в этом году наблюдается некоторое увеличение объемов вывода денежных средств за границу.

На этом фоне, как нам представляется, ожидается дальнейшая интеграция организованных групп и преступных сообществ, использующих для отмыwania денег объекты экономики (коммерческие банки, предприятия). Нельзя не принимать во внимание и то, что в силу открытости границ, расширения экономических отношений между государствами транснациональные связи криминальных структур будут лишь наращиваться.

В этих условиях потребность в оперативно-розыском сопровождении, на наш взгляд, будет непременно возрастать. Возможно появление новых задач, решаемых в процессе его осуществления.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в январе-августе 2014 г. правоохранительными органами было выявлено 68 преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ (ОВД – 9). За этот период окончено расследованием уголовное дело о 75 преступлениях. К уголовной ответственности привлечено 36 лиц. Кроме того, за указанный период выявлено 526 преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ (ОВД – 258). К уголовной ответственности было привлечено 291 лицо.

Особо следует отметить, что по линии противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, сотрудники подразделений ЭБиПК, осуществ-

ляя оперативное сопровождение, стремятся наладить тесное информационное взаимодействие в первую очередь с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) [9] и ее межрегиональными управлениями. Указанная служба, как известно, «является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию в этой сфере, по координации соответствующей деятельности других федеральных органов исполнительной власти, а также функции национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения, по выработке мер противодействия этим угрозам» [10]. С помощью межрегиональных управлений отрабатываются необычные сделки, на наличие которых указывают, например, такие признаки (критерии), как запутанный их характер, не имеющий очевидного экономического смысла; несоответствие сделки целям деятельности организации, установленным учредительными документами этой организации; неоднократное совершение операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что целью их осуществления является уклонение от процедур обязательного контроля. Признаков необычных сделок, как показывает правоприменительная практика, достаточно много [11]. За ними нередко кроются противоправные деяния, борьба с которыми возложена на подразделения ЭБиПК, выступающие в системе ОВД головной службой по организации ОРД по противодействию легализации доходов, полученных криминальным путем. Росфинмониторинг на сегодня не является субъектом ОРД и отчасти по этой причине проявляет повышенную заинтересованность во взаимодействии с подразделениями ЭБиПК, подпитывающими информацией о фактах незаконной банковской деятельности, незаконном обналичивании и выводе денежных средств за рубеж.

Таким образом, оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства можно рассматривать с разных позиций: с одной стороны, как одну из форм ОРД, с другой – взаимодействие следователя и оперативного работника подразделений ЭБиПК по делам

о легализации есть составная часть сопровождения. В том и другом случае оно играет обеспечивающую роль по отношению к предварительному следствию по указанной категории дел. Однако это не означает «поглощение» сопровождения следствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (часть 1), ст. 3418.
2. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1), ст. 6228.
3. Бордиловский Э. И. Сущность и основные направления оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования групповых преступлений // Актуальные проблемы агентурно-оперативной деятельности органов внутренних дел : Труды / Академия МВД СССР. – М., 1990; Иванов С. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Иванов. – М., 2001; Самоделкин С. М. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Самоделкин. – М., 1994; Хомколов В. П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление : дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Хомколов. – М., 1984.
4. Марзаев Э. В. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в сфере государственных внебюджетных фондов (по материалам подразделений БЭП) : дис. ... канд. юрид. наук / Э. В. Марзаев. – М., 2009. – С. 233–234.
5. См.: Большой толковый русский словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2004. – С. 1035.
6. О повышении эффективности служебной деятельности и методического обеспечения вопросов борьбы с преступлениями в сфере экономики и коррупции : Информационно-справочные материалы Всероссийского совещания-семинара с руководителями подразделений ЭБиПК МВД по республикам, ГУ МВД России, УМВД России по иным субъектам Российской Федерации, управлений на транспорте МВД России по федеральным округам, Восточно-Сибирского и Забайкальского ЛУ МВД России на транспорте. – М. : ГУЭБиПК МВД России, Нижегородская академия МВД России, 2014. – С. 22–23.
7. Теневая экономика и экономическая преступность / под ред. А. К. Бекряшева, И. П. Белозерова. – М., 2008. – С. 123–127.
8. Давыдов В. С. Способы легализации преступных доходов / В. С. Давыдов // Право и безопасность. – 2004. – № 4. – С. 19–20.
9. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем : приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, ФСКН, ФТС, СК при прокуратуре, Федеральной службы по финансовому мониторингу № 309/566/378/318/1460/43/207 от 5 августа 2010 г.
10. См.: Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу : утв. указом Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу».
11. Рекомендации по разработке критериев выявления и определению признаков необычных сделок : приказ Росфинмониторинга от 8 мая 2009 г. № 103.

© Иванов П.И., 2015

© Булдин А.Е., 2015

Статья получена: 29.01.2015

УДК 347.94

А.А. Хайдаров

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ОТДЕЛЬНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

В статье рассматривается такой тактический прием, как предъявление доказательств на предварительном расследовании. Автор предлагает рассматривать предъявление доказательств не только как отдельный прием в рамках того или иного процессуального действия, но и как отдельное процессуальное действие.

Ключевые слова: предъявление доказательств, процессуальное действие, ознакомление с материалами уголовного дела, формирование доказательств.

Вопросы предъявления доказательств в ходе процессуальной деятельности дознавателя (следователя) были актуальными в 70-х годах прошлого столетия (Смилгайнис В.К., 1978 г.; Комарков В.С., 1973 г.; Соколов А., Токарева М., 1972 г.; Гапонов Ю.С., 1972 г.). Современные авторы также не обходят своим вниманием проблему предъявления доказательств в ходе уголовного судопроизводства [1, 2].

Развитие уголовно-процессуальной науки на современном этапе требует переосмысления многих теоретических воззрений на уголовно-процессуальную деятельность и не потому что они были неверными, а в связи с развитием технического прогресса, увеличением гарантий прав и законных интересов участников процесса и других причин.

Одной из важных тенденций на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве является возрастание количества конфликтных ситуаций между участниками уголовного процесса на фоне неурегулированности уголовно-процессуальных правоотношений, и как следствие этого процесса – всё увеличивающаяся регламентация уголовно-процессуальных отношений. Примером этого могут служить изменения, которые были внесены в ст. 144 УПК. Так, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, в настоящее время разъясняются их права и обязанности

и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Кроме того, УПК говорит том, что участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства, а при необходимости должна быть обеспечена безопасность участников досудебного производства. Подобные конфликтные ситуации возникают не только на стадии возбуждения уголовного дела, но и на других стадиях уголовного судопроизводства России.

В настоящей статье речь пойдет о таком тактическом приеме, как предъявление доказательств в ходе того или иного процессуального действия. Под тактическими приемами в теории криминалистики понимают приемы организации и планирования предварительного и судебного следствия, подготовки и проведения отдельных процессуальных действий [3].

Предъявление доказательств рассматривается в теории криминалистики как тактический прием логического воздействия.

В криминалистической энциклопедии предлагается следующее определение предъявления доказательств: это одна из форм использования доказательств в процессе расследования или в суде в целях подтверждения или опровержения какого-либо

тезиса, обстоятельства. Наиболее часто используется при допросе для изобличения во лжи и побуждения к даче правдивых показаний [4].

Наиболее распространенными формами предъявления доказательств в уголовном судопроизводстве являются оглашение ранее данных показаний участников уголовного процесса, ознакомление с заключениями экспертов (специалистов), предъявление вещественных доказательств. Предъявление доказательств возможно в ходе допросов, проверки показаний на месте, следственных экспериментов и других процессуальных действий.

Мы выступаем за правовую регламентацию применения этого тактического приема в ходе процессуальной деятельности дознавателя (следователя) в общих процессуальных формах в целях повышения гарантий прав и законных интересов участвующих в уголовном процессе лиц, и прежде всего подозреваемых, обвиняемых.

В соответствии с ч. 4 ст. 192 УПК, в ходе очной ставки оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, кино съемки этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке. Аналогичная норма содержалась в ст. 163 УПК РСФСР.

Приведем пример предъявления доказательств дознавателем (следователем) в ходе допроса одного из участников уголовного процесса. Указанное должностное лицо было вынуждено в условиях отказа от дачи показаний подозреваемого в ходе проведения допроса предъявить вещественное доказательство, изъятое в ходе обыска. Но как дознаватель (следователь) это может сделать, если это вещественное доказательство упаковано в коробку, которая опечатана, и это подтверждается подписями понятых. Из этого примера следует, что дознаватель (следователь) обязан вскрыть коробку с вещественным доказательством, предъявить его подозреваемому и сделать об этом отметку в протоколе допроса подозреваемого.

Возникает вопрос: как после этого должен упаковать дознаватель (следователь) вещественное доказательство в целях дальнейшего его использования в качестве такового по уголовному делу? Выходов из сложившейся ситуации нам видится несколько.

1. Дознаватель (следователь) может упаковать вещественное доказательство с приглашением понятых в рамках допроса подозреваемого. Однако данный способ решения поставленной проблемы противоречит смыслу производимых дознавателем (следователем) действий на допросе подозреваемого. Сложившая процессуальная ситуация будет выглядеть странно, если указанное должностное лицо прервет допрос подозреваемого, пригласит для этого процессуального действия понятых и сделает отметку в протоколе о повторной упаковке вещественного доказательства в протоколе допроса подозреваемого. Считаем упаковку вещественного доказательств в присутствии только допрашиваемого лица недостаточным для подтверждения доказательственных свойств этого вещественного доказательства.

2. Дознаватель (следователь) делает перерыв в ходе допроса подозреваемого и производит с приглашением понятых упаковку вещественного доказательства отдельным протоколом. В этом случае остаются сомнения, а будет ли упаковано именно то вещественное доказательство, которое было ранее изъято. Дознавателю (следователю) необходимо время, для того чтобы отлучиться из кабинета для подыскания понятых, приглашения их для участия в процессуальном действии, разъяснения им прав и для других процессуальных действий. Все это создает неустранимые сомнения по вопросам дальнейшего использования этого вещественного доказательства по уголовному делу.

3. Дознаватель (следователь), осознавая сложность сложившейся следственной ситуации, когда подозреваемый отказывается идти с ним на контакт, вызывает подозреваемого для предъявления ему вещественного доказательства, которое, по мнению следователя, должно способствовать преодолению указанной следственной ситуации. В ходе предъявления для ознакомления веще-

ственного доказательства участвуют двое понятых, которые были заблаговременно подобраны следователем. В ходе указанного процессуального действия составляется протокол по правилам ст. 180 УПК.

Нам представляется, что третий вариант является наиболее предпочтительным, поскольку он позволяет выполнить все требования уголовно-процессуального закона и не вносит сомнения относительно доказательственного значения вещественных доказательств, предъявленных тому или иному участнику уголовного процесса. Практическая деятельность дознавателей (следователей) в ходе досудебного производства идет именно по этому пути.

В условиях ускорения технического прогресса, доступности технических средств для органов предварительного расследования мы также можем рекомендовать следователю (дознавателю) предъявлять доказательства в ходе любого следственного действия с обязательным использованием технических средств видеофиксации. Использование средств видеофиксации позволит решить проблему с повторной упаковкой вещественных доказательств и сохранением их доказательственного значения. В этом случае проведение отдельного процессуального действия, а именно предъявление доказательств считаем необязательным.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд промежуточных выводов.

1. При предъявлении вещественных доказательств в ходе допроса того или иного участника уголовного судопроизводства возникают сложности, которые не позволяют в полной мере выполнить требования уголовно-процессуального закона. Однако обязательное применение средств видеофиксации позволяет преодолевать трудности без ущерба для доказательственного значения вещественных доказательств.

2. Предъявление вещественных доказательств с последующей его упаковкой в ходе допроса не соответствует характеру производимых процессуальных действий. Иными словами, приглашение понятых на допрос для подтверждения факта упаковки вещественного доказательства считаем неверным.

Положение УПК о том, что дознаватель (следователь) свободен в выборе тактики допроса, мы рекомендуем уточнить. Дознаватель (следователь) свободен в вопросах тактики предъявления доказательства в ходе производства допроса, если указанный тактический прием не влияет на возможность дальнейшего использования предъявленных доказательств по уголовному делу, а также если изучаемый нами тактический прием соотносится с характером производимого дознавателем (следователем) процессуального действия и не противоречит правилам формирования доказательств по УПК.

Мы уже отмечали выше, что предъявление доказательств рассматривается в литературе как тактический прием или как одна из форм использования доказательств. По нашему мнению, предъявление доказательств допустимо рассматривать шире, не только в качестве составляющей того или иного процессуального действия, но и в качестве отдельного процессуального действия.

Предъявление доказательств в рамках отдельного процессуального действия должно производиться в целях создания благоприятных условий для собирания доказательств в ходе производства последующих процессуальных действий.

В ходе опроса дознавателей (следователей), обучающихся на факультете повышения квалификации, автором было установлено, что часть следователей производит предъявление доказательств в ходе допросов участников процесса, а упаковку предъявленных вещественных доказательств производит в ходе допроса без участия понятых и применения средств видеофиксации. Кроме того, существует и другая практика в следственных подразделениях ОВД, когда следователь предъявляет для опознания вещественное доказательство в ходе осмотра предметов и документов. Данная практика, по нашему мнению, не соответствует положениям УПК и ее следует признать незаконной.

Основаниями для производства следственного осмотра является необходимость обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих зна-

чение для уголовного дела. Предъявление доказательств участникам процесса представляет собой не осмотр, а ознакомление их с частью материалов уголовного дела. Процессуальные действия дознавателя (следователя) при предъявлении вещественных доказательств не соответствуют такому следственному действию, как осмотр предметов и документов. В данном случае речь может идти о таком процессуальном действии, как частичное ознакомление с материалами уголовного дела того или иного участниками процесса.

Производство осмотра предметов и документов в случаях, когда подозреваемому (обвиняемому) предъявляется для ознакомления видеозапись с камер наружного наблюдения, на которой зафиксированы преступные действия подозреваемого (обвиняемого), выглядит нелогичным.

В тех случаях, когда следователь принял решение об оглашении данных предварительного расследования, он должен составить протокол о предъявлении доказательств. Считаем, что оформление процессуального решения дознавателя (следователя) в форме постановления необязательно. В ином случае придется требовать от дознавателя (следователя) выносить подобное постановление в любых случаях предъявления доказательств. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 192 УПК в случаях необходимости оглашения показаний в ходе очной ставки дознаватель (следователь) не обязан оформлять свое решение постановлением.

Возникает следующий вопрос: какие процессуальные правила должны соблюдаться дознавателем (следователем) при производстве предъявления доказательств в качестве отдельного процессуального действия?

Отчасти эти правила содержатся в ст. 161 УПК, где сказано, что разглашение данных предварительного следствия не должно противоречить интересам предварительного расследования и не должно быть связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной

жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается.

Положение о том, что разглашение данных предварительного расследования не должно быть связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, по нашему мнению, требует конкретизации, поскольку любое разглашение затрагивает интересы подозреваемого (обвиняемого).

Кроме того, следует уточнить права и обязанности участвующих в таком процессуальном действии, как предъявление доказательств. В любом случае предъявление доказательств, как и частичное ознакомление с материалами уголовного дела того или иного участника процесса, должно носить добровольный характер.

Наша научная позиция может быть подвергнута критике за то, что эффективность такого тактического приема, как предъявление доказательств в ходе следственного действия, гораздо выше, нежели его эффективность в рамках отдельного процессуального действия. С подобной критикой мы согласны, но настаиваем на том, что правила формирования доказательств на предварительном расследовании должны соблюдаться в любом случае и они не могут быть принесены в жертву вопросам раскрытия преступлений любой ценой.

Таким образом, принцип законности, а также правила формирования доказательств в рамках предварительного расследования должны в полной мере соблюдаться при предъявлении доказательств в ходе производства следственных действий. Мы не настаиваем на том, чтобы все случаи предъявления доказательств на предварительном расследовании дознаватель (следователь) производил в рамках отдельного процессуального действия. Однако в тех случаях, когда предъявление того или иного доказательства в рамках следственного действия невозможно, а предъявление этого доказательства ведет к утрате его доказательственного значения, дознаватель (следователь) обязан отказаться от этих действий, а дока-

зательства предъявить в рамках отдельного процессуального действий. Процессуальный механизм предъявления доказательств в рамках отдельного процессуального действия требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моторин А. С. Предъявление доказательств при допросе в условиях бесконфликтной ситуации / А. С. Моторин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2008. – № 3 (3). – С. 104–107.
2. Динаев Р. Р. Предъявление доказательств как один из основных тактических приемов допроса обвиняемого, отрицающего свою причастность к грабежу или разбойному нападению в отношении малолетнего / Р. Р. Динаев // Вестник СевКавГТИ. – 2011. – Вып. 11. – С. 94–97.
3. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА, 2001. – С. 453.
4. Криминалистика : краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1993. – С. 60.

© Хайдаров А.А., 2015

Статья получена: 20.01.2015

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уразаева Г. И.

Психология виктимной личности : учебное пособие. – Казань : КЮИ МВД России, 2014. – 285 с.

В учебном пособии рассмотрены вопросы виктимологии и психологии виктимной личности, детерминации развития личности и ее виктимизации, описаны их психологические механизмы, представлены модели онтогенеза виктимности личности в аспекте формирования девиантного поведения. Дана характеристика психологических особенностей основных видов виктимности личности, условий их генеза и динамики, виктимологической и психолого-педагогической профилактики.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов вузов МВД России, преподавателей, практических психологов и других специалистов системы высшего профессионального образования, сотрудников правоохранительных органов, всех тех, кто интересуется проблемами формирования личности и социального поведения.

УДК 347.921.3

А.Г. Гатауллин

И.В. Жуковская

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА

В статье раскрыты юридические аспекты проведения процедуры медиации; обоснованы правовые положения в соответствии с функционирующим российским законодательством о медиации; выделены риски, связанные с возможными злоупотреблениями в медиации либо возможностями принятия нежелательных медиабельных решений.

Ключевые слова: закон, право, спор, посредник, конфликт.

Медиация в современных гражданско-правовых отношениях является довольно новой формой конструктивного взаимодействия сторон. Представляя собой альтернативную процедуру урегулирования досудебных споров и конфликтов, она дает определенные преимущества участникам этого процесса, а также разгружает судебную систему. Услуга медиации в России еще не так широко востребована, как, например, в странах Евросоюза, где общество уже давно оценило все достоинства данного метода и признало его целесообразность в решении гражданских споров. Тем не менее, постепенно физические лица и корпоративные структуры России все больше внимания уделяют этому современному и эффективному способу регулирования разногласий [1].

Данный метод применим в различных отраслях гражданского права, включая трудовые, семейные и корпоративные споры. Однако стоит учесть, что эта процедура должна применяться с осторожностью. Безусловным требованием для результативного использования метода является обращение к опытным, прошедшим профессиональную подготовку специалистам (профессиональным медиаторам). В противном случае впоследствии велик риск возникновения

серьезных недоразумений. Компетентность профессионального медиатора – это один из базовых принципов использования досудебного метода для решения споров.

Результат применения этого юридического инструмента заключается в том, что стороны (участники конфликта) вырабатывают компромиссное решение спора под контролем независимого, профессионального или непрофессионального специалиста, оказывающего услуги медиации. Основное отличие этого метода от судебных разбирательств в том, что здесь нет проигравших. Суть медиации и заключается в том, чтобы удовлетворить интересы обеих сторон и найти оптимальный выход из сложившейся ситуации, с минимальными негативными последствиями и издержками.

Среди главных условий, которые беспрекословно должны соблюдаться при применении процедуры медиации, – это беспристрастность медиатора, добровольность, взаимоуважение, равноправие сторон, конфиденциальность и нейтральность третьей стороны. Именно такой подход дает все основания для нахождения конструктивного решения.

К преимуществам этого инструментария следует отнести меньшие временные из-

держки (период медиативной сессии составляет 2–2,5 часа) и психологический комфорт по результатам медиативного соглашения.

Обращение в центр медиации для решения гражданского спора, безусловно, первый шаг к добровольному урегулированию конфликта. А при помощи профессионального мастерства и компетентности третьей стороны – медиатора – возможно, прийти к оптимальному компромиссу в любом гражданском споре. К примеру, в Республике Татарстан функционирует Коллегия посредников по проведению примирительных процедур при Торгово-промышленной палате РТ, некоммерческое партнерство «Лига медиаторов Поволжья», а также Центр медиации, урегулирования конфликтов кафедры конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

Далее рассмотрим некоторые юридические аспекты проведения самой процедуры медиации. Авторы постараются вкратце обосновать правовые основания в соответствии с функционирующим российским законодательством о медиации, а также изложить некоторые нюансы [2].

Итак, остановимся на сфере применения медиации. Законодателем установлено, что процедура медиации применяется к конфликтам, возникающим, прежде всего, из гражданских правоотношений, включая осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности, конфликтам, которые возникают из семейных и трудовых правоотношений (с условием, что такие конфликты не касаются и не могут касаться интересов третьих лиц, не участвующих в процессе медиации, а также не затрагивают сферу публичных интересов) (ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»), далее – Закон о медиации). Процесс медиации не применим к коллективным трудовым спорам и публично-правовым конфликтам. При этом не стоит забывать, что в Европе процесс медиации коррелирует с урегулированием многосторонних споров (США, Канада, Европа и др.), в разрешении конфликтов, которые связаны с публично-правовыми правоотно-

шениями (США, Нидерланды, Германия и пр.). Более того, в некоторых странах медиативное соглашение может быть использовано в качестве восстановительного механизма в сфере уголовного законодательства, примером которого являются так называемые дела частного обвинения и частно-публичного обвинения (например, Великобритания, США, Норвегия, Австрия и пр.).

Медиативное соглашение может быть заключено на любом этапе урегулирования возникшего конфликта, как по инициированию самих сторон, так и по предложению судьи (см. п. 2 ст. 7 Закона о медиации). Главным условием является согласованное решение обеих сторон, прибегнувших к процедуре медиации до того момента, когда соответствующий суд или третейский суд примет окончательное решение по возникшему конфликту (п. 2 ст. 4 Закона о медиации). Имеющаяся юридическая практика отражает степень разъяснения обеим сторонам существующего права обращения к процедуре медиации, как в процессе подготовки дела к судебному разбирательству, так и в подготовительной части судебного заседания. Однако на сегодняшний день характер медиативных соглашений носит скорее формальный, нежели агитационный характер, не способствуя активности распространения российской медиативной практики. Следует отметить лояльность представителей судебной власти к самой процедуре медиации, но жесткость временных рамок и еще больше недостаточность знаний о процедуре медиации, понимания ее сущности остается одним из основных препятствий к компетентному направлению участников конфликтной ситуации к заключению медиативного соглашения.

Более подробно следует остановиться на тех документах, которые сопровождают проведение самой процедуры медиации. Процедура медиации базируется на взаимовыгодном соглашении сторон, предполагающем как письменные, так и устные соглашения, что, несомненно, не противоречит одному из основополагающих принципов процедуры медиации – свободе волеизъявления сторон. К письменным соглашениям, прописанным в Законе о медиации [3], относятся:

1) медиативное соглашение касающееся применения процедуры медиации документ, фиксирующий намерение/обязательство двух сторон при возникновении конфликта прибегнуть к процедуре медиации (п. 5 ст. 2 Закона о медиации). К нему относится как отдельное соглашение, так и медиативная оговорка в основном договоре. Следует отметить, что в медиативной оговорке может быть прописано обязательство сторон не обращаться в суд (третейский суд) на период проведения самой процедуры медиации. Существование медиативной оговорки в основном договоре предусматривает отложение спора на разрешение третейского суда (см. п. 5 ст. 5 Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»). Однако, существование медиативного соглашения в целом не является барьером для обращения в органы судебной власти (п. 3 ст. 7 Закона о медиации). Органы судебной власти обязаны учитывать силу обязательства сторон не прибегать к суду/третейскому суду на весь период проведения процедуры медиации, однако они имеют полное право принять дело к рассмотрению в тех случаях, когда одна из сторон, по ее мнению, защищает свои права (п. 1 ст. 4 Закона о медиации). Таким образом, очевидно, что процедура медиации не является обязательным досудебным методом урегулирования споров при обращении в органы судебной власти;

2) медиативное соглашение, касающееся проведения самой процедуры медиации (п. 6 ст. 2 Закона о медиации), следует понимать как начало самой процедуры медиации, при этом обязательство содержит такие сведения, которые указаны в п. 2 ст. 8 Закона о медиации. С формированием данного соглашения исчисляется отсчет некоторых периодов/сроков.

Период проведения процедуры медиации не должен превышать 60 календарных дней. Более уточненные сроки стороны могут устанавливать самостоятельно и указывать непосредственно в медиативном соглашении о проведении процедуры медиации, но не превышающем указанный законом период. Однако при некоторых обстоятельствах, при взаимном согласии сторон

и медиатора, рамки существующих сроков могут быть продлены в том случае, когда спор до начала примирительной процедуры был передан на рассмотрение в органы судебной власти, при этом период также не может превышать 60 дней. Это обстоятельство обосновывается тем, что во время проведения примирительной процедуры по инициативе самих сторон, при условии предъявления медиативного соглашения, органами судебной власти может быть отложено судебное разбирательство на период до 60 дней (п. 2 ст. 4 Закона о медиации, ч. 7 ст. 158 АПК РФ, ст. 6.1. ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»). Следует учесть, что продолжительность медиативной процедуры, не учитывая перерывов, как правило, составляет от одного до нескольких дней при длительности одной медиативной сессии от трех до восьми часов.

Законодатель прописывает в соответствии с п. 4 ст. 7 Закона о медиации, пп. 5 п. 1 ст. 202 ГК РФ, п. 4 ст. 202 ГК РФ, что, на период проведения медиативной процедуры может быть приостановлено течение срока исковой давности.

При иных дополнительных обстоятельствах сторонами может быть заключено дополнительное соглашение о конфиденциальности либо один из пунктов содержится в основном медиативном соглашении;

3) медиативным соглашением (ст. 12 Закона о медиации) является результат урегулирования конфликта посредством процедуры медиации, в котором стороны обосновывают договоренности, достигнутые ими на изъятии доброй воли. Медиативное соглашение – это гражданско-правовая сделка, исполняемая и базирующаяся на добровольности и добросовестности. Соотношение добровольного исполнения медиативных соглашений связано с самой сущностной характеристикой процедуры медиации. С помощью медиативного соглашения участникам конфликта предоставляется возможность на условиях равноправия достичь компромисса, отражающего их потребности и позволяющего реализовать двусторонние интересы.

Если процедура медиации была проведена после передачи дела на рассмотрение органам судебной власти, то медиативное

соглашение может быть рассмотрено в качестве основного мирового соглашения. При этом специфика процедуры медиации позволяет сторонам в процессе разрешения конфликта согласовать самые разные аспекты, в том числе те обстоятельства, которые лежат за рамками первоначально заявленных требований. В результате процедуры медиации сторонами могут быть совершены иные процессуальные действия, такие как – признание иска, уменьшение исковых требований или отказ от иска. Однако законодателем не прописано регулирование медиативного соглашения по спорам, возникающим из семейных и трудовых правоотношений. По мнению авторов, это говорит о пробеле в законодательстве, но так как обе стороны обладают правом прибегать к процедуре медиации для урегулирования указанных конфликтов, то к медиативным соглашениям по ряду конфликтов, а также к периоду их урегулирования, должны быть применены общие нормы, которые регулируют разрешение таких конфликтов.

Проведение процедуры медиации может прекратиться по следующим обстоятельствам (ст. 14 Закона о медиации):

- по письменной инициативе одной из сторон о дальнейшем отказе в проведении процедуры медиации (что обосновано принципом добровольности);
- по заявлению посредника урегулирования конфликта (профессионального или непрофессионального медиатора) по причине возникших обстоятельств, ведущих к нецелесообразности дальнейшей процедуры медиации;
- в связи с истечением календарных сроков проведения процедуры медиации;
- обе стороны пришли к мнению, что процедура медиации не решит возникшую конфликтную ситуацию.

Законодателем прописано, что посредник в урегулировании споров (медиатор) не может консультировать стороны по правовым вопросам, т.е. оказывать юридические консультации. Таким образом, участникам конфликта может быть предложен альтернативный вариант получения профессиональной юридической помощи. Несомненно, составление самого медиативного соглашения

будет более эффективным, если участвуют так называемые юридические консультанты сторон (юристы), что особенно важно при урегулировании коммерческих споров. Промежуточным документом может являться протокол о намерениях сторон, или так называемый меморандум о взаимопонимании, в котором пока нет юридических обязательств, но сформированы письменные договоренности, являющиеся основополагающими при заключении медиативного соглашения. Процесс организации и обеспечения проведения процедуры медиации с точки зрения практических аспектов, помимо указанных выше документов, предполагает возникновение необходимости в применении договоров об оказании услуг по подготовке и проведению процедуры медиации. Следует отметить, что в соответствии с Законом о медиации – медиативная деятельность не трактуется как предпринимательская.

Таким образом, медиация – это процедура разрешения сложившейся конфликтной ситуации, в которой ключевая роль отведена непосредственно самим участникам спора. Стороны – это «владельцы» конфликта, и им предоставлена возможность контролировать содержательную сторону принятого решения, а также оказывать влияние на процесс поиска и выработки эффективного решения, авторами и источниками которого они и являются.

За медиатором закреплена косвенная функция степени ответственности за достигнутые между сторонами договоренности, за их исполнение, влияние, а полная и прямая ответственность закрепляется за сторонами (участниками конфликтной ситуации). Таким образом, если в период проведения процедуры медиации не будет раскрыта, выявлена (предоставлена обеими сторонами) какая-либо информация, касающаяся существенных финансовых аспектов или прочих обстоятельств, то ответственность за результат проведения процедуры медиации, а также правоприменительная сторона соглашения лежит на самих участниках конфликта.

В статье 17 Закона о медиации прописано, что посредник урегулирования конфликта, возникшего спора (медиатор) несет ответственность за вред, который причинен им

сторонам вследствие осуществления своей деятельности в качестве медиатора. Данный аспект касается нарушения медиатором основных принципов как профессиональной этики, так и основных принципов медиации.

В статье 3,5 (Закона о медиации) законодатель указывает на соблюдение основных принципов медиатором, таких как: принцип конфиденциальности, принцип независимости, принцип добровольности, принцип беспристрастности самого медиатора, принцип равноправия сторон, а также выполнение принципа открытости (хотя данный принцип не прописан в законе, но предполагается в связи с правом сторон на открытость проведения самой процедуры медиации, открытость всех действий медиатора и открытость всех интересующих стороны вопросов).

Медиатор в соответствии с п. 5 ст. 11 Закона о медиации не имеет право высказывать своих гипотез и предположений о возможном варианте урегулирования конфликта или своем предпочтении в том или ином исходе событий, если только стороны сами не обратятся к нему с такой просьбой. К сожалению, законодателем не прописан так называемый перечень правил поведения как самого медиатора, так и регламента проведения процедуры медиации – эта особенность, по мнению авторов, связана не только с относительной гибкостью медиации, но и степенью применения самой процедуры в российской практике в сопоставлении со странами Европы. Однако никто не отменял общих требований, которые могут устанавливаться участниками конфликта, организацией, обеспечивающей прове-

дение процедуры медиации, требованиями и стандартами соответствующей СРО либо медиатором (пп. 1, 2, 4 ст. 11, п. 7 ст. 19 Закона о медиации), но непосредственное проведение самой процедуры медиации зависит только от медиатора.

И в заключение хотелось бы обозначить авторскую позицию относительно некоторых моментов, связанных с рисками, возможными злоупотреблениями в медиации либо возможностями принятия нежелательных медиабельных решений. В силу того что процедура медиация является добровольной, все принимаемые решения от начала процедуры до ее окончания, а также все промежуточные решения могут быть приняты только участниками конфликта и при условии полного взаимосоглашения сторон. Данное обстоятельство говорит о сведении к минимуму в медиации риска того, что будет принято решение, неблагоприятное для одной из сторон. Однако к числу возможных рисков причисляют вопрос сохранения конфиденциальности информации и прочей информации, касающейся участвующих сторон. Также на языке профессиональных медиаторов существует практика так называемых «немедиабельных дел» (к ним, в частности, относятся дела о банкротстве и дела, связанные с государственными и муниципальными структурами). В качестве перспективных экономических методов развития медиации, по мнению авторов, может стать формирование фонда финансирования медиаторов, существующего на взносы бизнес-структур (организаций), заинтересованных в услугах медиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гатауллин А. Г. О комплексном подходе к развитию медиации в России / А. Г. Гатауллин. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2011.
2. Жуковская И. В. Гатауллин Р. А. Арсенал примирения / И. В. Жуковская, Р. А. Гатауллин // Медиация и право. – 2009. – № 3 (5). – С. 98.
3. Официальный сайт справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гатауллин А.Г., 2015

© Жуковская И.В., 2015

Статья получена: 15.02.2015

УДК 297; 336.71.078.3

Г.Н. Хадиуллина

ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье проанализированы особенности банковской деятельности, осуществляемой в соответствии с принципами шариата, представлена трактовка категории «рибаа» как ключевого понятия исламского банковского дела, проанализированы проблемы и перспективы использования потенциала исламского банкинга в российской экономике.

Ключевые слова: исламский банкинг, альтернативные теории ссудного процента, инвестиционный договор (продукт), инструменты банковской деятельности, исламские финансы.

В условиях ухудшения макроэкономической конъюнктуры особую остроту приобретают вопросы сохранения сбережений населения и разработки эффективных инвестиционных стратегий субъектов предпринимательства, обеспечивающих устойчивый рост личного и национального благосостояния. В связи с этим в российском обществе наблюдается повышенный интерес к альтернативным финансам, к которым относится исламский банкинг, или банковская деятельность, основанная на принципах шариата. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует нормативная правовая база для ведения подобной деятельности. Согласно действующему законодательству, за пользование кредитом предусмотрена обязательная уплата процентов, а также ответственность за неисполнение денежных обязательств в виде процентов от суммы этих обязательств. В статьях 5 и 29 закона «О банках и банковской деятельности» указано, что проценты – это единственно возможный инструмент приращения средств как кредитной организации, так и ее клиентов [1]. Именно это стало причиной отзыва лицензии и закрытия 1 января 2007 года исламского банка «Бадр-Форте Банк», который был учрежден в России в 1991 году и применял технологии ведения банковского дела, основанные на принципах шариата.

Использование ресурсов или обмен ими противоречит нормам шариата, если при

этом не соблюдается принцип эквивалентности, а также устанавливается обязательное к выплате, априори фиксированное вознаграждение за ресурс – «рибаа» (восходит к корню «ра-ба-ва», обозначающему в глагольных формах такие действия, как «расти», «увеличиваться», «превышать»), ибо эта форма вознаграждения рассматривается как прибыль, полученная без приложения производственных усилий.

Категория «рибаа», являясь центральной категорией, выражающей суть исламского банковского дела, являлась предметом пристального внимания сторонников и противников исламской экономической модели. Исследователи исламских финансов отмечают, что, «поскольку рибаа есть общественно-экономическое явление, объективный ответ на вопрос о дефиниции требует интегрированного подхода по трем направлениям: этимологическому, эпистемологическому и эвристическому. Во-первых, на этимологическом уровне интерпретация рибы должна выводиться из базовых исследований, посвященных арабской лексике. Во-вторых, в эпистемологическом плане нам следует изучить те специфические контексты Корана, в которых используется слово «рибаа» или его производные. В-третьих, на эвристическом уровне все элементы и составляющие, помогающие объяснить категорию «рибаа», должны быть собраны воедино, для того чтобы определить, что та-

кое экономика, свободная от рибы, и как она может развиваться» [2].

Анализ термина «рибаа» на этимологическом уровне, проведенный нами с использованием справочного материала, позволил определить его сущность как «превышение», «прибавка» или «преимущество», которое возникает для одной из договаривающихся сторон за счет другой стороны в конкретной трансакции [3].

В Коране термин «рибаа» и сопряженные слова используются для обозначения «превышения», «прибавки», «преимущества», возникающих в результате реализации неэквивалентного обмена стоимостями, изымаются одной стороной у другой без возмещения или соразмерного уменьшения бремени (Коран, 2:276 – 279; 3: 125; 30: 38).

Применение эвристического подхода к исследованию института «рибаа» позволяет предположить, что свободная от «рибы» экономическая система характеризуется отсутствием стяжательства и искажений принципов эквивалентного обмена. В связи с этим банковский процент может быть отнесен к категории «рибаа» только в том случае, если его значение становится чрезмерным, или «ростовщическим». Таким образом, следует различать процент как естественную цену такого фактора производства, как капитал и ростовщичество, которое определяется как непомерная или эксплуататорская норма процента. И если «рибаа» представляет собой всегда определенное увеличение денежной суммы или объема товарной массы по сравнению с исходным значением, то не всякий прирост рассматривается как «рибаа». Для того, чтобы процент как доход был отнесен к категории «рибаа», должно выполняться несколько условий: его фиксированный характер; срочность и зависимость от срока ссуды; гарантированность выплаты вне зависимости от результата процесса производства (обращения), для реализации которого были заимствованы деньги; обязательность выплат, гарантированная государственным аппаратом принуждения.

Осуждая «рибу» как один из наиболее тяжелых грехов, исламское учение воспроизводит этические нормы доисламских уче-

ний и положения, содержащиеся в Ветхом завете. «Но Бог позволил прибыль в торговле, а лихву запретил. Тот, к кому придет это наставление, и он будет воздержан, тому будет за то снисхождение: деятельность его пред Богом. А те, которые обратятся к прежнему, – те будут страдальцами в огне, в нем они останутся вечно» (Коран, 2:276). «...Верующие, бойтесь бога и оставьте то, что достается вам лихвой, если вы верующие» (Коран, 2:278). «... Если не сделаете того, то знайте, что у Бога и посланника Его война с вами» (Коран, 2:279). В одном из хадисов указывается, что Мухаммед считал взимание процента грехом в 36 раз худшим, чем супружеская измена. Отличие социальной доктрины Ислама от соответствующих представлений в христианстве и иудаизме по этому вопросу состоит в том, что она не проводит разграничения между сущностью «рибаа» и ростовщичеством. Это позволяет рассматривать процент и «рибу» как категории, имеющие одинаковое содержание в исламской социальной доктрине.

В силу указанного запрета, во-первых, не допускается обмен неравными суммами денег (кредитная операция); во-вторых, в случае привлечения заемных денег распределение прибыли и убытков осуществляется в соответствии с долей их обладателей в капитале предприятия. Это означает, что банки, выполняющие традиционную роль финансового посредника, получают доход, который зависит от конечного результата деятельности предприятия и правильности произведенной оценки его экономической жизнеспособности, объема спроса в данном секторе рынка, а также управленческих и предпринимательских способностей партнера-бизнесмена. Главная особенность функционирования кредитной системы исламской экономической модели заключается в отказе от ссудного процента как «цены денег», который подвержен влиянию множества субъективных (прежде всего спекулятивных) факторов, и введение в экономическую практику категории «эффективность капитала». Таким образом, ресурсы, ориентируясь непосредственно на норму доходности, перетекают в те сектора экономики,

которые объективно в них нуждаются.

Profit and loss sharing – («участие в прибыли и убытках», «солидарное разделение прибыли и убытков») (PLS), или мобилизация средств через прямое участие в капитале, – основа исламской системы. Данный принцип характеризует механизм функционирования рынка акций. В экономической литературе высказывается точка зрения, что в противоположность чуждому исламу долговому финансированию (через традиционный банковский кредит), будущее корпоративных финансов всех государств с регулируемой рыночной экономикой находится за принципом Profit and loss sharing [4]. Таким образом, в VII веке в рамках исламской концепции миропорядка был сформулирован принцип, позволяющий успешно функционировать ряду исламских банков на современном этапе развития экономики.

Современная экономическая наука рассматривает ссудный процент как важнейший элемент денежно-кредитной политики, как цену заемных средств, или инвестиции, которые можно потратить на приобретение материальных капитальных благ (станки, оборудование и т.д.) и вернуть, отдав часть прибыли за их использование в будущем. Капитал трактуется как поток нового капитала, который появляется в данный момент на производстве. В силу вышеуказанного понимания содержания данных категорий при анализе рынка капитала имеют в виду рынок денежного капитала. При наличии определенных различий в трактовках сущности денежного обращения и ссудного процента между современными экономическими школами и направлениями (кейнсианство, монетаризм и др.) следует отметить, что главной особенностью функционирования рынка денежного капитала признается необходимость сопоставления двух потоков – затрат и будущих доходов. При этом величина спроса на денежный капитал снижается с ростом ставки процента. В состоянии равновесия предельная производительность инвестируемого капитала равна предельной норме временных предпочтений, т.е. показателю того, что теряет предельный инвестор, отказываясь от немедленного ис-

пользования своих свободных средств. Таким образом, обеспечивается максимизация отдачи от инвестиций в масштабе общества – объем капиталовложений достигает значения, превышающего альтернативные издержки от их немедленного использования. Полезность доходов, получаемых в будущем, является меньшей, чем сегодняшняя, так как на текущие доходы в будущем можно получить проценты. Следовательно, необходимо пересчитать будущие поступления путем дисконтирования. При этом ставка дисконтирования равна предельной норме временных предпочтений потребителя. Таким образом, для каждого уровня ставки процента потребитель определяет максимизирующий его полезность уровень настоящего и будущего потребления. Различие между рынками капитала по периоду кредитования, степени риска, используемым инструментам отражается в различии уровня процентной ставки.

Как известно, классическая теория связывает спрос на деньги с реальным доходом, тогда как кейнсианская концепция в качестве основного фактора спроса на деньги называет ставку процента. При этом кейнсианская теория спроса на деньги, или теория предпочтения ликвидности, выделяет три мотива, побуждающие людей хранить часть денег в виде наличности: транзакционный, предосторожности и спекулятивный, основанный на обратной зависимости между ставкой процента и курсом облигаций.

В рамках исламской экономической модели временной фактор как особенность функционирования рынка денежного капитала не отрицается, но в то же время подчеркивается, что его нельзя рассматривать как источник ссудного процента. В частности, исследователи исламской экономики Х. Дар и Дж. Пресли отмечают: «Вся ... дискуссия о ростовщичестве в итоге переносится на наше отношение к временному фактору. Из оправдания процента, вполне буквально, вытекает, что «время – деньги». Коль скоро просто прошествие времени, как предполагается, автоматически меняет стоимость активов, денег и [степени получаемого] удовлетворения, отказ от

них на время (посредством отдачи в ссуду) автоматически оправдывает процент как компенсацию. Противники процента с этим не согласны. Поскольку ничто в будущем не является предопределенным, мы не должны действовать так, как будто предопределенность существует. Зависящие от конкретного результата контракты участия в прибыли и аренды позволяют в течение определенного срока получать положительную доходность и эксплуатировать полезные свойства товаров длительного пользования. Но они не предусматривают как данность, что прошествие времени само по себе обязательно производит что бы то ни было. Следовательно, не имеет под собой оснований попытка оправдывать дисконтирование через положительное временное предпочтение» [5]. Маль-Гари из Университета им. Короля Абдельазиза в Джидде (Саудовская Аравия), в свою очередь, отмечает, что «процентной ставке нет места в банковской деятельности, и временная ценность денег полностью игнорируется в ссудном деле. Кредит – акт сострадания, вознаграждение дающему обещано в загробной жизни. Верующие поощряются к тому, чтобы одалживать нуждающимся, не ожидая компенсации за временную стоимость денег. На самом деле, ислам обещает, что воздаяние за такие ссуды превзойдет воздаяние за благотворительность... Шариат признает стоимость денег во времени для контрактов купли-продажи, но не для кредитных операций... Компенсировать займодавца деньгами с учетом временного фактора – нормально, но лишь пока его капитал используется для создания стоимости, равной или большей, чем та, которая компенсируется» [6].

В исламской экономической модели в качестве основного фактора, определяющего динамику сбережений домохозяйств и государства, рассматривается доход. Сторонники исламской модели миропорядка используют положения кейнсианской концепции для доказательства незначительной роли ставки процента при формировании объема сбережений, указывая, что мотивами последних выступают покупки дорогостоящих товаров; обеспечение от старости; стра-

хование о непредвиденных обстоятельствах; обеспечение детей в будущем и т.д. В то же время динамика процентных ставок влияет на динамику инвестиций. Как известно, кейнсианская трактовка взаимосвязи нормы процента и инвестиций отличается от классической трактовки, согласно которой объем сбережений находится в прямой зависимости от процентной ставки. Рост сбережений при этом рассматривается как фактор, который в долгосрочном периоде приведет к увеличению объема инвестиций.

Сторонники исламской экономической модели акцентируют внимание не только на экономические факторы, действие которых порождает склонность к сбережению, но и на социальные факторы, в качестве которых они рассматривают благоразумие, скупость, престиж и др. Поскольку процентная ставка фиксируется относительно объема денежного капитала и должна задать степень их прироста за единицу времени, она не может служить мерилom вклада, при котором деньги как капитал вносят в производство конечного продукта. Кроме того, она прямо не связана с величиной его стоимости, возникающей в результате взаимодействия всех факторов производства. Принцип распределения дохода, являющийся одним из важнейших элементов исламской экономической модели, гласит, что каждый из факторов производства должен получать вознаграждение в соответствии с характером вклада и его результатом. При постоянном значении объема вклада результат не характеризуется постоянством и его значение может существенно отклоняться от прогнозируемого уровня. Имманентный исламской доктрине принцип справедливости требует, чтобы вознаграждение владельца капитала соотносилось с его вкладом, следовательно, он может претендовать только на часть прибыли, размер которой будет определяться конкретными условиями сделки. Средняя доходность капитала в экономике в целом может рассматриваться как результат действия всех трансакций. Ее количественным выражением выступает естественная ставка процента, которая противостоит в данном контексте рыночной ставке, зависящей от действия спроса и пред-

ложения на денежном рынке. Естественная ставка процента, в свою очередь, зависит от прибыльности инвестиций.

В 2014 году Ассоциация российских банков выступила с инициативой принять закон «Об исламских финансах», который должен стать основой для развития исламского банкинга в Российской Федерации. В качестве ключевого инструмента реализации принципов исламского банкинга законопроект рассматривает инвестиционные (договоры) продукты, основанные на исламском контракте «мудараба», в соответствии с которым клиент передает свой капитал в управление кредитной организации на условиях разделения получаемой прибыли и принятия риска убытков в рамках вложенного капитала. Мудараба является классическим инвестиционным договором в Исламе и представляет собой аналог классических банковских депозитных продуктов. Использование подобного инструмента в деятельности коммерческих банков приведет к необходимости отдельного учета средств от осуществления исламских операций, организации отдельных дополнительных схем учета рисков и создания резервов, а также к созданию специализированных инвестиционных сче-

тов на базе банковских институтов без требования о возвратности и платности. В свою очередь, организация выпуска исламских облигаций («сукук») требует внесения изменений в российское законодательство по ценным бумагам, а участие банковских организаций в договорах аренды с последующим выкупом предполагает разрешение действующим по исламским принципам филиалам традиционных банков заниматься лизинговыми операциями.

Использованию потенциала альтернативных финансов препятствует отсутствие единых стандартов, IT-платформы и системы подготовки специалистов для данного сегмента банковской системы. Следует также признать, что существует низкая степень информированности населения о сущности исламских финансов и особенностях функционирования исламского банка.

Решение указанных проблем позволит, на наш взгляд, сформировать предпосылки для реализации потенциала исламских финансов, которые могут стать дополнительным источником инвестиционных расходов и фактором преодоления кризисных явлений в российской экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 : действующая редакция от 29.12.2014. URL: <http://www.consultant.ru/popular/bank/> (дата обращения: 26.01.2015).
2. Цит по: Журавлев А. Ю. Теория и практика исламского банковского дела / А. Ю. Журавлев. – М. : Институт востоковедения, 2002. – С. 44.
3. См., например: Ислам: словарь атеиста / под ред. А. И. Зевельева. – М., 1988. – 254 с.; Энциклопедия Индонезии (от А до Я) (на рус. яз.). – М. : РАН и гр. компаний «Гео Спектрум», 1999.
4. Журавлев А. Ю. Ислам и экономика / А. Ю. Журавлев // НГ-Политэкономика. – 2000. – № 1 (42). – 18 января.
5. Dar H.A. and Presley J.R. Islamic Finance: A Western Perspective / H.A. Dar, J.R. Presley// International Journal of Islamic Financial Services. – Vol. 1. – № 1. – April-June 1999. – Bhubneswar, India.
6. Elgari M.A. Times is Money. Personal Finance / M.A. Elgari. – Middle East, June 1998.

© Хадиуллина Г.Н., 2015

Статья получена: 18.02.2015

УДК 004

Н.Р. Шевко

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются основные вехи в становлении современного понимания сущности информации. Автором представлены различные точки зрения понятия информации, подходы к пониманию через призму экономических показателей, явлений и процессов общества, экономического развития и научно-технического прогресса.

Ключевые слова: информация, информационная экономика, общество знаний, информационные технологии, информационное пространство, информационно-коммуникационные технологии.

Исторический процесс становления представлений о сущности информации и содержании экономики, основанной на знаниях, имел длительный период. Идеи нового индустриального общества (Дж. Гелбрейт), сформулированные в середине XX века, в современной экономической науке постепенно модифицировались и привели к становлению в концепции постиндустриальной (информационной) цивилизации (Д. Белл, Э. Тоффлер, Д. Рисмэн). Интенции функционирования информационного общества («общества знаний», «информационной экономики») предполагают активное использование информации и информационно-коммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, что приводит к принципиальным изменениям содержания экономических явлений и процессов. Информация как комплекс сведений и знаний об окружающем мире, методика ее передачи (технологии), а также процедуры ее распространения (СМИ) становятся важнейшими факторами поступательной макроэкономической динамики [1]. Как отмечается в Окинавской Хартии глобального информационного общества, «революционное воздействие информационно-коммуникативных технологий касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества» [2].

В настоящее время отсутствует единая трактовка сущности информации, при этом сохраняются различия в определении ее содержания в рамках различных отраслей научного знания – философии, экономики, социологии, естественных и технических наук. Традиционно информация выступала предметом изучения представителей различных философских школ и течений. Для Р.Ф. Абдеева, автора философской концепции «информационной цивилизации», информация есть материя, круговорот которой приводит к «новому мировому порядку», отраженному в информационной картине мира [3]. Согласно мнению Н.Ф. Пономарева, под информационным пространством может пониматься множество всех сообщений, которые транслируют социальные субъекты, используя технологии и средства массовой коммуникации (размещение рекламы, прокат кинофильмов, театральные постановки, мероприятия шоу-бизнеса, публикации в СМИ) [4]. Однако, на наш взгляд, необходимо трактовать информацию по К. Шеннону [5], который рассматривает ее как снятую неопределенность, или как необходимое условие для снятия неопределенности при наличии выбора из набора альтернатив.

Сущность информации выражается в ее основной функции, которая заключается в сокращении числа вариантов (снижении

разнообразия) выбора, что выступает основанием его осуществления экономическим агентом. Тем самым обеспечивается обоснованность решений и повышается их результативность.

Информационное пространство имеет определенные «территориальные признаки и может быть рассмотрено через понятия некой виртуальной территории, специфического ресурса, которые принадлежат государству». В данном случае, как замечает И.М. Дзялошинский [6], у любого пространства есть два главных признака: бытьместилищем чего-то и иметь границы. Таким образом, часто задается геополитическое понимание информационного «пространства-территории», где располагаются информационные ресурсы, источники информации, технологические системы сбора, обработки, распространения информации, а также пользователи информационных ресурсов, попадающие под юрисдикцию действующего на данной территории законодательства.

Информационное пространство с точки зрения своего содержания выступаетместилищем разнообразных образов, концептов, текстов, которые связаны друг с другом возможными переходами. Информационное пространство – это сфера отношений между людьми и общностями по поводу информации. В рамках социологии культуры, социологии массовой коммуникации, социологии связей с общественностью, экономики, философии, политологии могут быть изучены социально-структурные и экономические аспекты информационного пространства: институциональные формы, типология коммуникаторов, социальная дифференциация аудитории, формы отношений между различными типами коммуникаторов и реципиентов, социальные и экономические функции информации. В рамках данного исследования мы трактуем информационное пространство как совокупность контрактов, субъектами которых выступают носители информационно насыщенных факторов и результатов производства, что предполагает необходимость использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как материально-веще-

ственных носителей информации в процессе контрактации.

Взаимодействие информации и культурного пространства, получающее особую актуальность в эпоху глобализации, приводит к появлению новых типов культуры, кросс-культурных компетенций, которые становятся предметом междисциплинарных исследований. Согласно позиции Н.Б. Кирилловой, это приводит к необходимости решения ряда проблем, среди которых – «сохранение национальной идентичности в коммуникативном пространстве», «диалог культур» и «культурный плюрализм», «интерпретация культурного наследия», «риски и альтернативы будущего культуры», «возможность существования единой мировой культуры», «формирование современной модели культурной политики России» и др. [7] Данный фактор оказывает влияние на состав альтернатив и повышает уровень их разнообразия, из которых экономический агент осуществляет выбор, что способствует повышению ценности информации в условиях становления глобального экономического пространства.

Вместе с тем активное формирование современных информационных технологий и информационного общества в целом способствует не только модернизации межкуммуникационных взаимодействий и развитию интегративных функций экономической системы, но и структурному изменению разрешения противоречий, возникающих в процессе взаимодействия экономических агентов. Обладание информацией, а также ее использование и применение сторонами контрактных отношений при столкновении интересов либо возникновении противоречия представляется уже сформировавшимся и естественным инструментом разрешения конфликтной ситуации, вследствие чего на первый план выходят методы и формы сегментации реципиентов и доноров информации, способы обнародования и распространения информации для массовой аудитории.

На современном этапе научно-технического прогресса, развития информационных технологий и средств коммуникации в соци-

огуманитарных науках происходит теоретико-методологическое изменение концепта контрактных отношений, их основных форм и инструментов контрактации. Объективно складывающиеся реалии обусловили также видоизменение и модификацию содержания конфликта экономических интересов, методов и средств, используемых в ходе их разрешения. Так, например, активная деятельность сотрудников информационного ресурса WikiLeaks, опубликовавших в открытом доступе документы дипломатической переписки внешнеполитических ведомств ряда государств, вызвала неоднозначную реакцию мирового сообщества.

В качестве философской основы выступает атрибутивный подход, согласно которому информация выступает неотъемлемым свойством материи, находящейся в диалектической взаимосвязи с сознанием, что обуславливает сопоставимость объектов живого и неживого материального мира. Признание данного тезиса позволяет рассматривать информацию в качестве меры изменений, которые характерны для открытых систем и проявляются в динамике уровня структурно-функциональной упорядоченности или хаотичности. Сущностными характеристиками информации выступает объективность, что не предполагает с необходимостью включенность в экономическую или иную формы деятельности человека; единство и взаимообусловленность количественных и качественных характеристик, отражающих уровень упорядоченности материи; отсутствие вещной природы при наличии материального носителя. Следствием атрибутивного подхода выступает положение об информационном единстве реальной действительности. Аксиомой атрибутивного подхода является закон сохранения информации, в соответствии с которым информация, как субстанциональное свойство характеризующейся неоднородностью материи, сохраняется (накапливается) на всем протяжении ее существования при изменении своего содержания в результате трансформации реальности, что определяет преемственность развития.

В экономической теории существует позиция, согласно которой «информация»

трактруется как фактор производства, создающий условия для совершенствования воспроизводственного процесса посредством внедрения и использования сведений об экономическом развитии и протекающих в нем процессов с целью удовлетворения различных потребностей. С социально-экономической позиции сущность информации проявляется в реализации определенных экономических отношений, складывающихся между хозяйствующими субъектами в процессе совершенствования материальной основы производственных процессов. В связи с этим информация, подобно инфраструктуре, создает общие условия для экономического развития, так как удовлетворяет потребности производства и населения в целом.

При использовании информации на микроуровне не менее важно, чтобы она была достоверной и полезной. Использование критерия затраты/выгоды для оценки полезности управленческой информации берет свое начало в анализе затраты/выгоды. Зачастую для принятия управленческого решения необходимо найти компромисс между чрезмерным числом деталей, мешающих восприятию целостности картины, и недостаточной для конкретной цели детализацией. Содержание критерия затраты/выгоды сводится к тому, что информация является ресурсом и, подобно всем ресурсам, имеет стоимость, которая может быть либо явной, либо скрытой.

Большой объем информации может приводить к возникновению информационных перегрузок, влекущих за собой стрессы, кризисные ситуации, конфликты. С информационными перегрузками сталкиваются все менеджеры. Это обусловлено усложняющейся внешней средой, в которой действует организация, поэтому избежать подобных проблем невозможно, неэффективными фильтрами достоверности информации и нерешенностью проблемы сегментации доноров и реципиентов информации. Формирование избытка информации вызвано также повышением уровня ее доступности. В результате совершенствование информационного обеспечения в рамках реализации контрольной функции управле-

ния приводит к снижению эффективности их выполнения. Однако и дефицит информации может приводить к нерациональному поведению, а в экстремальных случаях - и к дисфункциональному поведению. В связи с этим представляется необходимым использовать информацию именно в тех формах и в том объеме, которые необходимы экономическому агенту для решения конкретных задач, но при этом оценивать затраты на ее получение. Точно установить величины затрат и выгод различных объемов информации не представляется возможным. Можно приблизительно определить чистую выгоду от информации, то есть выгоду за вычетом затрат. Но при этом необходимо оценить степень, в которой экономический агент действует на основе информации, и степень предпочтительности этих действий по сравнению с тем, что произошло бы в отсутствии данной информации.

В случае, если экономический агент выражает недовольство перегруженностью

информацией или пренебрегает формальной информационной системой в пользу неформальных источников, критерий затраты/выгоды не соблюдается. Характеристикой полезной информации выступает превышение выгоды от полученной полной информации над затратами на ее получение; если эти затраты не окупаются, то информация имеет высокую стоимость и ее получение нецелесообразно.

Потребность в целостной концепции информации возникает в условиях информационной экономики.

Тезис о том, что информация сегодня оказывает существенное влияние на изменение мироустройства, выступает исходной посылкой многочисленных исследований различных аспектов современной экономики. Принятие данного тезиса привело к изменению методологических подходов, аналитического инструментария и понятийного аппарата современной экономической науки на рубеже XX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

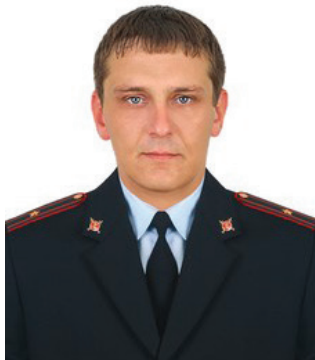
1. Посталовский А. В. Феномен информационного воздействия в современных социально-политических конфликтах / А. В. Посталовский // Вестник БДУ. – Сер. 3. – 2013. – № 1. – С. 94–97.
2. Окинава Хартия глобального информационного обществ. URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 12.01.2015).
3. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
4. Пономарев Н. Ф. Связи с общественностью: социально-психологические аспекты : учеб. пособие / Н. Ф. Пономарев. – СПб. : Питер, 2008. – 208 с.
5. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Иностранная литература, 1963. – 830 с.
6. Дзялошинский И. М. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская. – М. : Academia, 2007.
7. Кириллова Н. Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве / Н. Б. Кириллова // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 47. – С. 58–68.

© Шевко Н.Р., 2015

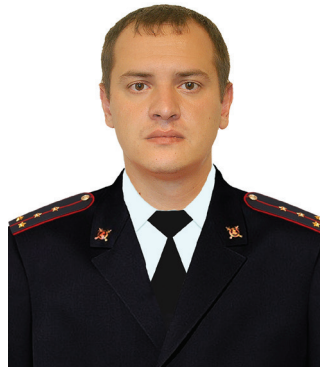
Статья получена: 18.02.2015

УДК 343.1

Н.С. Диденко

А.А. Истратов

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье освещаются актуальные вопросы участия граждан в уголовном судопроизводстве. Авторы рассматривают особенности участия граждан в отправлении правосудия, а также особенности их процессуального статуса в уголовном судопроизводстве, эффективность реализации предоставленных законном прав и исполнения обязанностей. В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные аспекты участия граждан и общественных объединений в деятельности по обеспечению достижения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правовая активность, правовой статус, правосознание, взаимодействие, уголовное судопроизводство.

Демократические преобразования общественного устройства, происходящие в Российской Федерации, с неизбежностью вызывают глубокие изменения в ее правовой системе. Наиболее значимым направлением в этой области преобразований стала судебная реформа, включающая в себя реформу уголовно-процессуального законодательства и судебной системы Российской Федерации.

В своем послании к Правительству Российской Федерации Президент В. В. Путин отмечает, что «одним из приоритетов в совместной работе государства и общества должна стать поддержка правозащитного движения. Рассчитываем, что в деятельности таких организаций не будет политической ангажированности, что она будет максимально приближена к интересам и проблемам конкретного гражданина, конкретного человека» [1, с. 6].

Для более детального рассмотрения вопроса об участии граждан в отправлении правосудия необходимо коснуться вопроса о правовой активности граждан. Деятельность граждан и общественных организаций является, в частности, одной из форм

проявления правовой активности и правовой культуры граждан и общества в целом.

Правовая активность характеризует жизнь права на той его стадии бытия, когда его предписания и принципы становятся реально действующими. В связи с этим, можно сказать, что право в действии сводится к правовой активности, содержанием которой являются любые проявления права в общественной жизни [2, с. 97].

Сущность правовой активности в уголовном судопроизводстве раскрывается во взаимосвязи категорий «субъект» и «объект». Их взаимодействие, процессы субъективации (переход и закрепление в организации и структуре субъекта свойств объекта) и объективации (реализации субъективных свойств вовне, опредмечивание объекта) и составляют суть категории «активность» [3, с. 66].

В юриспруденции данный процесс отражает собой явление, которое именуется дееспособностью. С внутренней стороны правовая активность как раз и отражает формирование дееспособности субъекта права, или тот компонент правосубъектности, который позволяет носителям прав

и обязанностей вступать в правовое общение, выступать активными участниками регулируемых правом отношений, одним из примеров которых может служить возникновение прав участников уголовного судопроизводства на принесение жалоб или заявления ходатайств.

Правоохранительным органам для успешного решения возложенных на них задач нужна опора на представителей общественности при предупреждении, выявлении и раскрытии преступлений а также при непосредственном рассмотрении дел в судах [4].

«Сотрудничество органов внутренних дел и общества – неотъемлемая часть правоохранительной деятельности, но сегодня это взаимодействие приобретает первостепенное значение. Очевидно, что МВД России испытывает острый дефицит общественного доверия, и проблема не только в плохом имидже или низком авторитете сотрудников, а в том, что этот дефицит доверия снижает вероятность оказания помощи полицейским гражданами, а без поддержки общества всегда тяжело», – отметил министра внутренних дел России В.А. Колокольников на встрече с членами общественного совета при МВД России [5].

Всеим гражданам, участвующим в уголовном судопроизводстве, гарантируется действенная защита их законных интересов, возможность активного использования предоставленных прав и исполнения возложенных на них обязанностей.

Положения закона обязательны для всех субъектов уголовного процесса для органов государства, осуществляющих производство по делу, соблюдение материальных и процессуальных законов составляет их обязанность перед государством и личностью, за нарушение которой к ним могут быть применены различные санкции, в том числе предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Выступая в качестве подозреваемого (обвиняемого), защитника, гражданского ответчика, потерпевшего, гражданского истца, представителя, переводчика, свидетелей, понятых, присяжных заседателей и т.д., граждане влияют на ход и результаты

уголовно-процессуальной деятельности. От их поведения, характера, направленности деятельности во многом зависит успешное и своевременное достижение назначения уголовного судопроизводства.

Участие граждан зависит от многих обстоятельств не только правового, но и экономического, социально-культурного характера. Уровень участия определяется целым рядом факторов, в частности правовым статусом. Вопрос о правовом статусе личности является актуальным для уголовно-процессуальной теории и правоприменительной практики. Процессуальный статус личности является правовой основой, базой ее активности в уголовном судопроизводстве.

Такая связь между статусом и активностью личности обусловлена внутренней связью их компонентов. Выработка правовой позиции, а тем более ее реализация основываются на соответствующих правомочиях. Не имея прав или имея их в недостаточном объеме, субъект не в состоянии проявить себя желаемым образом. Искаженное представление о правах и охраняемых законом интересах и ответственности сказывается на реальном поведении и критической оценке его результатов.

В своем исследовании Д.И. Селезнев отмечает, что объединение усилий должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и граждан в деле борьбы с преступностью средствами уголовного процесса возможно тогда, когда субъекты, цели и средства уголовно-процессуальной деятельности, а также среди их функционирования между собой взаимосвязаны и взаимообусловлены [6, с. 1].

В тех случаях, когда граждане не остаются безучастными к совершенным преступным деяниям, откликаются на соответствующие обращения правоохранительных органов, выражают готовность не только сообщить известные им сведения по делу, но и оказать содействие в раскрытии преступления, отыскании доказательств, розыске и задержании правонарушителя, преступления, как правило, раскрываются быстро и полно, виновные лица предстают перед судом и несут заслуженное наказание.

Одной из форм участия граждан в отправлении правосудия является общественный контроль [7, с. 163], осуществляемый как отдельными гражданами, так и их объединениями, специализированными органами, в том числе мнение и критика общества [8, с. 21], которые осуществляются, как правило, через средства массовой информации.

В Федеральном законе «О полиции» [9] вопросам контроля посвящена глава 10 «Контроль и надзор над деятельностью полиции», в которой предусмотрен не только государственный (ст. 49), судебный (ст. 51), прокурорский (ст. 52), но и общественный контроль (ст. 50).

Так, в статье 50 «Общественный контроль за деятельностью полиции» закреплено: «Граждане Российской Федерации, общественные объединения осуществляют общественный контроль за деятельностью полиции в соответствии с федеральным законом». Общественная палата Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью полиции в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [10].

Общественные наблюдательные комиссии и члены этих комиссий осуществляют контроль за обеспечением прав граждан в местах принудительного содержания, находящихся в ведении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [11].

В соответствии со ст. 50 Федерального закона «О полиции», ст. 33 Конституции, «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления», ч. 4 ст. 29 Конституции: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений,

составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом» [12], положениями федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [13], Инструкции по работе с обращениями граждан в системе МВД России [14], приказом МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» [15], граждане, реализуя свое конституционное право на обращения, как содержащие сообщения о происшествиях, так и не содержащие сообщения о происшествиях, получая информацию от органов внутренних дел, осуществляют контроль за деятельностью полиции.

В соответствии с приказом МВД России № 707 от 12 сентября 2013 года «Об утверждении инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе министерства внутренних дел Российской Федерации» граждане имеют право обращаться в государственные органы с различного рода обращениями, направленными как на защиту собственных прав, так и на улучшение и совершенствование законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитие общественных отношений, улучшение социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества [16].

В рамках гражданского общества обращения граждан выступают эффективным механизмом контроля общественности за деятельностью правоохранительных органов. Цели обращений граждан в качестве средства контроля – выявление нарушений законности в деятельности правоохранительных органов, злоупотреблений должностных лиц, выявление причин, повлекших отклонения от требований законодательства, а также формулирование соответствующего вывода и специфических мер по устранению, исправлению или нейтрализации выявленных нарушений прав и свобод граждан.

Однако отношение к уголовному процессу бывает и иным. Нередко граждане не проявляют интереса к работе правоохранительных органов, участвующие в деле лица не только не стремятся оказать содействие должностным лицам государственных органов, но под различными предлогами уклоняются от исполнения своего гражданского долга и юридических обязанностей.

Также особое место занимают граждане в сфере действия уголовно-процессуального права при решении вопросов, связанных с возбуждением, расследованием, судебным рассмотрением и разрешением уголовных дел. Оно возникает на основе и под воздействием норм уголовно-процессуального права, в ряде случаев – при содействии норм других отраслей права (государственного, административного, уголовного, гражданского), в той или иной мере используемых в уголовном процессе.

В фокусе ее непосредственной направленности могут находиться различные интересы: защита и восстановление личных благ граждан, нарушенных преступным деянием или оказавшихся под угрозой ограничения в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности; удовлетворение общественной потребности по предупреждению преступности и раскрытию конкретного преступления и т.д. Однако во всех случаях уголовно-процессуальная активность личности в конечном итоге связана с достижением назначения уголовного судопроизводства и целей правосудия по конкретным уголовным делам.

Деятельность в сфере уголовного судопроизводства осуществляется в строго определенном законом порядке. Порядок действий граждан, вовлеченных в производство по уголовному делу, предопределена законом, прежде всего нормами, предусматривающими их права, обязанности, ответственность. Проявляемая ими активность характеризует уровень отношения к исполнению и само исполнение правовых установлений, и в первую очередь тех, которые для них не обязательны.

К сожалению, уровень правосознания граждан не всегда позволяет им четко пони-

мать, как и что необходимо предпринимать для защиты своих прав и интересов.

Законная возможность участия общественных организаций в защите прав человека также может выражаться в оказании юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу [17].

В уголовном судопроизводстве, если правозащитники выступают на стороне обвинения, например, в качестве представителей потерпевших, это делает их процессуальными союзниками и помогает совместно решать процессуальные задачи. И даже когда правозащитники на стороне защиты, то это тоже не должно снижать ценности такого контакта, потому что правозащитники, как правило, указывают на нарушение процессуального законодательства, на ошибки в квалификации и т.д. [18] Еще одной формой участия граждан в отправлении правосудия является производство в суде с участием присяжных заседателей. Введенный в 1993 г. в УПК РСФСР раздел 10 «Производство в суде присяжных» свидетельствовал не просто о появлении новой процедуры в уголовном судопроизводстве. Положения УПК РСФСР существенно меняли представление о принципах справедливого правосудия. Реальными, а не декларативными стали принципы состязательности, презумпции невиновности, обеспечения права на защиту. Одной из распространенных форм завершения процесса рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей стал оправдательный приговор.

Суд присяжных – это не просто более широкое вовлечение представителей общества в отправление правосудия по наиболее серьезным уголовным делам, это актуальная в нынешних российских условиях форма судопроизводства, радикально меняющая сущность и содержание всего уголовного процесса. Судья становится беспристрастным арбитром, он больше не обязан в ходе судебного разбирательства восполнять пробелы и исправлять ошибки следствия. В суде присяжных, не связанных профессиональными навыками и привычками, знанием материалов дела, оценивающих фактические обстоятельства дела на основании

внутреннего убеждения и выносящих на их основе вердикт – виновен или не виновен подсудимый, иной смысл приобретает принцип состязательности, уравнивая возможности сторон (обвинения и защиты) в процессе, подлежат исключению из судебного разбирательства доказательства, добытые в ходе следствия с нарушением закона, через всю процедуру красной нитью проходит принцип презумпции невиновности. Однако в настоящее время наблюдается сужение подсудности суда с участием присяжных заседателей, а значит, и количества рассмотренных дел по существу.

Общественность как субъект участия в уголовном процессе – это различные организованные управляемые, устойчивые, сплоченные общностью целей, единством воли и действий объединения граждан и другие общественные образования, участвующие через своих представителей в расследовании и рассмотрении уголовных дел с целью содействия органам дознания, следствия, суда в выполнении функций предупреждения преступлений, воспитания людей в духе

строжайшего соблюдения законов и правил общежития, путем общественного воздействия на совершивших преступления лиц и других неустойчивых граждан [19].

По нашему мнению, участие общественности в уголовном процессе является одним из факторов обеспечения независимого, беспристрастного и справедливого судебного разбирательства, снижающим опасность неправомерного влияния на решения, принимаемые в ходе уголовного судопроизводства. Исключение из УПК России норм, касающихся института общественного защитника, участия общественных объединений, в том числе в исправлении судебных ошибок на стадии пересмотра судебных решений, снижает, по нашему мнению, уровень процессуальных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина. Представляется, что вопросы реализации правовой активности граждан и их объединений в уголовном судопроизводстве должны найти свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Послание Президента РФ к Правительству РФ от 12 декабря 2013 года // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 6258 (282). – С. 6.
2. Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие для вузов / В. И. Червонюк ; под общ. ред. д.ю.н., проф. В. И. Червонюка. – М. : Колосс, 2003. – С. 97.
3. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ) / В. И. Гойман. – М. : Академия МВД РФ, 1992. – С. 66.
4. Александров А. И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России / А. И. Александров // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 15.
5. РИА Новости от 30.05.2012. URL: <https://www.ria.ru> (дата обращения: 15.01.2015).
6. Селезнев Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Селезнев. – М., 2012. – С. 1.
7. О роли социального контроля в уголовном судопроизводстве указывал в свое время профессор В. Т. Томин. См.: Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В. Т. Томин. – М., 1991. – С. 163.
8. Воронов А., Кожуханов Н. М. Общественное мнение как критерий оценки эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности / А. Воронов, Н. М. Кожуханов // Российский следователь. – 2005. – № 7. – С. 21.
9. О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.12.2011). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).
10. Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).
11. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного со-

держания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).

12. Конституция РФ. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).

13. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.07.2010) // Российская газета. – 2006. – 5 мая. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).

14. Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в системе МВД России : приказ МВД России от 22 сентября 2006 года № 750. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2015).

15. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : приказ МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2015).

16. Об утверждении инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России № 707 от 12 сентября 2013 года. URL: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 15.01.2015).

17. Саркисов В. И. Взаимодействие российской прокуратуры с общественными правозащитными организациями // Правовые проблемы укрепления российской государственности / В. И. Саркисов ; под ред. д.ю.н. М. К. Свиридова. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2005. – С. 178.

18. Совершенствование взаимодействия общественных, правозащитных организаций и органов прокуратуры в вопросах защиты прав и свобод граждан (материалы «круглого стола» 12 мая 2004 г.) / под общ. ред. В. Г. Бессарабова, А. И. Рыбчинского, И. В. Михалевича. – М. : Моск. Хельсинк. группа, 2004. – С. 68.

19. Исаева Н. Н. Актуальные вопросы участия общественности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Исаева. – Уфа, 2009. – С. 8.

© Диденко Н.С., 2015

© Истратов А.А., 2015

Статья получена: 30.01.2015

Т.И. Гарипов

ЛОЖНО ПОНЯТЫЕ ИНТЕРЕСЫ СЛУЖБЫ КАК МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В настоящей статье автор раскрывает понятие мотива ложно понятых интересов службы в преступлениях против правосудия. Разграничиваются понятия мотивов ложно понятых интересов службы и иной личной заинтересованности. Затрагивается уголовно-правовой аспект проблемы конкуренции мотивов преступления. Проблемы квалификации должностных преступлений, совершенных по мотиву ложно понятых интересов службы, освещены с учетом судебных решений как Верховного Суда РФ, так и других судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: ложно понятые интересы службы, иная личная заинтересованность, конкуренция мотивов преступления, злоупотребление должностными полномочиями, их превышение.

Мотив как признак состава преступления в структуре многих составов Уголовного кодекса Российской Федерации [13] играет немаловажную роль, а в отдельных случаях решающую при правовой оценке того или иного противоправного деяния как уголовно наказуемого. В современной доктрине уголовного права сложилось представление, что мотивация присутствует при совершении как умышленных, так и неосторожных преступных деяний. Мотив преступления – это обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем [17, с. 587]. В некоторых должностных преступлениях мотив определяет преступность деяния (ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»). Чаще всего за преступными действиями либо бездействием должностного лица кроется корыстная заинтересованность. Корыстная заинтересованность чаще других мотивов побуждает должностное лицо преступать закон. В свою очередь преступления, совершаемые должностными лицами из корыстной заинтересованности, образуют массив коррупционной преступности, с проявлениями которой российское государство пытается бороться уже который год.

В УК РФ имеются составы преступлений, в которых мотив не является ни квали-

фицирующим, ни обязательным признаком. Составы, в которых мотиву не придается уголовно-правового значения, встречаются и в главах УК, в которых предусматриваются некоторые должностные преступления. К таким «безмотивным» преступлениям можно отнести некоторые составы, предусмотренные в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Все же «безмотивными» данные составы преступлений можно называть лишь условно. В любом осознанном действии (бездействии) человека присутствует мотивация. Просто в данном случае она оставлена за рамками уголовно-правового запрета.

Проблема ложно понятых интересов службы в качестве мотива должностных преступлений в уголовно-правовой науке недостаточно разработана. Тем не менее, это понятие исследовалось в рамках диссертаций исследований А.Ю. Буланова, А.Б. Кирюхина [3, 4]. Разработка содержания этого мотива осуществлялась, в основном, в рамках системы смягчающих обстоятельств. Отметим, однако, что формулировка ложно понятых интересов службы встречается не только в теоретических исследованиях правоведов. В приговорах судов о преступлениях против правосудия, при обосновании мотивации назначения вида и размера наказания также указывают на это понятие.

Как, например, в приговоре Астраханского областного суда по обвинению дознавателя территориального подразделения ОВД К. и оперуполномоченного С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ и по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 303 УК РФ, ч. 1 ст. 307 УК РФ [1], сфальсифицировавших свидетельские показания Ю. Согласно материалам уголовного дела, Ю. являлся понятым при изъятии у З. наркотического средства. В описательно-мотивировочной части приговора указано, что дознаватель К. действовала, исходя из ложно понятых интересов службы, желая в максимально краткие сроки направить уголовное дело в суд с целью повышения своего авторитета, не желая проверять законность задержания З. с наркотическим средством. Из данного приговора видно, что суд ссылается на ложно понятые интересы службы как на мотив совершения преступления, однако при назначении наказания это не учитывает.

Нам представляется, что для раскрытия существа мотива ложно понятых интересов службы необходимо выяснить, что же входит в интересы службы соответствующих должностных лиц предварительного следствия и дознания, совершивших преступление против правосудия? Так, в ст. 1 ФЗ «О полиции» [14] задачи полиции определяются как «...защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан,... противодействие преступности...». В ч. 1 ст. 2 этого же закона в качестве основных направлений деятельности полиции указывается на пресечение и предупреждение преступлений и административных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам. В ст. 1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [15] в качестве основных целей такой деятельности называется защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. И, наконец, в ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ [12, с. 23] устанавливается, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также

защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Представляется, что перечисленные в законодательстве и других нормативных правовых актах положения и являются интересами службы сотрудников всех правоохранительных органов.

Закономерным становится вопрос, что же побуждает должностных лиц указанных выше органов понимать интересы службы неадекватно с законом, т.е. ложно, и тем самым при определенных правовых условиях совершать должностные преступления против правосудия. Ответ на этот вопрос в большей степени находится в организационной плоскости. Ложно понятые интересы службы представляют собой мотивы действий должностных лиц, направленные, в первую очередь, на удовлетворение ведомственных, корпоративных интересов, а иногда и мотивов личного характера. Задачи служебной деятельности подразделений того или иного территориального ОВД обусловлены не только реальной защитой прав и законных интересов человека и гражданина, но и погоней за показателями служебной деятельности коллектива ОВД в отчетный период. В таких подразделениях нередко игнорируется своевременное рассмотрение и разрешение заявлений о совершенных преступлениях. Сотрудники ОВД (особенно молодые), исполняющие все требования уголовно-процессуального закона в ходе служебной деятельности, нередко становятся изгоями, руководство ОВД их считает неквалифицированными, что влечет за собой впоследствии дисциплинарные взыскания и причисление к разряду «неудобных». К сожалению, те из сотрудников, кто желают сохранить свою работу и не быть уволенным по надуманным основаниям, вынуждены приспосабливаться к корпоративным (узковедомственным) интересам. Сотрудники ОВД, которые прямо или завуалированно принуждают потерпевших к даче объяснений, являющихся основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела, передают материал проверки сообщения о преступлении в другое, как правило, соседнее подразделение, тем самым становятся «патриотами» подразделения и остаются на «хорошем» счету у руководства.

Если мотив корыстной заинтересованности понимается большинством правоведов и правоприменителей практически однозначно, то по вопросу трактовки мотива ложно понятых интересов службы единодушия нет. Ложно понятые интересы службы чаще относят к мотивам иной личной заинтересованности. В постановлении № 19 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. [9] мотив иной личной заинтересованности трактуется как «стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание преуспеть, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.д.» [4]. К сожалению, Пленум раскрывает понятие мотива иной личной заинтересованности неполно. Из трактовки Пленума нельзя понять, является ли мотив ложно понятых интересов службы личным или нет. В науке уголовного права этот вопрос является дискуссионным. Определяя понятие личной заинтересованности, Смолицкий Г.Р. в свое время писал: «Когда закон говорит о личной заинтересованности, нужно иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду либо узко личные интересы, но и те случаи, когда должностное лицо вносит в работу государственного аппарата чуждые интересы «своего» учреждения или предприятия общегосударственным интересам в целом» [10, с. 15]. Иной точки зрения придерживался Кириченко В.Ф., который считал, что, «указывая на личную заинтересованность, законодатель имел в виду противопоставить ее интересам учреждения или предприятия и, поскольку речь идет о совершении преступления, – не только подлинным, но и ложно понятым» [8, с. 112]. Характеризуя субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, Волженкин Б.В. указывал на то, что «при предъявлении обвинения должен быть конкретно указан соответствующий мотив личного характера, которым руководствовалось должностное лицо, совершая зло-

употребление должностными полномочиями. Весьма распространенная в свое время ссылка на узковедомственные или ложно понимаемые государственные или общественные интересы как на достаточный мотив для обвинения в должностном злоупотреблении – противоречит закону» [6, с. 115]. Эти доводы Волженкина Б.В. нам представляются убедительными и соответствующими духу закона. Деяния, подпадающие под ст. 285, 292 УК РФ, при установлении мотива ложно понятых интересов службы не являются уголовно наказуемыми, так как отсутствует мотив иной личной заинтересованности. В случае когда при таком же мотиве совершены преступления против правосудия, виновный подлежит уголовной ответственности, так как мотив ложно понятых интересов службы применительно к преступлениям против правосудия не имеет уголовно-правового значения. Так, приговором Свердловского областного суда следователь К. осуждена по ч. 3 ст. 303 УК РФ [2]. Судом установлено, что у следователя К. находилось в производстве уголовное дело, возбужденное по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе расследования дела установлено, что к совершению указанного преступления причастен Г. После чего К., находясь в служебном кабинете, в нарушение своих должностных обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией, статьей 38 УПК РФ, не сумев установить и допросить в качестве свидетелей лиц, участвовавших в качестве понятых в ходе осмотра места происшествия, осознавая, что имеющихся в уголовном деле доказательств виновности Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, недостаточно для направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и последующего вынесения обвинительного приговора, из ложно понятых интересов службы и личной заинтересованности, выразившейся в стремлении избежать негативных последствий служебной деятельности за неполноту расследования и нарушение процессуальных сроков, намереваясь ускорить производство предварительного следствия по уголовному делу, собственноручно сфальсифицировала протокол осмотра места происшествия, пе-

реписав его от имени старшего следователя А., заменив сведения об участии понятых Ш. и П., внося в него заведомо ложные сведения об участии понятых К. и Н., заведомо зная, что в действительности последние не участвовали в указанном следственном действии. После этого К. внесла заведомо ложные сведения, не соответствующие действительности, в протоколы допросов свидетелей Н. и К., выполнив их собственноручно, без присутствия указанных лиц, расписалась в протоколах от имени понятых Н. и К., а также от имени эксперта Е. и потерпевшей Р. в сфальсифицированном ею протоколе осмотра места происшествия. Кроме того, К. в протоколах допроса свидетелей Н. и К. собственноручно написала от имени указанных свидетелей фразу «с моих слов написано верно, мной прочитано» и расписалась от имени Н. и К. в сфальсифицированных ею протоколах допроса указанных свидетелей, тем самым сфальсифицировав доказательства. После этого К. приобщила сфальсифицированные ею официальные документы – протокол осмотра места происшествия, протоколы допросов в качестве доказательств к материалам уголовного дела, а подлинник протокола осмотра места происшествия с участием понятых Н. и К. уничтожила. В данном случае суд использовал формулировку «ложно поняты интересы службы» и «личная заинтересованность», не различая одно от другого.

Нам представляется, что использование в обосновании мотива содеянного этих разных формулировок является неверным. Ложно поняты интересы службы, по нашему мнению, исключают мотив личной заинтересованности. Такой же точки зрения придерживаются и другие исследователи. В диссертационном исследовании А.Н. Харченко, посвященном служебному подлогу, указывается, что «ложно поняты интересы службы как мотив поведения лица может относиться и к иным личным побуждениям. Когда субъект, действуя из ложно понятых интересов службы, осуществляет служебный подлог, у него отсутствует антисоциальный интерес, а соответственно, мотив иной личной заинтересованности. Следовательно, уголовная ответственность за служебный подлог должна

исключаться» [16, с. 15]. Судебная практика по этому вопросу складывается неоднозначно. Судебной коллегией по уголовным делам Омского областного суда от 2 марта 2006 г. отменен приговор суда первой инстанции и прекращено производство по делу по обвинению сотрудника органа внутренних дел в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Суд кассационной инстанции в обосновании этого решения подчеркнул: «Мнение суда о желании А. повысить статистические показатели работы УВД КАО г. Омска не может считаться личной заинтересованностью. Не усматривается из материалов дела и какого-либо продвижения А. по службе в результате единичного сокрытия от учета преступления. Боязнь критики и нежелание оставлять по результатам дежурства нерассмотренное сообщение о краже не является злоупотреблением должностными полномочиями, а свидетельствует о наличии в действиях А. дисциплинарного проступка» [5].

Данная позиция суда представляется обоснованной, однако применима лишь к преступлениям против интересов государственной службы, объектом посяательства которых является нормальная деятельность государственных органов. По отношению же к преступлениям против правосудия, совершаемым должностными лицами правоохранительных органов, суд при постановлении обвинительного приговора указывает, что отсутствие данного мотива при совершении таких преступлений не является основанием освобождения от уголовной ответственности, однако может, по усмотрению суда, учитываться при назначении наказания. На наш взгляд, такая практика противоречит принципу справедливости. Напомним, что в течение 2013 года в ОВД страны было рассмотрено 11 671 978 заявлений о преступлениях, по 1 761 545 из них было принято решение о возбуждении уголовного дела [11]. Поэтому вызывает сомнение то, что будто бы общественная опасность мотива ложно понятых интересов службы в преступлениях против правосудия выше опасности аналогичного мотива в преступлениях против интересов государственной службы и что в одном случае лицо привлекается к уголовной ответ-

ственности, а в другом не привлекается. Хотя там и там может быть один и тот же субъект, например, участковый уполномоченный или оперативный сотрудник.

Для разграничения понятия мотива ложно понятых интересов службы и мотива иной личной заинтересованности следует обратиться к проблеме конкуренции мотивов в уголовном праве. Волков Б.С. отмечал, что «мотивы, с которыми закон связывает квалификацию преступления, — это посвоему содержанию всегда разные побуждения, которые в качестве основных мотивов не могут быть соединены в одном преступлении» [7, с. 17].

Уголовно-процессуальная деятельность

как форма реализации правосудия затрагивает конституционные права и свободы человека и гражданина. Мотив ложно понятых интересов службы в преступлениях против правосудия, хотя и не является обязательным признаком этих составов, однако подлежит учету судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Создавать привилегированные составы в гл. 31 УК РФ, как предлагают некоторые авторы [8, с. 14], нецелесообразно. Предпочтительнее закрепить мотив ложно понятых интересов службы в ч. 1 ст. 61 УК РФ, в перечне обстоятельств, смягчающих наказание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Астраханского областного суда. Дело № 1-321-2012.
2. Архив Свердловского областного суда. Дело 2-90/2011.
3. Буланов А. Ю. Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступлений и назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Буланов. — М., 2004. — 176 с.
4. Кирюхин А. Б. Смягчающие обстоятельства в составе преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Кирюхин. — М., 1994. — 24 с.
5. Бюллетень судебной практики Омского областного суда. 2007. №1 (31). URL: http://oblsud.oms.sudrf/modules.php?name=docum_sud&id=40 (дата обращения: 21.10.2014).
6. Волженкин Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. — М., 2000. — 146 с.
7. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления / Б. С. Волков. — Казань, 1968. — 118 с.
8. Кириченко В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву / В. Ф. Кириченко. — М., 1956. — 147 с.
9. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 12.
10. Смолицкий Г. Р. Должностные преступления / Г. Р. Смолицкий. — М., 1947. — 69 с.
11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734> (дата обращения: 21.07.2014).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по сост. на 10 сентября 2014). — М. : ЭКСМО, 2014. — 64 с.
13. Уголовный кодекс РФ 1996 г. — М. : ИНФРА. М-НОРМА, 2014. — 55 с.
14. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7, ст. 900.
15. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ : в ред. от 21.12.2013 // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33, ст. 3349.
16. Харченко А. Н. Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Харченко. — Владивосток, 2012. — 26 с.
17. Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. — СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. — Т. 4. — 732 с.

© Гарипов Т.И., 2015

Статья получена: 03.03.2015

УДК 343.1

Э.П. Мельник

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЦАРСКОЙ РОССИИ И РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается история развития дифференциации процессуальных форм, начиная с Судебника 1550 года до 90-х годов XX в. Автором анализируется положительный правоприменительный опыт ранее существовавших процессуальных производств в теории и практике нашего государства.

Ключевые слова: дифференциация форм судопроизводства, протокольная форма досудебной подготовки материалов, ускорение уголовного процесса.

Пониманию современных проблем, связанных с системой и формами уголовно-процессуальных производств, во многом способствует представление о формах осуществления процессуальной деятельности в России двух последних веков – в российском дореволюционном и советском уголовном судопроизводстве. Отчетливые исторические параллели, прослеживающиеся в этот исторический промежуток с днем сегодняшним, имеют важнейшее значение для понимания стратегии и тактики продолжающейся в России судебной реформы.

За точку отсчета истории развития дифференциации уголовно-процессуальной формы в отечественном уголовном судопроизводстве процессуалисты принимают различные исторические этапы уголовного судопроизводства. Так, Х.У. Рустамов начинает рассматривать эту историю с Судебника 1550 года [1, с. 51], И.И. Гусева – с Уложения о судебных делах 1628 года [2, с. 15]. Можно согласиться с их утверждениями, что уже в этих актах прослеживаются тенденции законодателя дифференцировать производство по уголовным делам.

Однако классическим вариантом отсчета истории дифференциации российского уголовного судопроизводства в науке принято считать судебную реформу 1864 года. В результате проводимой в это время целой серии государственных реформ была, в частности, реализована доктрина разделения властей, имевшая важное значение и

для уголовного судопроизводства. Принцип разделения властей означал и разделение процессуальных функций. С этих пор совмещение функций кем-либо из участников процесса стало недопустимым. Кроме того, именно судебная реформа 1864 года четко разграничила уголовный процесс на досудебное и судебное производства, сделав, таким образом, его структуру схожей с ее современным состоянием. Как отмечает И.Я. Фойницкий, уже тогда выделяли предварительное производство, основное производство в суде и производство по пересмотру и исполнению судебных решений [3, с. 374].

20 ноября 1864 года в судебных уставах и Уставе уголовного судопроизводства (далее – УУС) обращалось особое внимание устранению медлительности, а именно: сокращение числа инстанций; введение непрерывности суда; возложение на председателя суда обязанности следить за быстротой судебного производства и принимать меры по ускорению процесса; установление определенных сроков на производство некоторых следственных и судебных действий; если этого требовали обстоятельства дела, судебное разбирательство продолжалось в праздничные и воскресные дни; регламентация ответственности судей за накопление дел в суде и медлительность процесса судопроизводства, произошедшие по их вине и т.п. [2, с. 20] Однако это в первую очередь касалось судебного производства.

В то же время именно УУС 1864 года

фактически учредил существование в России двух форм предварительного расследования – предварительного следствия, осуществляемого судебными следователями, и дознания, осуществляемого полицией.

Стоит отметить, что полиция являлась основным органом дознания, но не единственным. Так, наряду с полицией, дознание проводилось: по преступлениям, совершенным военнослужащими, – военным начальством; по должностным преступлениям и проступкам – гражданским начальством; по некоторым должностным и религиозным проступкам – духовенством; по преступлениям против казенной собственности – чиновниками определенных ведомств; по политическим преступлениям – жандармерией.

Уголовное законодательство этого периода предусматривало три категории уголовных правонарушений: 1) преступления; 2) проступки, предусмотренные в Своде законов уголовных и в Уложении о наказаниях, уголовных и исправительных; 3) проступки, за которые наказание налагалось мировыми судьями.

По предусмотренным категориям преступлений система российского уголовно-процессуального законодательства, наряду с основным порядком производства «в общих судебных местах», выделяла самостоятельные специфические или усложненные (упрощенные) порядки производств [2, с. 20]. Так, по делам о проступках, нарушивших общественные права, публичный порядок и спокойствие, полномочия полиции на производство дознания были значительно шире, чем по делам, подсудным общим судам. Им разрешалось производство следственных действий. Составленные при этом полицией акты могли быть положены в основу приговора [4, с. 776–777].

Применительно к судебной деятельности в УУС 1864 г. выделялось два вида производства: производство в мировых судебных установлениях и в общих судебных местах.

Книга 3 предусматривала изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства по следующим уголовным делам:

1) по уголовным делам, производимым с участием духовного ведомства:

а) по преступлениям против веры и дру-

гим, соединенным с нарушением церковных правил;

б) по преступлениям духовных лиц;

2) по преступлениям государственным, означенным в разделе третьем Уложения о наказаниях;

3) по преступлениям должности;

4) по уголовным делам, относящимся до разных частей административного управления:

а) по преступлениям против имущества и доходов казны;

б) по преступлениям против общественного благоустройства и благочиния;

5) по уголовным делам смешанной подсудности военной и гражданской.

В УУС 1864 г. существовали правила производства о преступлениях, совершенных военнослужащими и пограничниками. В соответствии со ст. 219 УУС 1864 г. воинские чины сухопутного и морского ведомств, а также пограничные стражи за преступления и проступки, учиненные во время состояния на действительной службе, подлежали суду военному.

Применительно к апелляционному производству выделялись особые правила процессуального производства в отношении несовершеннолетних. Так, в апелляционном производстве за несовершеннолетних отзывы могли подавать их родители, супруги, опекуны или те, у кого они находились на воспитании (ст. 861 УУС 1864 г.). В соответствии со ст. 963 УУС 1864 г. из осужденных в каторжные работы или в ссылку на поселение несовершеннолетние, имеющие менее двадцати одного года, обряду публичной казни не подвергались.

Таким образом, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года различался процессуальный порядок производства в зависимости от категории преступлений (должностные преступления, преступления экономической направленности, преступления против общественного благоустройства и благочиния) и преступлений, совершенных отдельной категорией лиц (духовенством, военными, несовершеннолетними).

Устав уголовного судопроизводства России, претерпев ряд изменений и дополнений, действовал до октября 1917 г. –

следующей важной вехой развития дифференциации процессуальных форм производства.

Разрушение старой судебной системы сопровождалось ликвидацией прежнего уголовно-процессуального права. Вместе с тем, поскольку судебные уставы были достаточно прогрессивными для своего времени, некоторые их идеи сохранялись и в советском законодательстве [2, с. 20].

Один из первых декретов советской власти – Декрет о суде СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. [5, с. 31–32] выделял особое процессуальное правило, которое действовало в условиях военного времени. Так, в указанном Декрете устанавливалось, что для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды должны были избираться полковыми советами, а где их нет – полковыми комитетами.

Согласно Декрету о суде № 2 от 7 марта 1918 г. [6, с. 40, 42], на местах были созданы следственные комиссии в составе трех членов из числа солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. На них возлагалось предварительное следствие по уголовным делам, не подсудным местным судам. Тем самым создавалась правовая база для учреждения органов предварительного следствия по общеуголовным преступлениям.

Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [7, с. 66, 68] установил, что уголовные дела о контрреволюционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании Советской власти и шпионаже рассматриваются революционным трибуналом, от которого зависит признание деяния не имеющим политического значения и передача дела в Народный Суд (ст. 4).

Декрет ВЦИК от 18.03.1920 «О революционных трибуналах (Положение)» предусматривал, что к ведению революционных трибуналов подлежат дела:

1. О контрреволюционных деяниях.
2. Дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет.
3. Дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участия в спекуляции той или иной формы,

равно как и об иных более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве.

4. Дела о явном дискредитировании власти Советскими работниками.

5. Дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела Комиссиями по борьбе с дезертирством будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству [8].

По указанным категориям уголовных дел указанным декретом устанавливался особый процессуальный порядок как на досудебном, так и на судебном производстве.

Фактически Декреты о суде № 1 и № 2 последовательно отменяли Судебные уставы 1864 г. и вводили новые нормы, определяющие в том числе и порядок производства по уголовным делам.

25 мая 1922 г. был принят первый УПК РСФСР [9, с. 188]. Согласно положениям УПК РСФСР 1922 г. к ведению революционных трибуналов подлежали дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. 57–73 и 119 Угол. кодекса;

б) о преступлениях против порядка управления, предусмотренных ст. 74–78; 80; 2 ч. 81-й, 82–86, 89, 91, 92; 2 ч. 97 Угол. кодекса;

в) о преступлениях воинских, предусмотренных ст. 200–203, ч. 3 ст. 204, ч. 3 ст. 205, 206; 2 и 3 ч. ст. 207, 208–214 Угол. кодекса.

г) о преступлениях должностных лиц, предусмотренных ст. 105–109 и 116–117 в тех случаях, если предусмотренные этими статьями действия имели особо тяжелые последствия, или были совершены должностным лицом в корыстных или иных личных видах, 110–112, 2 ч. 113, 3 ч. ст. 114 и 115 Уголовного кодекса;

д) об особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях, предусмотренных ст. 128, 130, ч. 2 ст. 131, пп. «е» и «з» ст. 180, ч. 2 ст. 183 и 184 (ст. 28 УПК РСФСР 1922 г.).

К ведению военных трибуналов подлежали дела о воинских преступлениях, совершенных военными служащими, и те дела о преступлениях не военными служащими, кои

были совершены ими совместно с военнослужащими или были совершены не военнослужащими в районе, где по условиям обстановки нет иных судов, кроме военных революционных трибуналов (ст. 29 УПК РСФСР 1922 г.).

Помимо военных и революционных трибуналов, в УПК РСФСР 1922 г. устанавливалась подсудность военно-транспортных трибуналов. К ведению военно-транспортных трибуналов подлежали те дела о преступлениях, подсудных революционным трибуналам, кои связаны с нарушением правильной деятельности железнодорожного и водного транспорта, причем дела о преступлениях не железнодорожных служащих и не служащих водного транспорта исключительно в случаях, если указанные преступления совершены этими лицами совместно с железнодорожными служащими или служащими водного транспорта или совершены ими в пределах полосы отчуждения железных дорог или если в данном районе нет губернских или военных трибуналов и они не обслуживаются их выездными сессиями (ст. 30 УПК РСФСР 1922 г.).

В УПК РСФСР 1922 года мы можем найти и особые правила применительно к уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Так, согласно ст. 40 при наличии в деле нескольких обвиняемых, из которых один или несколько несовершеннолетних (менее 16 лет), дело в отношении последних должно быть выделено и передано в комиссию о несовершеннолетних. В ст. 144 УПК РСФСР 1922 г. определение возраста обвиняемого, при отсутствии надлежащих документов, производилось путем медицинского освидетельствования, в тех случаях, когда имелось основание полагать, что обвиняемый является несовершеннолетним.

В апреле 1934 г. идея дифференциации процессуальной формы производства в сторону ее упрощения получила отрицательную оценку на I Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников, а впоследствии в руководящем указании пленума Верховного Суда СССР «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм» от 7 июня 1934 г. и в директивном письме Прокурора

СССР «О качестве расследования» от 13 августа 1934 г. Однако после убийства С.М. Кирова и участвовавших аварий (диверсий) на производствах в 1934 и 1938 гг. в УПК РСФСР были внесены дополнения, которыми вновь вводилась новая упрощенная форма производства по делам о террористических актах и диверсиях, явившихся узаконенным способом расправы с классово чуждыми элементами [10, с. 62].

Вектор развития идеи «упростить и ускорить процессуальную форму расследования по определенной категории дел» был реализован в дальнейшем в связи с политическим положением в стране.

В предвоенный период и в период Великой Отечественной войны значительное место в деятельности судебных органов занимали дела о преступлениях, дезорганизующих производство. В соответствии с изменениями обвиняемому в суточный срок вручалась копия обвинительного заключения, и дело передавалось на рассмотрение трибунала. Сокращенные сроки производства были установлены и по иным категориям уголовных дел. Такой порядок производства по делам данной категории просуществовал до 1956 г. [11, с. 71].

Упрощенные процедуры досудебного производства, возникшие в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, были связаны с расследованием дел о прогулах и самовольном уходе с работы (указы ПВС СССР от 26 июня 1940 г. и от 10 августа 1940 г., приказ НКЮ СССР от 26 августа 1940 г.), о мелких кражах на предприятиях (постановление СНК СССР от 13 сентября 1940 г.), о дезертирстве из оборонной промышленности (указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г.) и др. По этим делам, как правило, вводились сокращенные сроки следствия, нередко стадия предварительного расследования отсутствовала вообще, что в принципе соответствовало требованиям ст. 96 и 233 УПК РСФСР 1923 г. Сроки на вручение обвинительного заключения были сокращены до 24 часов (вместо 3 суток), не всегда для участия в судопроизводстве допускался защитник, отсутствовала стадия кассационного обжалования. По некоторым видам преступлений материалы готовили

руководители предприятий и учреждений. Создание подобных законов было вызвано условиями военного времени. По окончании Великой Отечественной войны большинство из этих преступлений перестало представлять опасность для общества, и перечисленные производства были упразднены [2, с. 69].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», упрощенным было производство по одноименным делам. Если преступник, совершивший кражу на предприятии, был задержан с поличным, предварительное расследование по этим делам не производилось. Органы милиции или администрации предприятия при задержании преступника составляли по указанным делам протокол, который подписывался, кроме лица, составившего протокол, также свидетелями. Этот протокол немедленно после его составления направлялся непосредственно в народный суд.

Дела о лицах, совершивших хулиганские действия и задержанных на месте преступления, направлялись органами милиции непосредственно в суд. По делам о лицах, совершивших хулиганские действия, но не задержанных на месте преступления, предварительное расследование производилось лишь в тех случаях, когда оно являлось необходимым по обстоятельствам дела. При задержании хулиганов органы милиции составляли краткий протокол с указанием содержания преступления, фамилий задержанного, потерпевшего и свидетелей и их адресов. Протокол подписывался лицом, его составившим, потерпевшим и свидетелями. Немедленно после составления протокол направлялся в суд одновременно с доставлением туда задержанного.

По делам о растратах и хищениях в потребительской кооперации также предусматривался сокращенный срок производства. Расследование по этим делам должно было заканчиваться в 10-дневный срок с момента представления заявления со всеми материалами, а в случаях, требующих специальной бухгалтерской экспертизы, в 20-дневный [12, с. 35].

Сокращенные сроки судебного рассмотрения дел были установлены и по другим категориям дел.

В военное время упрощенными были также производства по делам о дезертирстве из оборонной промышленности, по делам об уклонении от мобилизации на сельскохозяйственные работы и о самовольном уходе мобилизованных с работ, делам о невыработке колхозниками обязательного минимума трудодней, введенные Указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 года и Постановлением СНК СССР от 25 августа 1942 года соответственно.

В целом можно заключить, что развитие форм уголовно-процессуальных производств Советской России после Октябрьской революции и до середины 50-х гг. осуществлялось, главным образом, за счет дифференциации процесса по классовому принципу. Упрощенным являлось уголовное судопроизводство по делам «классово чуждых элементов», сокращались его сроки, и эта скорость и простота зачастую превращали в ничто права обвиняемого, а сам процесс становился упрощенной судебной расправой [13, с. 70–71].

Дальнейшее развитие дифференциации уголовного судопроизводства связано с принятием в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [14, с. 105], а также УПК союзных республик.

В УПК РСФСР 1960 г. устанавливался дифференцированный порядок производства по делам несовершеннолетних (ст. 391–402), производство по применению принудительных мер медицинского характера (ст. 403–413).

Интересным представляется ст. 38 УПК РСФСР 1960 г., которая предусматривала, что Верховному Суду Российской Федерации подсудны уголовные дела особой сложности или особого общественного значения, которые он вправе принять к своему производству по собственной инициативе либо по инициативе Генерального прокурора Российской Федерации при наличии ходатайства обвиняемого. В УПК РСФСР 1960 г. не раскрывался перечень уголовных дел особой сложности или особого обще-

ственного значения. Указанное процессуальное решение судом (судьей) принималось по усмотрению.

В ст. 126 УПК РСФСР 1960 г. было предусмотрено, что производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту.

Еще одним важнейшим шагом вперед в области дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства явился Указ от 26 июля 1966 г. [15, с. 235], который предусматривал так называемую протокольную форму подготовки материалов. Сначала данная форма распространялась только на дела о хулиганстве, но в дальнейшем получила распространение и на другие дела.

Указом ПВС РСФСР от 13 декабря 1977 г. протокольное производство было распространено на дела о мелком хищении государственного и общественного имущества, а в 1985 г. – еще на 16 составов преступлений. В 1992 г. их насчитывалось 56 [13, с. 86], а в 2001 г. – более 50 [2, с. 30].

П.Ф. Пашкевич справедливо отмечал, что эта новелла значительно повысила оперативность в борьбе с хулиганством и не снизила

гарантий от необоснованного осуждения, поскольку в суде эти дела рассматривались в соответствии с общей процедурой, обеспечивающей право обвиняемого на защиту, объективность и всесторонность судебного исследования дела, вынесение законного и обоснованного приговора [16, с. 52].

Процессуалистами отмечалась высокая степень эффективности досудебного протокольного производства, потому как быстро и качественно проведенное предварительное расследование служит действенным средством борьбы с преступностью [17, 18].

Протокольное производство могло проводиться лишь при соблюдении следующих условий:

- преступление не представляло большой общественной опасности;
- лицо, совершившее преступление, было установлено;
- отсутствовал рецидив;
- не исключалась возможность нахождения подозреваемого на свободе;
- простота в доказывании дела [2, с. 30–31].

Дальнейшее развитие процессуальной формы производства связано с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., которой были созданы основы для дальнейшей дифференциации процессуальной формы производства [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рустамов Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук / Х. У. Рустамов. – М., 2003. – 337 с.
2. Гусева И. И. Унифицированный/дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / И. И. Гусева. – Владимир, 2004. – 228 с.
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1899. – Т. II. – 400 с.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Равенна; Альфа, 1995. – 846 с.
5. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917–1954 гг. : сб. документов / под ред. С. А. Голунского. – М., 1955. – 635 с.
6. Декрет ВЦИК о суде (Декрет № 2) от 7 марта 1918 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. документов / под ред. С. А. Голунского. – М., 1955. – 635 с.
7. Декрет ВЦИК о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) от 30 ноября 1918 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. документов / под ред. С. А. Го-

лунского. – М., 1955. – 635 с.

8. СУ РСФСР. – 1920. – № 22–23, ст. 115.

9. Уголовно-процессуальный кодекс был утвержден постановлением 3-й сессии ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. документов / под ред. С. А. Голунского. – М., 1955. – 635 с.

10. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук / Д. П. Великий. – М., 2001. – 211 с.

11. Якубина Ю. П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. П. Якубина. – Хабаровск, 2010. – 222 с.

12. Кищенко А. В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кищенко. – Владивосток, 2010. – 254 с.

13. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : дис. ... док. юрид. наук / Н. С. Манова. – М., 2005. – 443 с.

14. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. : сб. правовых актов / отв. ред. Р. Х. Якупов. – М., 1997. – 800 с.

15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. / отв. ред. Р. Х. Якупов. – М., 1997. – 800 с.

16. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П. Ф. Пашкевич. – М., 1984. – 175 с.

17. Белозеров Ю. Н., Карнеева Л. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов органами дознания в советском уголовном процессе / Ю. Н. Белозеров, Л. М. Карнеева. – М., 1987.

18. Дьяченко В. И. Протокольная форма досудебной подготовки материалов / В. И. Дьяченко. – М., 1989.

19. Мельник Э. П., Хайдаров А. А. Международно-правовые основы дифференциации процессуальных форм по уголовным делам: к постановке проблемы / Э. П. Мельник, А. А. Хайдаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 91–94.

© Мельник Э.П., 2015

Статья получена: 05.02.2015

УДК 342.9

Л.Р. Габдурахманов

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аварийность на автотранспорте играет особую роль в последнее десятилетие в связи с несоответствием существующей дорожно-транспортной инфраструктуры потребностям общества и государства в безопасном дорожном движении. Для реализации данного направления необходим комплексный анализ уголовного законодательства в области транспортной безопасности.

Ключевые слова: уголовное право; уголовная ответственность за нарушения требований в области транспортной безопасности.

Безопасность на автомобильных дорогах – одна из острейших социально-экономических проблем, стоящих перед большинством стран мира. По данным ООН, каждый год на дорогах мира гибнет 1,3 млн человек и более 10 млн получают ранения. Во всем мире в результате ДТП ежедневно погибают 3 тысячи человек и более 100 тысяч получают различные травмы. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, к 2020 году травматизм в результате дорожных аварий может стать третьей основной причиной гибели или увечий и станет более серьезной проблемой для здоровья людей, чем такие заболевания, как малярия, туберкулез и ВИЧ/СПИД. Количество погибающих на дорогах людей на порядок превышает количество жертв стихийных бедствий, военных действий и прочих катастроф [1].

Как показал анализ литературы, исследованием уголовной ответственности за нарушение правил безопасности занимались Иванцова Н.В.; Сосновский А.Л.; Скрынник А.М.; Пикуров Н.И. [2], но монографические работы, учитывающие последние внесенные законодателем изменения, в литературе не встречаются. В 2010 г. принят федеральный закон, установивший уголовную ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации на транспорте, за неисполнение гражданами, должностными и юридическими лицами

требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и на транспортных средствах (ст. 263.1 УК РФ).

Для реализации данной нормы существуют следующие проблемы: субъектный состав; перечень правил, ответственность за нарушение которых может наступать по ст. 263.1 УК РФ; отграничение от смежных составов и др. Для решения этих проблем необходимо более подробно рассмотреть состав преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ. Объектом состава преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ, являются требования по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах. С объективной стороны деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 263.1 УК РФ, возможно как в форме действия, так и бездействия и выражается в неисполнении требований по обеспечению транспортной безопасности. Диспозиция ст. 263.1 УК РФ бланкетная, т.е. не содержит конкретных признаков преступления, а отсылает к другим нормативным актам.

При анализе диспозиции ст. 263.1 УК РФ мы пришли к выводу, что к числу субъектов данного преступления необходимо относить государственных транспортных инспекторов. Правовой статус государственных

транспортных инспекторов – должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта – урегулирован «Положением о полномочиях должностных лиц Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, осуществляющих контрольные (надзорные) функции» [3], согласно которому государственные транспортные инспекторы осуществляют контрольные (надзорные) функции в области гражданской авиации, использования воздушного пространства Российской Федерации, аэронавигационного обслуживания пользователей воздушного пространства Российской Федерации, авиационно-космического поиска и спасания, морского (включая морские порты), внутреннего водного, железнодорожного транспорта, судоходных гидротехнических сооружений, автомобильного и городского наземного электрического транспорта (кроме вопросов безопасности дорожного движения), промышленного транспорта и дорожного хозяйства, а также обеспечения транспортной безопасности. В том числе инспекторы осуществляют контроль и надзор за обеспечением транспортной безопасности и соблюдением законодательства о транспортной безопасности, а также обязаны оказывать помощь в предотвращении либо прекращении нарушения требований к безопасности на транспорте. Преступление, предусмотренное ст. 263.1 УК РФ, – неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах – необходимо отличать от преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, – недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями. Данные преступления отличаются по характеру совершаемых деяний. Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, составляют недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями. В судебной практике под недоброкачественным ремонтом транспортного средства понимается неустранение всех неисправностей в соответствии с

технологическими правилами и нормативами либо установка недоброкачественных или нестандартных запасных частей (например, узлов и деталей, обеспечивающих безопасную эксплуатацию транспортного средства), а под выпуском в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств понимается невыполнение должностных обязанностей лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства, выпущенного в эксплуатацию с техническими неисправностями.

Составы, предусмотренные ст. 263.1 и 266 УК РФ, отличаются и по субъектам. По нашему мнению, субъектами преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, могут быть работники автотранспортных организаций, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющих перевозки пассажиров и грузов автомобильным и городским электрическим транспортом, и работники других организаций, на которых действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого ими служебного положения возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, а также владельцы-предприниматели либо работники авторемонтных мастерских, имеющие лицензию на осуществление предпринимательской деятельности, которые произвели недоброкачественный ремонт, повлекший по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть. Субъект данного преступления зависит от характера деяния. Ответственность за недоброкачественный ремонт несет лицо, фактически производившее ремонт. За выпуск в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства предусмотрена ответственность специального субъекта: им является работник железнодорожного, воздушного и водного транспорта, автотранспорта и городского электротранспорта, на которого действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого служебного положения возложена ответственность за техническое

состояние или эксплуатацию транспортных средств. Действия владельцев либо водителей индивидуальных средств, разрешивших другому лицу эксплуатацию технически неисправного транспортного средства, также образуют состав рассматриваемого преступления. Им является лицо, ответственное за техническое состояние транспортных средств. Это прежде всего должностные лица транспортных хозяйств и любых других предприятий, организаций, на которых действующими приказами, распоряжениями руководителей либо в силу занимаемого ими служебного положения возложена ответственность по обеспечению ремонта и выпуска на линию транспортного средства и организации его безопасной эксплуатации. Норму ст. 263.1 УК РФ необходимо назвать общей по отношению к норме ст. 266 УК РФ, и при выпуске в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства, совершенном лицом, на которого возложена ответственность по организации его безопасной эксплуатации субъектом преступлений, ответственность наступает по ст. 266 УК РФ как по специальной норме. В остальной части ст. 263.1 и 266 УК РФ не конкурируют между собой и соотносятся как смежные составы преступлений.

Анализ состава ст. 263.1 УК РФ показывает, что практическое применение этой нормы вызовет существенные проблемы. Преступления, квалифицируемые по ч. 1 этой статьи, подсудны мировым судьям, по-

скольку ее санкция не превышает трех лет лишения свободы, а в перечень изъятий из подсудности мировых судей новая статья не включена (ст. 31 УПК РФ), в то время как части первые ст. 263 и 264 с сопоставимыми санкциями отнесены к подсудности районных судей ввиду сложности предмета доказывания по данным делам. По нашему мнению, необходим дальнейший теоретический анализ положений ст. 263.1 УК РФ, основанный на анализе прокурорско-следственной практики.

Таким образом, задачи сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения (за счет совершенствования уголовного законодательства, повышения дисциплины на дорогах, качества дорожной инфраструктуры, организации дорожного движения, повышения качества и оперативности медицинской помощи пострадавшим и др.) и, как следствие, сокращения демографического и социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий согласуются с приоритетными задачами социально-экономического развития Российской Федерации в долгосрочной и среднесрочной перспективе и направлены на обеспечение снижения темпов убыли населения Российской Федерации, создания условий для роста его численности; целевого увеличения к 2020 году валового внутреннего продукта; высоких стандартов благосостояния граждан России.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: URL: <https://www.un.org.ru>
2. См.: Иванцова Н. В., Сосновский А. Л. Уголовно-правовые меры охраны жизни в сфере безопасности дорожного движения / Н. В. Иванцова, А. Л. Сосновский // Транспортное право. – 2010. – № 2. – С. 5–8; Майоров В. И. К вопросу о безопасности в сфере дорожного движения / В. И. Майоров // Транспортное право. – 2009. – № 4. – С. 38–42; Пикуров Н. И. Новое уголовное законодательство об ответственности лиц, связанных с обеспечением безопасности движения транспорта / Н. И. Пикуров // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 11–13; Скрынник А. М. Система государственного контроля и надзора в сфере обеспечения транспортной (морской) безопасности / А. М. Скрынник // Транспортное право. – 2010. – № 3. – С. 20–25; и др.
3. См.: URL: <https://www.gibdd.ru/stat/>

© Габдурахманов Л.Р., 2015

Статья получена: 20.01.2015

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Komlev Y.Y. Adaptation and consolidation of young professionals of BI in the context of police reform: results of sociological research

Approaches to the study are considered and the criteria of professional adaptation of graduates of law institutes of the Ministry of Interior of Russia in the territorial bodies of the Interior is revealed. The overview of the results of empirical research of the professional training, adaptation and employing of young professionals in the police force is given. Measures of the improvement of the adaptation of graduates of universities and the educational process are proposed.

Keywords: professional adaptation, employing, professional core factors of disadaptation, training.

Shipunova T.V. Prognostic potential research constructs of deviance and social control

The author examines the constructs of deviance and social control as complete systems, which include the various components. Between constructs that emerged in different discourses, there are certain relationships that can have both positive and negative consequences in society. The article also presents the results of a study design of social control of deviance in the youth and student discourse.

Keywords: deviance, social control, construct, discourse.

Kudashova I.V. Administrative responsibility for offenses in the field of training of athletes

The article deals with the problem of disqualification for doping in administrative law. The author analyses changes in the legislation of the Russian Federation on issues of administrative responsibility for coach violation of anti-doping rules and researches specialities of the order of coach disqualification.

Keywords: suspension, administrative responsibility, the decision on disqualification, disqualification person, coach, sports doctor.

Shmeleva O.G., Lebedeva A.V. Remuneration of teaching staff in organizations engaged in educational activities for the implementation of higher education programs

The article analyzes the features of the remuneration of teachers of educational institutions of higher education, based on existing legislation governing of their workprocess, and the practice of its implementation.

Keywords: wages, salaries, teaching staff, work of teachers, quality of education.

Shamsutdinova D.V. Constitutional right to education and protection in modern Russian legal proceedings

Article is devoted to the implementation of the human right to education, race-looking understanding of the right to education in the modern world, the system is analyzed, the topic of education in the Russian Federation and the legal framework of the Russian state field of education. The analysis of modern jurisprudence on implementation of the constitutional right to education (examples of decisions of courts of general jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation).

Keywords: youth, education, constitution, law, availability of education, guarantee of the rights, judicial protection

Nevirko D.D., Shinkevich V.E. Sociological research as a part of monitoring the drug situation

This article is devoted to the analysis of use opportunities of sociological research in the evaluation of the drug situation in a particular region in the form of monitoring of the given social problem. Great attention is paid to the exposure of experience in organizing sociological research, the practice of opinion poll to assess the status of illegal distribution of narcotic and psychotropic substances.

Keywords: drug situation, monitoring the drug situation, the level of drug use, healthy lifestyle.

Ephraim M.A. Criminal liability for violation of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, Telegraph and other messages

The article examines the legal nature of the institution secrecy of correspondence, telephone conversations, Telegraph and other messages. It investigates the objective and subjective elements of crime, providing the liability for infringement of the inviolability of the secrecy of correspondence, telephone conversations, Telegraph and other messages.

Keywords: secret, security, information, integrity, criminal responsibility.

Vejle S.P. Extremism in modern Russia: Trends and Prospects

The author analyzes the development of the situation on the basis of counter action to extremist threat in our country; examines some reasons providing evolution turn of extremism in Russia; analyzes the current situation and makes the some proposals on the basis of above given facts.

Keywords: extremism, organized crime, extremist associations, gang, the current situation.

Shalagin A.E., Kabirov D.E. The priority areas of prevention of corruption crime at the present stage

The article reflects criminological characteristics of corruption crime and its social danger and shows the international experience of combating corruption. The proposed measures are aimed at preventing, minimizing and preventing corruption crimes and offences. Proposals on improvement of anti-corruption legislation are also given.

Keywords: corruption, crime, crime prevention, detection and suppression of corruption.

Grachev S.I., Morozova A.S. Corruption as a factor in the existence of terrorism

One of the major threats to the national security of the state is the tendency to block the corrupt elements in the government and the administration and management from terrorism, which sometimes takes the form of direct bonding. The higher the level of corruption in a country or in a particular region, the more favorable fertile ground for the development of terrorism. The fight against corruption should be one of the key directions of public policy, as the effectiveness of the fight (besides other things) to a large extent will affect the reduction of the terrorist threat to the state.

Keywords: national security, organized crime, corruption, terrorism, fight.

Demidova-Petrova E.V. Major factors of manifestation of extremism in the youth environment in the Russian Federation

In the given article major factors of manifestation of extremism in the youth environment are considered. The points of view of scientists about the extremism reasons in the youth environment are given. The author offers determinants of criminal activity of youth of an extremist orientation to which the political social and economic; social and psychological and cultural and educational determinants are referred.

Key words: extremism, youth extremism, youth, minor, reasons of youth extremism.

Butkevich S.A., Konoplyova A.A. Extremism Extension in the Republic of Crimea: Problems of Counteraction and Ways of Solutions

The article deals with the problem issues of extremism extension and counteraction to extremist activity in the Republic of Crimea. Particular attention is paid to historical, political and socio-cultural premises that give rise to the range of problems and activity of state power organs to arrange it. The proposals and recommendations to counteract various extremism manifestations relevant to ethnic and demographic specifics of the Crimean Federal District are developed.

Keywords: security, responsibility, problems, counteraction to extremism, extension, extremist activity.

Ivanov P.I., Buldin A.E. Some features of the operative detective support of the preliminary investigation and trial of cases of legalization of proceeds incomes got by crime way

In this article, the authors tried to show readers peculiarities of the operative detective support of the preliminary investigation and trial of cases of legalization of incomes got by criminal way crime. This type of activity creates the necessary prerequisites for the successful implementation of the principle of inevitability of punishment.

Key words: operative detective investigative support, support criminal cases, money laundering, measures to support, forms of interaction.

Khaidarov A.A. The submission of evidence as a separate procedural action

The article describes this tactic as presenting evidence at the preliminary inquiry. The author proposes to consider evidence not only as a separate reception within one or other procedural actions, but as a separate procedural action.

Key words: evidence of a procedural action, familiarization with the materials of the criminal case, the formation of evidence

Gataullin A.G., Zhukovskaja I.V. Features of pre-judicial settlement of disputes with participation of the intermediary

In article legal aspects of carrying out of procedure mediary are opened; legal status according to the functioning Russian legislation about mediary are proved; the risks connected with possible abusing in mediary, or possibilities of acceptance of undesirable mediary decisions are allocated.

Keywords: the law, the right, dispute, the intermediary, the conflict.

Hadiullina G.N. Islamic banking and the possibility of realization of its potential in the modern Russian economic

The article analyzes the features of the banking activities carried out in accordance with the principles of Sharia, and gives interpretation of the category "riba" as a key concept of Islamic banking, analyzes the problems and prospects of using the potential of Islamic banking in the Russian economy.

Keywords: islamic banking, alternative theories of loan interest, an investment agreement (the product), tools of banking, Islamic finance.

Shevko N.R. The evolution of ideas about the nature of the information

This article discusses the major milestones in the development of the modern understanding of the information. The author presents various points of view of the concept of information, approaches to understanding through the prism of economic indicators, phenomena and processes of society, economic development and scientific and technological progress.

Keywords: information, information economy, knowledge society, information technology, information space, information and communication technologies.

Didenko N.S., Istratov A.A. Special features of the participation of citizens in the criminal legal procedure

The article highlights the current issues of citizens participation in criminal proceedings. The authors consider the peculiarities of citizens as participation in the administration of justice, and the particulars of their procedural status in criminal proceedings, the effectiveness of the implementation provided legal rights and duties. The article discusses the theoretical and legal aspects of participation of citizens and public associations in the activities to ensure achievement of the purposes of criminal proceedings.

Keywords: legal activity, legal status, legal awareness, interaction, criminal proceedings.

Garipov T.I. False notion of the service as a motive for the crime against justice

In this article author reveals the concept of motive misinterpreted goals of crimes against justice. Distinguishes between the motives falsely understood interests of service and other personal interests. Affected by the criminal law aspect of the problem of competition motive for the crime. Problems of qualification of officials committed by reason of false witnesses interests of service, covered with the judgments of the Supreme Court of Justice of the Russian Federation as well as other courts of general jurisdiction.

Key words: false notion of the service, other personal interest, competition motive for the crime, abuse of power, their excess

Melnik E.P. Historical development of the procedural forms of legal proceedings under the laws of tsarist Russia and Soviet Russia

The article considers the history of the development of the differentiation of procedural forms since the law code of 1550 till the 90-ies of the XX century, the Author analyzes the positive enforcement experience pre-existing process of production in the theory and practice of our country.

Key words: differentiation of the forms of judicial procedure, the Protocol of pre-trial preparation materials, the acceleration of criminal proceedings

Gabdurahmanov L.R. Peculiarities of criminal liability for violations of the requirements in the field of transport security

Accident on a vehicle plays a special role in the last decade due to the mismatch of the existing road transport infrastructure needs of the society and the state in road safety. To implement this direction requires a comprehensive analysis of the criminal legislation in the field of transport safety.

Keywords: criminal Law, criminal liability for violations of the requirements in the field of transport safety.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булдин Антон Евгеньевич – слушатель Академии управления МВД России

тел.: 8-917-509-52-51

Буткевич Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, заместитель начальника по учебной и научной работе, начальник учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

e-mail: butkevich-sa@mail.ru

Вайле Светлана Павловна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»

e-mail: spvayle@mail.ru

Габдурахманов Ленар Ринатович – адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, заместитель командира полка ДПС ГИБДД МВД по РТ

e-mail: caa1984@mail.ru

Гарипов Тимур Ильгизович – адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: chipmunk.gti@gmail.com

Гатауллин Анас Газизович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, федеральный судья высшего квалификационного класса, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета

e-mail: public.mail@kpfu.ru

Грачев Сергей Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским центром изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: sig-nur@mail.ru

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: demidova.liza@gmail.ru

Диденко Николай Сергеевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России

e-mail: rui@ruimail.ru

Ефремова Марина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета

e-mail: kulk@ulsu.ru

Жуковская Ирина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: zh072@rambler.ru

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации

тел.: 745-95-96

Истратов Антон Андреевич – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Ростовского юридического института МВД России

e-mail: rui@ruimail.ru

Кабилов Дмитрий Эрнстович – кандидат исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Казанского юридического института МВД России

e-mail: vestnikkui@mail.ru

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

Коноплёва Анна Алексеевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

e-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

Кудашова Ирина Владимировна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры административного права Сибирского юридического института ФСКН России

e-mail: 08irina1971@mail.ru

Лебедева Альфия Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

тел.: 89172650570

Мельник Эдуард Петрович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

e-mail: eduard-melnik@mail.ru

Морозова А.С. – аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: sig-nur@mail.ru

Невирко Дмитрий Дмитриевич – доктор социологических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института ФСКН России по научной работе

e-mail: onrio@sibli.ru

Хадиуллина Гульнара Насимовна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики Казанского юридического института МВД России

тел.: 89063219099

Хайдаров Альберт Анварович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

e-mail: skywriter_al@mail.ru

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

тел.: 89046675208

Шамсутдинова Дарина Венировна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

тел.: 89196244222

Шевко Наиля Рашидовна – кандидат экономических наук, начальник кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики Казанского юридического института МВД России

e-mail: nailya-shevko@rambler.ru

Шинкевич Владимир Ефимович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института ФСКН России

e-mail: vlashink@yandex.ru

Шипунова Татьяна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета

e-mail: shtatspb@yandex.ru

Шмелева Ольга Геннадьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики Казанского юридического института МВД России

тел.: 89872967613

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Казань

« ____ » _____ 201__ г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Зиннурова Фоата Канафиевича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____,

именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи « _____

_____», именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение следующие права:

2.1.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. Право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. Право на использование метаданных (название, имя Автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы;

2.1.4. Право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.5. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

2.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

2.5. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.6. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку: фамилия, имя, отчество; сведения об ученой степени; сведения об ученом звании; сведения о месте работы и занимаемой должности; контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Ответственность Сторон

3.1. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае их безрезультатности, указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

5.3. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.4. Расторжение Настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.5. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.6. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства Российской Федерации.

5.7. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

ИЗДАТЕЛЬ:

**Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**
420108, г. Казань, ул.Магистральная, 35
ИНН 1659031563, КПП 165901001
в ГРКЦ НБ РТ Банка России г. Казань
р/с 401058100000000010001
л/с 03111517810 в УФК по РТ
тел.: (843) 278-77-28, факс:278-77-58

АВТОР:

ФИО

Адрес

Паспортные данные

Дата рождения

_____**Ф.К. Зиннуров**

_____ (_____)

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. В начале статьи необходимо указать УДК.
6. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
7. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, межстрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
8. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
9. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю», а также заполненный договор.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).